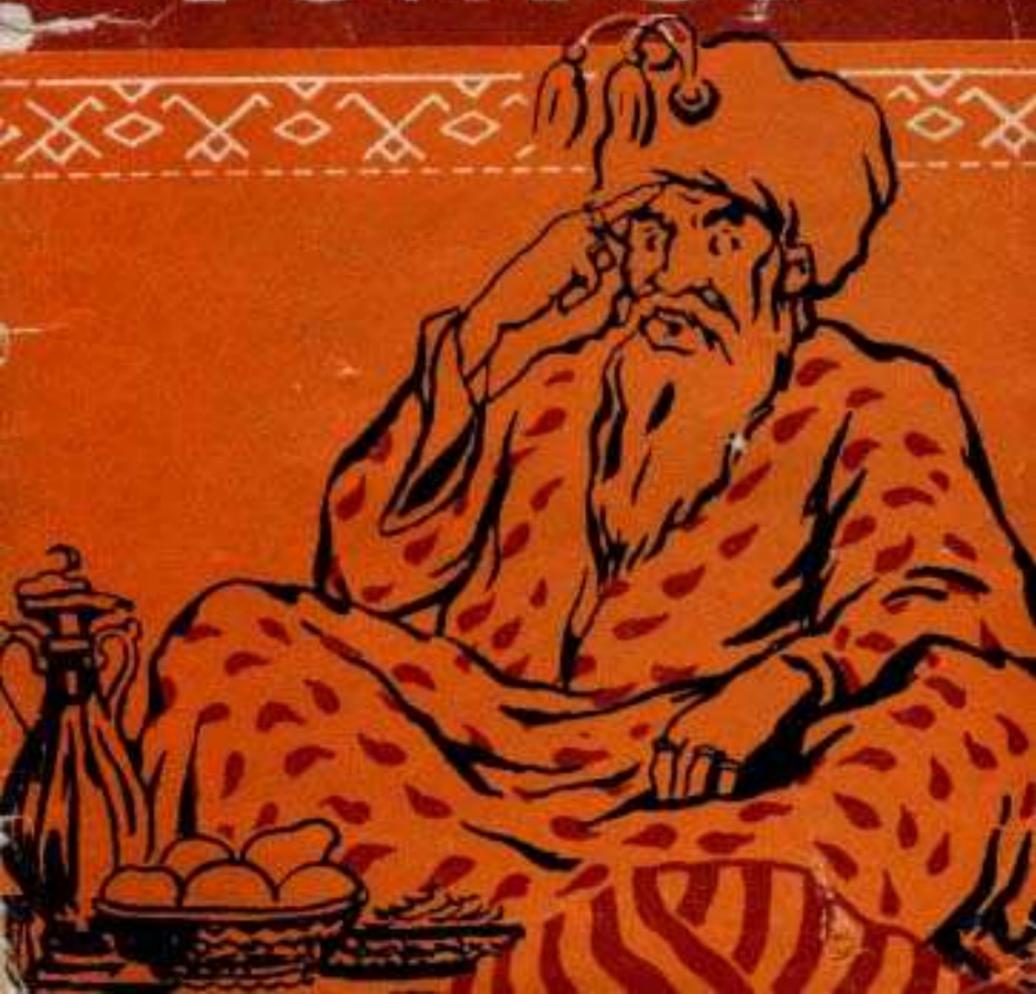

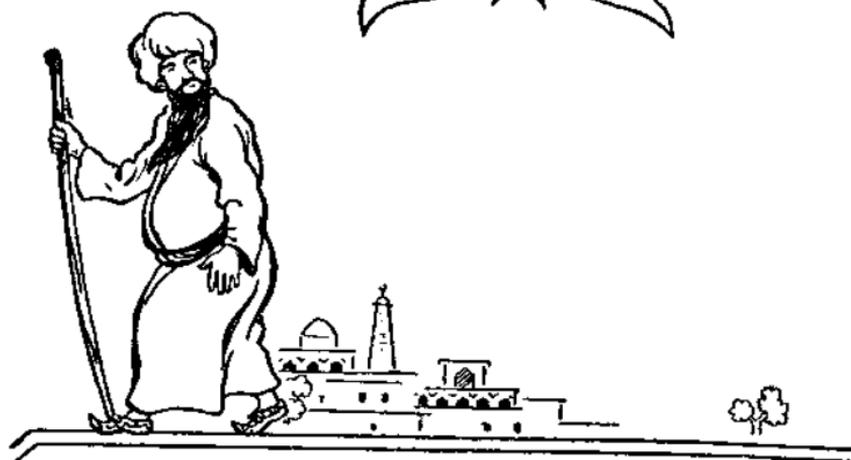

Туркменский
ЮМОР

Туркмен
ЮМОРЫ

«Туркменистан»
неширятьы
Ашгабат—1967

Туркменский
ЮМОР

ПЕРЕВОД
С ТУРКМЕНСКОГО

Издательство
«Туркменистан»
Ашхабад—1967

В сборнике «Туркменский юмор» читатели найдут замечательные рассказы и острые анекдоты о народных любимцах: туркменском поэте-сатирике XIX в. Кемине — страстном обличителе феодальной и клерикальной знати — и великом узбекском гуманисте XV в. Алишере Навои (Мирали); вместе с ловким обманщиком Алдар-коге и забавным весельчаком Эсенполатом посмеются над посрамленными ханами и баями, муллами и ишанами; познакомятся с любопытными новеллистическими сказками (эртеки), рассказами Карры-ата, анекдотами об Эпенди.

Сборник познакомит читателей с жизнью и бытом туркменского народа в прошлом, с его мечтами и чаяниями, стремлениями и надеждами.

Вторая часть книги отведена современному туркменскому юмору.

Составители сборника:

Каррыев Б. А., Кекилов А. К., Косаев М. К.

Художественное оформление
Юрия Новякова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Богато и многообразно устное творчество туркменского народа. Сказания и предания, легенды и дестаны, песни и причитания, пословицы и загадки — вот далеко не полный перечень его видов и жанров. Юмор и сатира занимают в нем особое место: их по праву называют жемчужинами народной мудрости.

Туркменский фольклор начал складываться в незапамятные времена. В течение столетий он дополнялся, менялся, запечатлевая исторический опыт трудовых масс, их упорную, хотя и не всегда успешную борьбу против «злых сил» природы и человеческого общества за свободу, счастье и светлое будущее.

Любовь к труду, высокие моральные качества — добро, справедливость, честь — получили художественное воплощение также в сатирических и юмористических произведениях. Но главное их содержание составляет обличение человеческих слабостей; недостатков и пороков представителей господствующих классов — шахов и ханов, купцов и баев, мулл и ишанов.

Фольклор создавался разными слоями населения и в различные исторические эпохи. Поэтому вполне естественно, что отражает он культурно-бытовой уровень, взгляды, мировоззрение его создателей; соответствует тогдашнему укладу жизни и быта. Однако, несмотря на то, что мы живем в совершенно новой общественно-экономической формации — при социализме — основная часть народной сатиры и юмора не потеряла своей актуальности. Она близка и созвучна морально-этическим требованиям наших дней. В этом ее непреходящая художественная ценность,

Юмор и сатира — неперенные атрибуты всех жанров, как устного народного творчества, так и письменной литературы. Кроме самостоятельных, хотя и сравнительно небольших форм туркменского фольклора в виде так называемых «ёмак» (дразнилок), «шорта соз» (анекдотов), «янылтмач» (скороговорок), они присутствуют также в пословицах и поговорках.

Вот ярко выраженные в пословицах и поговорках образцы сатиры и юмора на социальные темы: «Богач ищет выгоду, нищий — отчизну», «Безумец любит безумца, мулла — мертвеца», «Делай, что мулла говорит, не делай, что он сам творит» и тому подобное. Лень, глупость, хвастовство, эгоизм, ложь, злость, присущие отдельным людям, также предмет этих жанров: «Без молока — не мекай», «Быку-лежебоке — корма нет», «Гибель коня — пир собаке», «Глупый гость хозяина угощает», «Глупый поймет, когда устанет», «Гневаешься — придержи язык», «До начала дела лентяй — краснобай», «Каждая лиса свой хвост хвалит».

Веселым юмором дышат такие пословицы: «В доме, где детишки — бывают и воришки», «Ворона ласково называет своих детенышей беленькими, а еж — мягонькими», «Гость в первый день — золото, во второй — серебро, в третий — медь, в четвертый — наглец», «Для бедняка и плов еда» и т. п.

Примерно в XVI—XVIII вв. широкое распространение среди туркмен получили любовно-романтические сказания, или сборники песен, объединенные общим сюжетом, в котором переплетены самым тесным образом элементы фантастики, метко схваченные наблюдения из реальной действительности, а также лирико-психологические мотивы и назидания. Этот жанр, получивший название дестана, также не мыслится без сатиры и юмора.

В народных дестанах «Шасенем и Гариб», «Саят и Хемра», наряду с причудливой романтикой и трогательной лирикой, присутствуют сцены, изобличающие продажность и моральную неустойчивость мулл, ишанов, пиров, казиев и других представителей ислама; тиранию, вероломство и прочие злодеяния феодальной эксплуататорской верхушки — шахов, ханов, везиров. Характерны в этом отношении образы кази, царевичей-престолонаследников и шаха в дестане «Хурлукга и Хемра». Шах Хисроу показан выжившим из ума, его старшие сыновья Хуршид и Зивер — злодеями, каких не видел свет, а мусульманский судья — кази — низким взяточником и гадким сластолюбом,

Вот эпизод из дестана, едко высмеивающий проделки кази, толкователя и блюстителя шариа.

Повелительница Хурзагфран добивается любви юноши Хемра, влюбленного в прекрасную Хурлукга. Ее притязания противопоказаны. Зная податливость кази на ласки и золото, она обращается к нему:

Сумей хитро использовать закон,
Кази, позволь мне стать его женой.

Коня отдам я в латах золотых.
Дам лучших шестьдесят рабов своих,
Дам шестьдесят искуснейших ткачих,
Кази, позволь мне стать его женой.

Кази не против, но ему приходится держать ответ перед Хурлукга, песня которой с рефреном: «Говори правду, кази!» служит ярким примером сатиры в дестанном творчестве.

Тунеядство и безнравственность, алчность и ханжество духовенства служили объектом едкой сатиры не только в дестанах, но и в целом ряде произведений классической литературы. Вспомним стихи Махтумкули:

Ишаны стали обивать пороги,
Муллы давно к любым грехам не строги,
Крича: «Я свят!», святоши лгут о боге
И в божий рай при жизни ищут ход.

(Стих. «Распад»)

Махтумкули сочинил и многие другие произведения, в которых бичуются социальные язвы и морально-бытовые пороки современного ему общества. И если в стихотворении «Двоеженец» он смеется над баями-многоженцами, заявляя:

Когда смельчак себе двух жен добудет,
Народ себе потеху в нем увидит...
Мужчиной мужа не сочтут такого:
Он третьей бабой станет в свой черед.—

то в сатире «Сплетник» — обрушивается на распространителей клеветы и клеуз:

Уймись, молчи! Не причиняй на миг
Народу-солвцу лишней боли, сплетник!

Дурная привычка отдельных людей употреблять жевательный табак осуждена поэтом в известном стихотворении «Нас-атан»:

С табаком не можешь долго быть в разлуке.
Рискуешь всюду, пристрастясь к проклятой штуке,
Вытираешь о бока, сморкаясь, руки,
Все измазал — грудь, колени, нас-атан..

Пожалуй, еще большую известность получило в народе сатирическое стихотворение Махтумкули «Баш устунё» («Пожалуйста»), в котором нарисован образ труса-горлопана и чревоугодника:

Трус обещать всегда охоч:
Ведь обещанье не тревожит..
Крутя усы, осклабя рот,
За льва он грозного сойдет,
Он рёвом горло надорвёт,
Коль блюдо плова уничтожит.

Обличительная линия поэзии основоположника классической литературы нашла свое дальнейшее развитие в творчестве замечательного сатирика XIX в. Кемине. Поэт, защитник бедноты, хорошо известен в Туркменистане как автор многих юмористических и сатирических стихотворений и как герой остроумных анекдотов, направленных против баев-ростовщиков и представителей мусульманского духовенства — пиров, казиев, ишанов.

Вы — лжесвидетель, так трубит молва,
О, мой радетель, ведь она права!
Вы продаёте ложные слова —
Кому продать случится, мой кази! —

В другом четверостишии выведен обобщенный тип жадного пира-мракобеса. Мы имеем в виду сочиненное экспромтом стихотворение «Доверься разуму», когда Кемине уподобил встреченного на дороге навозного жука скупому и подлому пиру:

Ты хитростью достиг невиданных высот,
О мерзостях твоих не ведает народ.
Кто разгадал тебя, тот грешником сльвет,
Ты молишься, а сам проклясть меня готов.

Органическая связь поэзии Кемине (да и других туркменских поэтов) с фольклором прослеживается на всем его творчестве. Это и естественно. Недаром в свое время говорил А. М. Горький: «Начало искусства слова — в фольклоре».

Туркменские поэты умело использовали неисчерпаемые источники народно-поэтического творчества и в свою очередь обогати-

ли эту коллективную сокровищницу своими собственными творениями.

Если говорить о Кемине, то свою глубокую любовь к нему народ выразил созданием вокруг его имени целого цикла юмористических и сатирических рассказов и анекдотов, часть которых публикуется в настоящем сборнике. Дополняя друг друга, они рисуют страстного поборника правды, справедливости и непримиримости, разоблачителя феодально-клерикальной верхушки.

В юмористических и сатирических рассказах о Кемине перед нами проходит галерея образов скупых и лживых представителей ислама, жестоких и алчных баев и ростовщиков.

В анекдотах — «Пример с учителя», «Станет гончей», «Понятная любовь», «До вас далеко», «И вам приходится отцом?», «Чьи помыслы чище?», «Снова стал бараном» — дается мрачный образ хивинского наставника-пира, жестоко эксплуатировавшего и обманывавшего своих учеников-послушников. Не менее интересны миниатюрные рассказы — «Он уже явился», «Мы за вами», «Чему верить?», «Лучше подружиться с дьяволом», «Не правда ли?», «Не так уж далеко», — в которых ядовито высмеиваются религия, духовенство, его проповеди о существовании райских услад, добрых ангелов и т. п.

Другая сатирическая струя цикла анекдотов о Кемине направлена на баев-скряг, веками угнетавших бедных дехкан и скотоводов. Эти алчные баи думают только о наживе в противовес трудящимся массам, которым даже в обстановке феодально-патриархальной кабалы были весьма дороги интересы родины:

«Баям только богатство мило. Край отцовский — мил беднякам!» — восклицает поэт.

Главным протестом против засилия феодальной верхушки дышит рассказ «Готерим» («Гораздо больше»), где показаны непреодолимые противоречия между простыми тружениками и жадными богачами, ссужавшими деньги и продукты за огромные проценты. А в таких анекдотах, как «Когда шёл дождь», не только противопоставляются интересы бедняков и баев, но проводится мысль о возможности байского добра в пользу голодных.

Оптимизмом и гуманизмом Кемине можно объяснить бытующие в различных уголках Советского Туркменистана жизнерадостные анекдоты: «Новая жена Кемине», «Переселение», «Чем мы ее обидели», тематически связанные с крайней бедностью поэта,

Несмотря на невыносимые условия жизни, поэт никогда не падал духом и верил в наступление лучшей жизни, когда люди труда «похоронят свою бедность», обретут счастье:

Не горюй, не печалься, имей выдержку, сердце мое!

Пришла, но уйдет эта бедность.

Почетное место в туркменском юморе принадлежит циклу рассказов, группирующихся вокруг великого узбекского поэта Мирали (Навои). Здесь, как и в цикле «Кемине», главным действующим лицом выступает прославленный поэт. Известно, что в течение пяти веков Алишер Навои (1441—1501) пользуется у туркмен огромной популярностью, он оказал заметное влияние на туркменских поэтов XVIII—XIX вв. Братской дружбой между народами и их лучшими представителями, сотворчеством в области культуры, литературы и фольклора объясняется возникновение цикла забавных приключений Мирали. Разумеется, они далеки от исторической биографии Навои, в них нашли художественное отражение лишь отдельные стороны его жизни и деятельности.

Как и следовало ожидать, в этих анекдотических рассказах весь фон, вся обстановка, начиная от кибитки дехканина, с его примитивным земледелием, и кончая аулом — «резиденцией» султана — типично туркменские. В созданном талантливыми рассказчиками образе, Мирали изображен выходцем из простого народа — потомственным бедняком. Любимый герой пасет скот, сам обрабатывает землю, живет в обыкновенной кибитке, не имеет даже постели и скарба. В то же время огромную сумму, получаемую им за службу у султана, он раздает нищим и инвалидам (рассказ «Куда ты их тратишь?»). Все свое богатство, ум и энергию Мирали направляет на помощь обездоленным людям, на облегчение их участи. Здесь ощущается явная идеализация личности классика узбекской литературы. Но она объяснима, если учесть полезную для народа историческую деятельность большого гуманиста.

Мирали находчив и сообразителен, он вступает в смелые состязания с тимуридским повелителем и его завистливыми сановниками. Последние организуют интриги и заговоры против поэта (он был некоторое время визирем у того же правителя), но герой выходит победителем из всех сложных перипетий («Когда умрет шах», «Почему смеялся конь», «Кто прав», «Короткое одеяло», «Советчик»).

Среди рассказов данного цикла выделяется — «Прости, друг», в котором веселый юмор переходит в социальную сатиру на бога-

чей. Не исключена, конечно, возможность привнесения этого сюжета из народных сказок. Но и в этом случае мы видим широкую фольклоризацию благородного образа Навои, что опять-таки свидетельствует о глубочайшем к нему уважении читателей и слушателей. Добавим, что Навои настолько популярен в народе, что кроме цикла юмористических рассказов, у туркмен существует специальный музыкальный лад, названный именем великого гуманиста.

О древности жанра сатиры и юмора, как продукта коллективной мысли трудовых масс, в котором красной нитью проходят демократические тенденции, свидетельствует и другой цикл рассказов. Мы имеем в виду серию сатирических приключений, группирующихся вокруг имени Алдаркосе. Этот цикл привлекает тем, что в нем представлены напряженные по композиции и острые по идейному содержанию рассказы о хитром обманщике, напоминающие новеллистические сказки. Они широко известны среди туркмен, а также других народов Советского Востока: узбеков, казахов, каракалпаков. Как явствует из имени Алдаркосе («Алдар» — обманщик, «Косе» — безбородый, символ хитрости), он оставляет в глупом положении своих противников, будь это жадные торгаши, ростовщики-скряги или ханжи-кази, любыми средствами выжимающие деньги у простых и неискушенных в их темных делах людей. Находчивый балагур преодолевает все житейские невзгоды, отбирает у богачей нечестно нажитое ими добро, мстит им за себя и за всех обманутых («Алдаркосе и сорок купцов», «Алдаркосе и кази», «Алдаркосе и ростовщик», «Вещая птица», «Посев верблюдов» и др.). В то же время он готов оказывать материальную и моральную помощь нуждающимся: «Выгодная сделка». Характерно, что в борьбе с «сильными мира сего» Алдаркосе умело использует свой ясный и практический ум бывшего человека, большую сообразительность и решительность в действиях.

Ловкость и изобретательность Алдаркосе поистине неисчерпаемы. Немногословные и простые повествования о веселом обманщике близко напоминают сатирические и юмористические новеллы, объединенные компактностью идеи и социально-бытовой направленностью. Помимо социальной сатиры и глубокого юмора в них утверждается разум и сметка, правда и справедливость.

Забавные сцены и острые словечки заключены в цикле коротких рассказов «Эсенполат». Здесь героем анекдотического рассказа

выступает своеобразный комик. Тут мы имеем дело с развлекательными шутками, проделками весельчака Эсенполата. Он смещит людей не ядовитой сатирой на светских или духовных феодалов, а комизмом положений. Невинные анекдоты и веселые трюки шутника основаны на жизнерадостном восприятии окружающего мира. Эсенполат иронизирует и пародирует неуклюжее, либо, наоборот, ловкое поведение людей в определенной жизненной ситуации, что опять-таки говорит о неисчерпаемом оптимизме и юморе, свойственным устному народному творчеству.

Не менее популярен среди туркмен большой цикл юмористических и сатирических рассказов, связанных с именем Эпенди (иначе Насреддин, Насреддин-Эпенди, Ходжа-Насреддин). Как и некоторые рассказы и сказания, легенды и циклы («Лейли и Меджнун», «Тахир и Зохре», «Ашик Гариб», «Кер-оглы», «Алдаркосе», «Сорок небылиц», «Хатам-Тай» и др.), анекдоты Эпенди издревле и широко бытуют среди многих народов Востока, отчасти и Запада.

По определению академика В. А. Гордлевского, анекдоты об Эпенди (Ходжа-Насреддине) распространены повсюду, они встречаются даже в Индии и в Западной Европе.

Как одноименные сказания и циклы межнациональных рассказов, эти анекдоты принадлежат не одному, а всем тем народам, которые являются их носителями. Разумеется, и туркмены не представляют здесь исключения. Больше того — у них анекдоты Эпенди настолько любимы и популярны, что часть их приписывают национальному поэту XIX в. Кемине.

Итак, не найдется, пожалуй, ни одного туркмена, узбека, азербайджанца, татарина и т. д., который не знал бы имени Эпенди (Апанди, Эфенди, Насреддин) или его забавных рассказов. Одно его имя вызывает улыбку у слушателя, видящего в образе героя этих рассказов то непоборимого острошлова и находчивого мудреца, то циника и балагура, но всегда беспощадного противника мулл, мусульманских судей — кази и торговцев, а также феодальных деспотов и насильников. Он везде и всюду труженик, защитник и печальник народного горя.

Добрый наставник и веселый шутник, Эпенди смеется над людской глупостью, над теми или другими пороками старого эксплуататорского общества и его представителей.

Анекдоты Эпенди передаются из поколения в поколение и вошли в сокровищницу устного народного творчества. Здесь пуб-

ликуются лишь некоторые образцы этого поистине интернационального цикла сатиры и юмора.

В нашем сборнике помещены образцы народных сказок, называемых по-туркменски эртеки, что в переводе означает «грядущее» (по другому толкованию — «былое»). Эртеки — один из наиболее древних, самых богатых и разнообразных жанров художественного фольклора. Их сказители и носители — трудящиеся дехкане, бедные малдары-скотоводы. В эртеки выражены ум и сообразительность, нравы и мировоззрение, мечты и стремления масс, их борьба с эксплуататорской верхушкой старого общества в лице ханов и шахов, баев и ростовщиков, ишанов и мулл. Сказка, особенно новеллистическая, утверждает труд как источник материального благополучия, как мерило достоинств человека.

Примечательно, что вопреки суровому адату и шариату, женщина, героиня сказок, наделена благородными чертами. Она способна не только любить и быть любимой, но и отстаивать свои человеческие права, побеждать похотливых представителей ислама, ненасытных баев, коварных везиров и деспотичных ханов.

В наш сборник включены отдельные образцы сатиры и юмора, ранее не издававшиеся и входящие в традиционное народное творчество, а также юмористические и сатирические рассказы, взятые из современной туркменской литературы и фольклора.

Характерным для них является оригинальность и большая идейная глубина, разнообразие жанров (хотя мы взяли лишь отдельные образцы некоторых жанров), высокое мастерство изложения.

В числе их — краткие юмористические рассказы о современном народном шахире Ата Копек-Мергене (род. в 1898 г.), авторе целого ряда фольклоризированных стихов и художественной прозы; сатира замечательного поэта Советского Туркменистана Поммы Нурбердыева (род. в 1909 г.); краткие рассказы о детях, написанные видным туркменским детским писателем и литературоведом Каюмом Тангрыкулиевым (род. в 1930 г.); юмористические рассказы других молодых писателей Туркменистана — А. Аннабердыева, Д. Сахатова, Н. Эсенмурадова.

Настоящий сборник юмористических и сатирических произведений призван ознакомить русского читателя с образцами художественного фольклора туркмен, созданного на протяжении столетий.

Б. КАРРЫЕВ, доктор филологических наук

пустил свою добычу и поднял передние лапки. Поэт рассмеялся:

— По-моему, он больше похож на ишана, мой таг-сыр. Посмотрите, он поднял руки и читает молитву!

До вас далеко

— Ну и язык у тебя, Кемине-сопи! — разозлился ишан.— Ни одно слово от тебя не укроется!

— Все равно мне до вас далеко, святой отец,— признался Кемине.— Ведь от Вас не укроется ни одно зернышко в чужом амбаре, ни одна монета в чужом кармане.

Вы один

Некоторое время Эрали-ишан и Кемине ехали молча. Поглядывая на злое лицо пира, Кемине экспромтом сочинил стихи:

Нора его полным полна: смрад и вонь,
А все же алчности его лют огонь.
Он подымает ножки вверх — только тронь.
Его молитвенный испуг — нечто странное....

Ишан разозлился еще больше.

— Сам дьявол говорит твоими устами! — крикнул он и хлестнул кобылу.

Кемине тоже заторопил свою клячу. Так они и ехали: впереди, мягко покачиваясь в удобном седле,— пир, сзади, трясясь на мослах старой клячи,— Кемине.

— Как ты там едешь, молла Кемине? — оглядываясь, с усмешкой спрашивает пир.

— Разве я еду?

— А что же ты делаешь?

— Просто подпрыгиваю и опускаюсь.

— Значит, скоро разобьешь свою ступку?

— Да, тагсыр, но не раньше, чем вы разотрете свою молочную лепешку.

— Ты что? К женщине меня приравниваешь?! — снова рассердился пир.

— О нет, мой учитель. Говорят, два ишана стоят одного человека, да и то женщины. Но ведь вы один!..

И вам приходится отцом?

Наконец Эрали-ишан и его ученик добрались до кибитки умершего. Отдохнули и, после сытного обеда, пир приступил к разделу наследства между сыновьями покойного бая. Себя он тоже не забыл.

Кемине, заметив мошеничество, с насмешливым видом спросил:

— Скажите, ишан-ага, умерший и вам приходится отцом?

Чему верить?

Пир закончил раздел наследства. Съехались соседи-баи. Начался той. Время от времени кто-нибудь из гостей почтительно обращался к Эрали-ишану с вопросом на религиозные и житейские темы. Пир отвечал, раздумывая от важности.

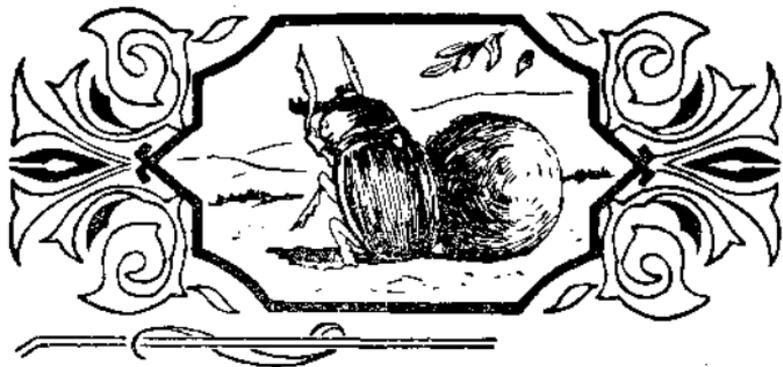
— Тагсыр, большой ли грех курить чилим? — спросил один.

— Если курить для леченья, то греха никакого нет, — ответил ишан.

— Вах, мой пир, — удивился Кемине. — Вчера вы говорили: «За курение ждёт ад!» Чему же верить?

КЕМИНЕ

КЕМИНЕ И ПИР*

П

Похож на ишана

ригласили Эрали-ишана разделить наследство между сыновьями умершего бая. Он взял с собой ученика — соли Кемине. «Будет собеседником в дороге и за лошадью присмотрит», — решил пир. Оседлали ему породистую кобылу, а Кемине — захудалую клячу, и они поехали. На дороге пир увидел жука-навозника, катившего свою добычу. Желая отплатить Кемине за его насмешки, пир ядовито заметил:

— Не находите ли, молла Кемине, что этот навозник смахивает на текинского бедняка, который тащит домой мешок с объедками?

Кемине легонько стукнул жука прутиком; тот вы-

* Непонятные читателям слова объясняются в алфавитном словаре, помещенном в конце книги.

Столкнуть с моста

Зная по опыту, что с Кемине лучше не спорить, пир перевел разговор на другое.

— Мусульмане,— сказал он,— если вы хотите быть достойными райской жизни — совершайте побольше богоугодных дел. Не скупитесь на жертвы в этом мире. На том свете предстоит вам перейти через мост, который тоньше волоска и острее меча. Под мостом — ад, кишущий змеями и скорпионами. Жертвуйте побольше овец в пользу бога и его служителей, чтобы не сорваться в бездну ада.

— Скажи-ка, чабан,— громко обратился Кемине к соседу,— овец легче перевести через мост когда их много, или когда мало?

— Чем меньше, тем легче,— ответил чабан.

— Вы слышали, люди? — воскликнул Кемине.— Если не хотите упасть в ад, не приносите в жертву овец. Иначе на том свете они столкнут вас с моста!

Чьи помыслы чище?

Пир и Кемине возвращались домой. Навстречу показались два всадника. Издали завидев Эрали-ишана, они спешили и что-то спрятали в придорожных зарослях. Когда ишан приблизился, незнакомцы почтительно приветствовали его.

— Что это вы спрятали в кустах? — поинтересовался тот вместо ответа на приветствие.

Всадники пытались было отговориться, но ишан так пристал к ним, что они вынуждены были сказать:

— Мы бахши. Едем на свадьбу.

— Значит, вы спрятали дутары?

— Да, тагсыр, но мы сделали это из уважения к вам.

— Ах вы, капыры, подлые нечестивцы, слуги шайтана, дети греха! — завопил Эрали-ишан. — Вместо того, чтобы направить свои помыслы на дела, угодные богу, вы бродите с дутарами и поганите землю!

Бахши стояли, смущенно понутив головы.

— О, мой пир, — вмешался Кемине, — помыслы этих людей чище наших. Они ходят по свадьбам, где веселье и радость, а мы с вами — по поминкам, где плач и горе.

Молла! Хушьюр возьмешь и верно в рай попадешь:

Дутаршика зато в крошечный ад пошлешь.

И даже с мертвеца последний грош сорвешь.

Любой из пиров здесь, в юдоля сей, — таков.

Станет гончей

Как-то Кемине захотелось повидать семью.

— Разрешите, учитель, съездить домой? — обратился он к пиру.

— Поезжай, только возвращайся.

— А как же! — усмехнулся Кемине. — Сказано же: конь тысячу раз ступит туда, куда зарекался не ступать.

— Обязательно возвращайся, — повторил пир и добавил: — Привези мне хорошую гончую.

Уладив семейные дела, Кемине снова появился в Хиве. Не забыл он и о поручении пира. Прихватил с собой огромного дородного волкодава. Эрали-ишан возмущился:

— Я просил привезти гончую, а это же дворняга какая-то.

— Не огорчайтесь, учитель, — сказал Кемине, — эта дворняга поживет немного у ваших дверей и станет настоящей гончей.

Пример с учителя

Эрали-ишан был очень жадным человеком. Получая плату за совершение молитв, он никогда не делился ею со своими учениками — сопи, помогавшими ему в богослужении. Больше того, вместо учебы, он заставлял их работать на себя. Единственная премудрость, которую он постоянно вдабливал им в головы, состояла в том, чтобы они во всем брали пример с него, с учителя.

Однажды сопи были посланы копать землю. Пошел и Кемине. Заложив руки за спину, Эрали-ишан прохаживался среди работающих. Кемине поступил так же. Пир заметил лентяя.

— Кемине-сопи, — раздраженно сказал он, — если ты хочешь учиться — работай, как другие!

— Учитель, — смиренно проговорил поэт, — вы советовали брать пример не с сопи, а с вас.

Вспомнив свое назидание, пир взялся за лопату. Тогда и Кемине приступил к работе.

Много благословившихся

Вечером, после работы, все сели ужинать. По жадности своей, пир поставил перед каждым десятую сопи по одной миске плова. Кемине рассмеялся.

— Ешьте, молла Кемине, — сердито проговорил Эрали-ишан.

— С удовольствием, — ответил Кемине и раньше всех принялся за еду.

Ртов было много, и миска вскоре опустела. Пир удивился.

— Ты, наверное, не благословился, прежде чем сесть за трапезу? — спросил он Кемине. — Что-то уж очень быстро миска опустела.

— Не в этом дело, учитель, — ответил Кемине. — Просто было слишком много благословившихся.

После плова был подан чал. Кемине пил, причмокивая от удовольствия.

— Молла Кемине, пей без шума,— строго заметил пир.

— А что, разве чал ворованный?

— Нет, нет,— успокоил пир.— Но это не означает, что надо пить, шлепая губами, как верблюд.

— Хорошо, тагсыр,— согласился Кемине,— в следующий раз сделаю по-вашему.— Буду процеживать сквозь зубы, как ишак.

Понятная любовь

Однажды пир за совершение духовного обряда получил много зерна и, по обыкновению, ни с кем не поделился.

— Мой пир,— обратился к нему Кемине во всеуслышание,— в какой год вы родились?

— В год крысы,— ответил ничего не подозревая пир.

— А...— сказал Кемине.— Тогда понятна ваша любовь к зерну.

Мы за вами

Чтобы заработать побольше, Эрали-ишан читал длинную-предлинную проповедь.

— Помните, мусульмане,— поучал он,— ад страшен! Зато прекрасен рай! Но попасть в него трудно. Надо перейти через мост тоньше волоса, острее меча. Преодолеть его может только тот, кто не печется о земных благах, кто делает много богоугодных дел... Ах, как

сладко в раю! Кругом благоуханные цветы, множество ароматных плодов, всякие яства.

— Тагсыр,— спросил пир Кемине,— если в раю хорошо, за чем же дело стало? Чем жить в этом беспоконном мире, спешите в рай!.. А мы за вами!

Снова стал бараном

Кемине жил в отдельной худжре при мечети. В один из дней праздника курбанлыка он вел домой барана. Увидев, что можно поживиться за чужой счет, Эрали-ишан сказал своим сопи:

— Попробуйте-ка завладеть этой скотинкой...

Сопи спрятались под мостом, который лежал на пути Кемине, и, когда он приблизился, с гиком выскочили навстречу. Баран испугался и вырвался из рук Кемине.

— Ах ты, нечисть, ах ты, свинья! — закричал ошарашенный Кемине.

Сопи кинулись за добычей.

— Не ловите барана! — воскликнул Эрали-ишан. — Он теперь опоганен.

Один из сопи поймал беглеца.

— Вах, какой хороший баран! — с восторгом сказал он.

Услышав это, пир довольно потер ладони.

— Тащи-ка его сюда! Он снова стал бараном!

Подходящее место

Задумал Эрали-ишан построить себе роскошный дом и мечеть, но никак не мог найти подходящего места.

— Кругом была война,— брюзжал он.— Вся земля опоганена кровью.

Наконец его осенило. Он созвал тысячу бедняков и приказал им насыпать посередине озера Узында остров.

Однажды пир приказал Кемине:

— Пойди понаблюдай за работой.

Кемине пришел к озеру, увидел изнуренных работой дехкан и страшно рассердился. Подъехал сам Эрали-ишан. Быстро взобравшись на дерево, Кемине принялся обрубать сучья.

— Что ты делаешь? — спросил ишан.

— Хочу вот тут построить себе дом, — ответил поэт.

— Вах-вей! — удивился пир. — Неужели ты не нашел более подходящего места?!

— Это место подходит для строительства не меньше, чем то, которое выбрали вы, — сказал Кемине.

Если предположить

Кемине житья не давал ишану своими насмешками. Раз как-то он сказал ему:

— Мой пир, какое зрелище я видел недавно!

— Какое же? — полюбопытствовал ишан.

— Большая собака гонялась за свиньей.

— Что же это была за собака, если она не могла догнать поганую свинью?.. — стал спрашивать пир. — Большое между ними было расстояние?

— Нет, почти рядом, — ответил Кемине. — Если предположить, что вы свинья, то как раз такое, как между нами.

Неужели жалко?

Все, кто приходил к Эрали-ишану, кроме пожертвованных ему самому, должны были давать по одной монете каждому из двенадцати сопи, которые бродили вокруг мечети.

Однажды ишан отправился в гости. Он пришел к Кемине. Но в кибитку его не пустила собака. Кемине вышел на лай. Увидев ишана, он покачал головой и сказал:

— Ах, тагсыр, люди, чтобы зайти к вам, дают по одной таньга каждой из двенадцати ваших собак. Неужели вам жалко бросить моей собаке кусочек чурека?

Похоже на правду

Несколько человек, среди которых были Эрали-ишан и Кемине, собрались есть дыню. Тронули ее ножом, и она треснула.

— Осторожно! Как бы из нее не вышел Кемине в своей шубе! — сострил пир.

— Бай-бо! — усмехнулся Кемине. — Скорее случится, — я выйду из вашего дома... без шубы.

Для чего аллах создал пиров

Кемине вырастил дыни. Оказалось, хлопот с ними много: то ежи портят, а то — пир придет и заберет сколько ему нужно.

Как-то Эрали-ишан зашел к Кемине и видит — тот сидит, уставившись в одну точку.

— О чем задумался, молла Кемине? — спросил пир.

— Да вот, пытаюсь понять, для чего аллах среди прочих животных создал ежей, а среди людей — пиров.

Лучше подружиться с дьяволом

У Кемине кончились запасы муки, и семья стала голодать. Он поспешил к пиру:

— Тагсыр, помогите! Жена, дети три дня крошки во рту не держали...

— Я помогу тебе перейти мостик в рай...— важно начал пир.

— Если вы имеете в виду конец света,— перебил его Кемине,— то в моей кибитке он уже наступил. Дайте мне немного зерна.

Пир не дал.

— Правду в народе говорят, что лучше подружиться с верным в дружбе дьяволом, чем уповать на корыстного ангела,— сказал Кемине.

Аму-Дарья и затхлый источник

Уйдя ни с чем от пира, Кемине обратился к знакомому человеку из Ахала по имени Мамед-Салых и попросил у него взаймы пять-десять батманов зерна. Тот дал без разговора пятьдесят.

— О, да здесь течет Аму-Дарья! — воскликнул поэт.— А я не знал и столько времени провозился у затхлого источника.

Не правда ли?

Бай пригласил Эрали-ишана в гости. Пир с радостью согласился и взял с собой Кемине. По дороге им встретился большой арык, полный воды. Как быть?

— Иди вперед, молла Кемине,— сказал пир.

— О, тагсыр, разве я посмею сделать хоть шаг впереди вас! — смиренно возразил Кемине.

Пиру ничего не осталось, как лезть в воду. Когда он был уже посредине арыка, Кемине разбежался и с криком: «О, мой пир!» прыгнул ему на спину. Ишан с головой окунулся в воду.

— Что ты делаешь?! — вскрикнул он, отфыркиваясь.

— А помните, тагсыр, — спокойно ответил Кемине, сидя у того на загривке, — на мою просьбу ссудить пшеницы вы обещали мне помочь перейти мост на том свете. Вот я и подумал: коль вы готовы оказать мне большую услугу в будущем, то с удовольствием сделаете меньшую сейчас. Не правда ли?

Только и досталось

У Кемине разболелось ухо: покраснело, распухло. Увидел его пир и съязвил:

— Молла Кемине, ты что, у ишака взял ухо?

— Да, тагсыр, — потупив взгляд, ответил поэт. — Ведь ум его взяли вы, а мне только и досталось...

Потерпите и вы

— Попадете в рай — там всего будет вдоволь: яблоки, гранаты, инжир, хурма, — говорил пир своим сопн и держал их впроголодь.

Кемине давно надоели подобные речи, и он решил проучить пира.

— Сегодня у меня на обед пельмени из свежей жирной баранины с луком и перцем, — однажды сказал он. — Не окажет ли тагсыр мне честь?..

— Отчего ж, охотно! — обрадовался пир.

В назначенный час он был уже у Кемине. Тот возил с собакой и не спешил приглашать гостя в кибитку.

— Кем тебе доводится эта собака, что ты так лас-

каешь ее? — нетерпеливо спросил ишан. — Отцом? Матерью?

— Это наш пир, — ответил Кемине.

Надеясь на вкусное угощение, тот пропустил намек мимо ушей. Вошли в кибитку. Никаких приготовлений к обеду пир не заметил.

— Где же твои пельмени? — не выдержал он.

— Мой пир, — смиренно произнес Кемине, — в ожидании райских яблок, инжира и хурмы вот уже семь лет мы глотаем слюнки и все-таки не ропщем. Потерпите и вы.

В землю закопаю

Эрали-ишан заболел. Сопи решили его навестить. Кемине условился с товарищами, как и о чем говорить. Один сопи долго расспрашивал о здоровье и под конец сокрушенно промолвил:

— О, тагсыр, вы похудели, как собака!

Пир обиделся, но промолчал.

Второй сопи тоже начал с расспросов о здоровье.

— Сейчас один сопи сказал, что я стал худым, как собака, — пожаловался ему Эрали-ишан.

— Да плюньте вы на этого глупого человека, — утешал его сопи. — Бог даст, поправитесь и снова станете толстым, как свинья...

Пришел Кемине. Пир кипел от злости и сразу стал изливать свою желчь на неблагодарных.

— Ты знаешь, Кемине, — с горечью сказал он, — один сопи сравнил меня с собакой, другой — со свиньей.

— Успокойтесь, тагсыр, я их пира в землю закопаю! — пообещал Кемине.

КЕМИНЕ И ОКРУЖАЮЩИЕ

Дело в шубе

Многие сопи завидовали находчивости и остроумию, с которым Кемине отражал нападки пира.

— Где ты прячешь мешок со своими шутками и меткими словами? — спрашивали они у Кемине. — Мы бы хотели похитить его.

— Вам придется украсть мою шубу, — рассмеялся поэт. — Все дело в ней. В каждой дырке — шутка, под каждой заплатой — острота.

Пожалуй, лучше

Большую часть своей жизни Кемине работал на баев. Как-то по поручению одного из них поехал за песком. На обратном пути повстречал другого бая.

— Молла Кемине, что за груз везешь? — спросил тот, увидев туго набитые чувалы.

— Белый песок, — ответил Кемине.

— А зачем он нужен?

— Разве вы не знаете, бай-ага! Это же превосходное средство против блох и москитов.

Кто не страдает летом от блох и москитов? Бай сразу же пристал к Кемине, не продаст ли тот свой белый песок.

— Продать?! Что ж, пожалуйста...

— Сколько стоит?

— Тридцать таньга за все.

— Дорого, — стал торговаться бай.

— Видите-ли, бай-ага, не всякий песок помогает.

Надо знать место.

— Получай тридцать таньга! — после раздумья решил бай. Видимо, здорово донимали его москиты и блохи.

Через некоторое время Кемине снова встретил этого бая. Тот набросился на него чуть не с кулаками.

— Ты меня обманул! — завопил он. — Твое средство не помогает!

— Вы, наверное, неправильно им пользовались, бай-ага, — спокойно ответил Кемине.

Бай растерялся.

— А.. как им надо пользоваться?..

— Очень просто, — сказал невозмутимо Кемине. — Надо поймать блоху и насыпать ей песок в глаза.

— Вах, если я ее поймаю, то просто убью! — вскрикнул бай.

— Вы правы, бай-ага, — ответил поэт. — Это, пожалуй, даже лучше.

Какая часть интересуется?

Всю жизнь Кемине проходил в одной и той же шубе. Она была так стара, что, казалось, состояла из одних заплат.

Как-то вокруг него собралась молодежь. Один парень спросил:

— Молла Кемине, когда была сшита ваша шуба?

— Юноши, — ответил поэт, — не затрудняйте меня туманными вопросами. Моя шуба создавалась не в один год. Вот эта заплатка, например, была пришита пять лет тому назад, а вон та — десять. В другой раз показывайте, какая именно часть шубы вас интересует.

Внутри был я

Однажды вечером, набросив на плечи свою знаменитую шубу, Кемине отправился к соседям. И надо же такому случиться: у самого их порога он поскользнулся и упал. Едва он вошел в комнату, его спросили:

- Молла Кемине, ты что, упал?
- Нет, шуба свалилась... — небрежно ответил поэт.
- Почему же такой грохот был? — удивились соседи.
- Наверное потому, что внутри шубы был я.

Не так уж далеко

Кемине долго шел пешком и очень устал. Его нагнал на осле какой-то добрый человек и предложил сесть сзади. Кемине проехал немного, облегченно вздохнул и сказал:

- Оказывается, рай не так уж далеко от земли — всего лишь на высоте ослиного роста.

Благодарен судьбе

Как-то Кемине шел по дороге и встретил нескольких парней.

- Молла Кемине, почему вы пешком? — спросил один из них. — Раньше вы всегда ездили на осле.

— Вам лучше не спрашивать, а мне — не отвечать, — сказал Кемине. — Ишак мой потерялся... Я так благодарен судьбе. Ведь если бы я сидел на нем, то потерялся бы вместе с ним.

Как странно

Как-то Кемине мимоходом заглянул в знакомый. В казане варилось мясо, и они готовились обедать. Но хозяйка была на редкость скупа, и ей не хотелось кормить гостя обедом.

- Коза такая старая, такая старая, — затараторила она, — что и через месяц не сварится.

— Гость тоже не молод,— спокойно заметил Кемине.— И уж если сел, то поднимется не раньше, чем через полгода.

В это время в кибитку забежал козленок. Повертелся, покрутился, подошел к Кемине и принялся жевать заплату на его шубе.

— Вах, как странно! — воскликнул тот.— Обычно гостя угощают козленком, а тут козленок норовит съесть гостя.

Кемине и скупцы

Еще раз довелось Кемине попасть к богатым, но скупым людям. Пришел он усталый, голодный и видит: стоит на огне казан, а из него валит ароматный пар.

«Тут я пообедаю и отдохну»,— подумал поэт. Но хозяевам не хотелось разделить трапезу с гостем. Посоветовавшись, они решили предложить ему черствый чурек и выпроводить, а потом самим поесть. Кемине не захотел портить аппетит, хотя был смертельно голоден. Да и уходить не собирался.

Хозяйка принесла целую гору свежего, только что испеченного чурека, положила его в хурджун и повесила на стену. А казан сняла с огня и отставила в сторону.

— Теперь пора и спать ложиться,— сказала она и стала готовить постель.

Кемине пришлось лечь с пустым желудком. Сон к нему не шел. Когда хозяйка уснула, его ноги будто сами собой встали, руки тихонько подняли крышку казана и стали шарить в поисках съестного. В казане оказалась пара жареных гусей. Со всеми предосторожностями он вытащил их. А чтобы посуда не пустовала, положил в нее пару чарыков, оказавшихся под рукой. Достать из хурджуна чурек тоже не составило труда. Поэт устроил пир горой.

Крепко закусив и набравшись сил на дальнюю дорогу, Кемине решил примерно наказать жадных хозяев.

Он взял из птичника петухов, посадил их за пазуху и, растолкав храпевшего хозяина, сказал:

— У меня неотложное дело, я должен уйти... Счастливого оставаться.

— Куда так рано, подожди хоть, пока петухи запоют, — лицемерно упрашивал хозяин.

— Петухи пропоют в дороге, — ответил Кемине.

— Ах, как жаль! — стал сокрушаться хозяин. — Мы даже не посидели с тобой, не поговорили как следует, я даже не знаю кто из нас старше, а кто моложе?

— А сколько тебе, дорогой? — спросил Кемине.

— Два раза по двадцать и десяток. А тебе?

— Точно не знаю, — сказал поэт, — но помню, когда я еще был мальчишкой, еле-еле достававшим чурек из хурджуна, что висел на стене, тогда Чарык-батыры совершили набег на Казан-кала и изгнали оттуда Гусейханов.

Кемине попрощался и ушел.

— Слава аллаху, — сказал хозяин, проснувшись утром. — Наконец-то отвязались от непрошеного гостя. Вот уж поедим в свое удовольствие... Жень, ставь казан.

Хозяйку не пришлось спрашивать. Она быстро разожгла очаг, водворила на него казан и оба — муж и жена — стали глотать слюнки в ожидании гусятины.

В котле зашипело, запищало, показался дым.

— В чем дело? — удивился муж.

— Всё радуется уходу гостя, — ответила жена.

Сняли крышку с казана, а там — чарыки. Кинулись к хурджуну — и он пуст.

— Ведь он же намекал мне! — простонал муж, и тут же пустился в погоню.

Вывернув наизнанку шубу и став неузнаваемым, Кемине шел не торопясь.

— Куда так рано собрался? — остановил он своего негостеприимного хозяина.

— Ай, у меня ночевал гость по имени Кемине... — отвечал тот запыхавшись. — Знаешь, что он сделал? — И он рассказал все как было.

— Подумать только! — возмутился Кемине. — То же самое он сотворил со мной! Я ведь иду его.

Они пошли вместе. Но вот дорога раздвоилась.

— Мы не знаем по какой он пошел, — сказал Кемине, — поэтому нам лучше разделиться. Ты иди по одной, а я — по другой. Кто-нибудь из нас обязательно поймает нечестивца и накажет за двоих.

Когда шел дождь

Несколько молла пошли в гости к баю. Кемине присоединился к ним.

— Куда ты в таких лохмотьях! — стали они уговаривать его. — Ты позоришь нас. Иди домой.

— Вершины гор не бывают без тумана, а мужчина — без своей цели. Я иду по своему делу, у меня своя забота, — ответил Кемине и удалился в другую сторону.

Вскоре он постучался в кибитку бедняка:

— Примете гостя? — спросил он.

— Заходи, заходи. Угостить нечем, а место всегда найдется, — ответили ему.

— Мне бы переспать.

Кемине заметил, что хозяйка что-то варит в котле, но подать не спешит. Дети похныкали-похныкали и улеглись спать. Поэт не утерпел и спросил, почему она не накормила их.

— О, гость, ты коснулся самого больного. У нас ничего нет, а они просят. Вот и приходится их обманывать. Ставлю казан на огонь, кладу в него камни, а их уговариваю: «Ложитесь спать, ягнята. Когда обед сварится, я вас разбужу».

Зацемило сердце у Кемине. Когда все уснули, он потихоньку вышел и привел байского барана.

— Вот, сестра, жарь и корми их.

Когда детвора наелась и снова улеглась спать, Кемине, взяв кумган, влез на кибитку и через открытое отверстие в крыше стал брызгать на детей. «Дождь идет», — подумали, проснувшись, малыши, и снова сон смежил их веки.

Утром бай заметил пропажу. «Это дело рук того

МИРАЛИ

З

Прости, друг

асуха погубила посевы, и без того бедственное положение дехкан стало невыносимым. Мирали бродил по аулам и думал, как бы помочь народу. Как-то ночью встретил он купца, которому нужен был работник. «Труд предстоит великий,— предупредил купец,— но плата за день равна полугодовому заработку батрака». «Близок путь, да, видно, нелегко»,— подумал Мирали, но, заинтересовавшись предстоящим делом, принял предложение.

Тут же хозяин приказал взять пару чувалов, сесть на верблюда и следовать за ним. Долго ехали они. Наконец добрались до высохшего колодца. Купец бросил в него чувалы, а потом на всеревке спустил Мирали, приказав ему наполнить мешки всем, что есть в колодце, кроме костей. Пригляделся Мирали, видит: все дно

нищего», — решил он и отправился к кибитке, где ночевал Кемине.

У кибитки возились ребяташки.

— Ели вы мясо? — спросил у них бай.

— Да! — в один голос ответили они.

— Когда?

— В ту ночь, когда шел дождь, — сказал самый маленький.

«Это они вспомнили про весну», — успокоился бай.

Новая жена Кемине

Кемине был уже в годах, когда у него умерла горячо любимая жена. Трудно жить, если в доме нет хозяйки. Поэт погоревал и решил вторично жениться. Вдовцу, к тому же небогатому, выбирать не приходилось. Попалась ему женщина немолодая и с детьми.

В первую же ночь она сказала Кемине:

— Ты — молла, значит, я теперь тоже буду в почете... Скажи, кому мне можно показывать лицо, а кому нельзя.

Жену привезли вечером и поэт ее еще не разглядел.

— Поговорим об этом завтра, женушка, — ответил он осторожно.

Проснувшись поутру, он увидел, что аллах даровал ему в спутницы настоящую каргу: старая, зубы желтые, глаза слезятся.

— Показывай свое лицо кому хочешь, — воскликнул поэт в сердцах, — только не мне!

Новая жена больше всего любила ходить по соседям. Однажды Кемине собрался в соседний аул. Жена подала ему на дорогу чурек.

— А еще есть? — спросил поэт.

— Последний, — ответила она.

Кемине разломил чурек пополам и одну половину протянул ей.

— Зачем это? — удивилась она. — Возьми весь, ты же проголодаешься в дороге.

— Ну, тебе предстоит не меньший путь, — ответил Кемине.

Усталый возвратился Кемине из поездки, а супруга, как он предполагал, еще не вернулась.

«Врут люди, когда говорят, что моя жена обходила все кибитки, — подумал поэт. — Если бы она обходила все кибитки, то заглянула бы и в мою!»

Переселение

Аул откочевывал на новые места. Кемине верблюдов не имел, и попал в затруднительное положение. Еле-еле выпросил у богатого соседа.

У Кемине было двое взрослых сыновей, тоже молла. Не в пример своему отцу, они не умели даже верблюда нагрузить. Старому поэту пришлось все делать самому. Окопчательно выбившись из сил, он крикнул:

— Меняю двух молла на одного дехканина!

Возьми и ты

Как-то один купец, удачно торговавший в Хиве, подарил Кемине верблюда с грузом товаров.

Кемине пригнал его к кибитке и крикнул:

— Эй, народ, подходи, бери кому что надо!

Сбежались люди и поделили между собой все, что было в тюке. Тогда поэт сказал жене:

— Возьми и ты свой лай!

Чем мы ее обидели?

Всю жизнь Кемине был бедным. Однажды сын спросил его:

— Отец, говорят, что ты все знаешь. Скажи, почему от нас не уходит бедность?

— А зачем ей уходить? — усмехнулся Кемине. — Вы учитесь, мать ваша добрая женщина, я тоже делюсь с людьми всем, что имею. Чем же мы обидели бедность, чтобы она ушла от нас?

Он уже явился!

Как-то поздним вечером жена попросила Кемине нарубить дров. При первом же ударе топор слетел с топорща. В темноте Кемине никак не мог отыскать его и начал уже сердиться.

— Хоть бы аллах помог найти, — проворчал он, продолжая шарить по земле. — За меру пшеницы...

В этот момент он нащупал окара.

— Посмотрите только на этого аллаха! — вскричал поэт. — Когда просишь помочь — его нет, а стоит пообещать что-нибудь — он тут как тут. Не успел заикнуться про пшеницу, как он уже явился со своим окара!

В свободное время

Однажды соседи услышали, что Кемине на чем свет стоит бранит свою жену.

— В чем провинилась эта бедняжка? — спросили они.

— Я ругаю ее, чтобы она завтра, когда пойдет за водой, кувшин не разбила, — ответил Кемине, и, заметив недоумение на лицах соседей, пояснил: — Завтра я, возможно, буду занят, а сейчас у меня свободное время.

Гораздо больше

До уборки урожая оставалось еще месяца три, и в семье у Кемине уже нечего было есть. Взял Кемине сына и отправился с ним к баю. Там уже толпилось много других бедняков. Каждого, кто просил, бай доводил до полного изнеможения и только тогда насыпал ячменя или пшеницы, когда отчаявшийся дехканин соглашался на неслыханные проценты.

Пришла очередь Кемине.

— Ты слишком беден, чтобы расплатиться,— сказал бай.

— Мне и двух батманов хватит,— не обращая внимания на его слова, сказал Кемине.— Соберу урожай— принесу... четыре!

Бай охотно согласился на такую выгодную сделку.

— Уф! — сказал по дороге домой сын.— Он выжал из нас все соки.

— Когда он придет за своим долгом, мы выжмем из него гораздо больше,— заметил Кемине.

Пусть никто не роется

Когда шуба Кемине износилась настолько, что ее уже невозможно было латать, он зарыл ее в землю в местечке Порсыкала, близ Мары. После этого он всем людям говорил:

— В Порсыкала я закопал свою бедность, пусть там никто не роется.

устилают кости. Понял он тогда, что это останки не одного десятка людей. Ему стало жутко, и он попросил купца поскорее вытащить его наверх.

— Я же предупреждал тебя, что работа необычная, — ответил купец. — Чем быстрее ты ее выполнишь, тем скорее я тебя вытащу.

Мирали, содрогаясь от ужаса, разгреб кости и стал набивать чувалы песком.

Один за другим были подняты наверх чувалы. Настал черед Мирали. Но едва голова его показалась над колодцем, как купец сунул ему чурек и со словами: «Вот плата!» — отпустил веревку. Мирали остался жив только чудом. Он понял, что случай свел его с подлецом. Спасения ждать было не от кого. Надо было что-то самому предпринимать.

Начало светать. Мирали, задумавшись, копал песок лопатой и вдруг заметил, что он куда-то проваливается. Быстрее заработала лопата, и вскоре показался ход, который вывел его на берег Аму-Дарьи. Но и это нельзя было назвать спасеньем. Берег оказался отвесным и вскарабкаться по нему было так же трудно, как по стенам колодца. Разница заключалась в небольшом: там падать пришлось бы на острые кости, а тут — в омут.

Вконец опечалился Мирали. Вдруг к берегу подплыла огромная рыба. Всем своим видом она приглашала его садиться верхом, и он не заметил даже, как очутился у нее на спине, а вскоре и на другом берегу.

— Мальчиком ты приходил сюда играть и всегда бросал мне чурек, — сказала рыба человеческим голосом. — Мы оба выросли с тех пор, но я не забыла твоей доброты. А теперь прощай!..

Растроганно посмотрел ей вслед Мирали и пошел искать купца, который поступил с ним так бесчеловечно. Купец видел своего работника ночью, поэтому, когда тот появился днем, не узнал его и опять нанял на тех же условиях. Прибыли они к знакомому колодцу, но спускаться в него Мирали отказался.

— Нет, нет, хозяин! — сказал он. — Когда я нанимался, ты не говорил, что придется лезть в какой-то

колодец. О, да в нем, к тому же еще и темно, как у барана в желудке.

— Не бойся, ничего страшного там нет,— успокаивал купец.

— Откуда мне знать...— пожал плечами Мирали.— Спустись сначала сам, а потом я.

Плюнув с досады, купец полез в колодец, а Мирали бросил ему чувалы. Наполнив один из них, купец отправил его наверх и хотел уже вылезти сам, но Мирали сказал:

— Раз уж ты там, ага, доводи дело до конца. И не думай, что поднимать мешки легче, чем копать песок.

Купец наполнил и отправил наверх второй чувал и крикнул, чтобы работник тащил его самого. Когда голова купца уже показалась, Мирали вручил ему чурек и сказал: «Это тебе за работу, ага. До свидания!»— и отпустил веревку.

В чувалах оказался золотоносный песок. Мирали отправился к Султансоюну.

— Мой друг решил, что я голодаю, и привез мне два чувала пшеницы,— засмеялся при виде нагруженного верблюда падишах.

— В этих чувалах,— сказал с достоинством Мирали,— избавление моего народа от голода, да и для тебя хватит, повелитель.

Сунув руки в один из чувалов, Султансоюн вытащил горсть сырого песка.

— Ты вздумал шутить со мной, недостойный!— сердито вскрикнул он и приказал слугам:— Уберите его!

Слуги повели Мирали в темницу. Когда падишах, дрожа от злости, взглянул еще раз на песок, что сжимал в руке, то увидел в нем крупинки золота. Растволкав придворных, бросился он за Мирали, догнал его и упал перед ним на колени.

— Прости, друг!..

До смерти падишаха

Недолго наслаждался Султансоюн обществом Мирали: тот не ужился с его визирями и уехал в Мары. Вскоре падишах стал звать его обратно. Мирали решил вернуться и отправился в путь, прихватив с собой сотню откормленных баранов. По дороге заехал на базар Хирадара. Люди немедленно окружили его и стали осведомляться о цене баранов.

— Я продаю недорого, — отвечал Мирали, — и, кроме того, с отсрочкой платы.

— До какого времени? — заинтересовались все.

— До смерти нашего падишаха.

На таких условиях покупателей нашлось больше, чем было баранов. Те, которым не досталось, побежали жаловаться к Султансоюну.

— Пресветлый падишах, из Мары приехал какой-то скотовод. Он позволил себе оскорбить ваше величество.

— Каким образом?

— Даже язык не поворачивается сказать!..

Султансоюн разрешил говорить все, и ябедники продолжали:

— Он пригнал на хирадарский базар целое стадо баранов и продал их с отсрочкой уплаты до дня вашей смерти.

Разгневанный падишах приказал во что бы то ни стало изловить этого человека и привезти к нему.

Стражники вскоре возвратились, ведя Мирали. Султансоюн было обрадовался, но вспомнил, что тот желал ему смерти, грозно спросил:

— Что это значит, Мирали?

— Мой шах, я не ведаю, в чем провинился. Разве плохо я сделал, что накормил мясом сотню-другую бедняков?

— Но ведь ты же желаешь моей смерти?

— Прежде чем опровергнуть эту клевету, позвольте задать вопрос вашему величеству?

— Спрашивай...

— Кому больше поверит аллах — одному человеку или ста?

— Глупый вопрос. Не только аллах, но я сам скорее поверю двум, чем одному.

— Тогда за что же бы гневаетесь на меня, мой повелитель?

— Ты же хочешь моей смерти!

— Если я один буду молить о ниспослании смерти вашему величеству, то целых сто человек будут ежедневно просить аллаха о продлении вашей жизни.

— Мирали! — воскликнул Султансоюн. — Отныне ты — мой главный визирь!

И О Т М Е Н Я С Т О Л Ь К О Ж Е

Султансоюн долго думал о чем-то и наконец обратился к Мирали за советом:

— Когда человек имеет много власти и денег, он сбивается с пути. За мной, без сомнения, много грехов, известных мне и неизвестных. Хочу поехать в Мекку или в другое какое место, найти там святого пира и покаяться ему, чтобы он отпустил мне грехи. Что ты на это скажешь, мой друг?

— Я согласен с первым и не согласен со вторым, — ответил Мирали.

— Не понимаю тебя, — сказал падишах.

— Верю, что вы совершили грехи, но не верю, что искупите их с помощью пира.

— Тогда что же делать? — спросил Султансоюн. — Совесть мне покоя не дает.

— Лучшее лекарство в подобных случаях, — сказал Мирали, — забота о народе, добрые дела для его пользы.

Султан задумался, но ничего не сказал.

Через несколько дней они отправились в далекий путь. Дорога пролегла по глухим, пустынным местам, поэтому, когда их взору предстала черная низкая ки-

битка, падишах удивился. Визирь, посланный узнать, кто там живет, вернулся и доложил:

— Женщина-пир, мой повелитель.

— Видишь,— сказал Султансоюн,— сам аллах одобрил мое намерение покаяться, послал мне пира.

Мирали улыбнулся:

— Разве мало колен, к которым вы уже припадали?

— Меня терзает раскаяние в грехах, а ты все шутишь! — поморщился падишах.

— Не сердитесь, мой повелитель, но по-моему, порядочный человек всегда найдет место среди людей. Неспроста эта женщина живет в уединении.

— Может, ты скажешь, что она связана с разбойниками? — спросил падишах.

Мирали обещал все выведать и попросил для этой цели триста золотых.

Визирь принялся наперебой восхвалять религиозность и смирение отшельницы: она-де не пускает мужчин на порог и не показывается незнакомым.

Подойдя к кибитке, Мирали обратился к сидящей у входа прислужнице:

— Передайте своей госпоже, что один человек, пришедший издалека, принес с собой сто золотых и отдаст их за то, чтобы взглянуть на нее один только раз.

— Нет, нет! — крикнула из кибитки женщина-пир, но затем, что-то пробормотав, сказала: — Всевышний разрешил вам войти.

Насмешливо взглянув на хозяйку, Мирали отдал ей сто золотых и вышел, не говоря ни слова. На следующий день он снова был у входа в черную кибитку.

— Передайте своему пиру, что вчерашний посетитель пришел опять и просит позволения поцеловать ее за сто золотых.

Мирали слышал, как хозяйка возмущалась.

— Да сохранил меня аллах! — Потом забормотала: — Что? Один раз можно? Ну, что ж, придется выполнять повеление свыше.

Приблизился Мирали к святой и увидел немолодую, поблекшую уже женщину, поцеловал свою руку, приложенную к щеке хозяйки, и вышел.

На третий день Мирали сказал Султансоюну:

— Если хотите узнать меру святости этой женщины, приходите сегодня ночью к ее кибитке.

А прислужницу послал сказать, что просит позволения за сто золотых лечь ночью спать в трех шагах от пира.

— О, аллах, как могу я положить рядом с собой постороннего человека! — воскликнула святая, но потом переспросила кого-то: — Что-что? Он не посторонний? — и вздохнула тяжело: — Раз аллах велит, что я могу поделать?

Ночью Мирали было дозволено лечь рядом с женщиной-пиром. Он строго сохранил обусловленное расстояние. Хозяйка забеспокоилась. Зевнув, она пробормотала, будто во сне: «Поближе двигайтесь, поближе», и, так как Мирали не шелохнулся, придвинулась к нему сама — тоже как будто во сне.

Мирали ни гу-гу. Только похрапывает. У святой лопнуло терпенье и она схватила его в объятия. Мирали попытался вырваться. Тогда женщина пообещала:

— Сто золотых твои...

— Нет, я не могу взять такой грех на душу, — пытался освободиться он от цепких рук.

— Двести золотых твои!

— Мне не было такого наказа от аллаха! — не соглашался Мирали.

— Триста золотых твои! — простонала женщина.

— Мирали, и от меня столько же! — крикнул Султансоюн.

Куда ты их тратишь?

Давно знали друг друга Мирали и Султансоюн, но последний ни разу еще не был в гостях у своего главного визирия. Однажды палишах проходил мимо кибитки Мирали, и тот обогнал его.

— О Мирали! Я до сих пор не удостоился твоего приглашения. Чем это объяснить?

— Ваше величество интересуется жизнью Мирали?..

— Покажи же, как ты живешь.

— Прошу, мой султан.

В доме главного визиря свободно гулял ветер. Никаких вещей, кроме старого тюфяка, что лежал на полу, не было. Жена Мирали сидела и сучила пряжу.

Султансоюн не поверил своим глазам.

— Чей это дом? — спросил он женщину.

— Мой повелитель, это дом вашего главного визиря.

— Я плачу ему сто золотых в месяц, почему же вы живете в такой бедности? Куда ты их тратишь? — снова спросил падишах женщину.

— Слава аллаху, мы здоровы и можем работать. Что же касается денег, то, вероятно, они возвращаются туда, откуда собраны, — почтительно ответила она.

— Все-таки, куда же деваются сто золотых, которые я ежемесячно выплачиваю своему главному визирю? — повторил вопрос Султансоюн, обращаясь к Мирали.

— Следуйте за мной, ваше величество, — коротко ответил тот.

По дороге Мирали сказал падишаху, что, если он хочет понять все сразу, им лучше обменяться одеждами и лошадьми. Султансоюн согласился. Они поехали на самую окраину города, в квартал, где ютились калекки, нищие. На Мирали, ехавшего на падишахском коне, в одежде повелителя, никто не обратил внимания, зато возле Султансоюна, облаченного в костюм Мирали, собралась толпа. Кто-то взял коня за повод, остальные подхватили на руки его самого и бережно поставили на землю. Отовсюду слышались возгласы:

— Привет тебе, о Мирали!

— Свет очей наших...

— Мирали, спаситель наш, да продлит аллах твои дни!..

— О Мирали! — воззвал и Султансоюн, которому несчастные не позволяли шагу сделать без их помощи, —

выручи меня! Не я, а ты их падишах. Теперь я понял, куда ты тратишь свои деньги!

Когда толпа несчастных успокоилась, Мирали сказал, что Султансоюн приехал узнать, как они живут и в чем нуждаются.

Нищие и калеки еще плотнее окружили падишаха, стали целовать его одежды. Султансоюн снова взмолился:

— Бери, что хочешь, Мирали, только вызволи меня отсюда!

— Обещайте, ваше величество, построить для этих несчастных специальный дом и содержать их за счет казны,— попросил Мирали.

— О, обещаю! — воскликнул падишах, у которого от дурного запаха кружилась голова.— И сверх того обещаю построить новый дом для покровителя сирот и убогих — Мирали.

Не стоит пачкать руки

Придворные Султансоюна возненавидели Мирали и поклялись его извести. Однажды они запросились сопроводить главного визиря в прогулку по степи и бросили его в колодезь. Не видя Мирали уже три дня, падишах решил, что тот обиделся и не показывается на глаза.

Отцвели цветы мои,
Отошла пора моя...—

напевал скучающий Султансоюн, гуляя в саду. Услышал эту песню пастух, и она очень ему понравилась. Погнал он в степь овец и тоже запел:

Отцвели цветы мои,
Отошла пора моя...

Вдруг чей-то голос из-под земли продолжал:

Горько плачу я, несчастный,—
В прах лицом повержен я,

Пастух не понял, откуда донеслись эти слова, но тоже запомнил их. Погнал он овец домой и снова услышал как падишах поет:

Отцвели цветы мои,
Отошла пора моя...

Тогда, не долго думая, пастух подтянул:
Горько плачу я, несчастный,—
В прах лицом повержен я.

— Откуда ты знаешь эту песню? — спросил у него Султансоюн.

Пастух ответил, что начало он услышал сегодня утром от их величества, а продолжение — днем, в степи, причем голос доносился откуда-то снизу, из-под земли.

Падишах сразу понял, в чем дело, и позвал своих визирей.

— Найдите такие слова, которые веселили бы меня и печалили в то же время, — сказал он им. — Если не найдете — горе вам. Смерть будет вашим уделом.

Целый день в страхе и напряжении пытались найти веселое и печальное слово визири, но ничего не придумали, а час их смерти приближался неотвратимо. Не видя другого выхода, побежали они к колодцу, в который сбросили Мирали, слезно покаялись перед ним, умоляя помочь. Мирали подсказал им слова, которые веселят и печалят одновременно. Представ пред очи разгневанного падишаха, визири в один голос произнесли:

— И это пройдет...

Султансоюн перестал сдерживаться.

— Проходимцы и лжецы! — кричал он. — Это не ваши слова, проклятые! Это слова человека, попавшего в беду. От кого вы слышали их? Отвечайте, а не то шуру спущу!

Дрожа и заикаясь, визири признались.

— Немедленно ступайте к колодцу, вытащите из него Мирали и приведите сюда! Нет... принесите на своих спинах!

Визири исполнили повеление в точности. Падишах встретил любимца и предложил ему назначить мерзавцам кару.

— О, мой повелитель! — улыбнулся Мирали. — Как вы плохо знаете меня. Я не помню зла и вам не советую. Что касается мести, то она лишь тогда благородна, когда направлена на равного, а из-за колючки придорожной стоит ли пачкать руки?

Почему смеялся конь

Султансоюн скучал. Вдруг один бай позвал его на той. Падишах охотно принял приглашение. Мирали, как обычно, он решил взять с собой, надеясь над ним потешиться.

— Выедем затемно, будь готов, — сказал он главному визирю.

— Почему так рано? — удивился Мирали.

— Мы с тобой давно не встречали восход в степи, — ответил Султансоюн, усмехаясь.

«Тут что-то не ладно», — подумал Мирали.

Падишах приказал слуге насыпать в торбу коня Мирали вместо корма горячей золы. Зашел на конюшню Мирали — после разговора с Султансоюном он чувствовал себя беспокойно — и увидел, что у его коня дико оскалена морда. Сразу догадавшись, чьего ума это дело, он отрезал коню падишаха хвост.

Выехали затемно, как и договорились. Впереди — падишах, следом — его главный визирь. Поднялось солнце — яркое, свежее. Султансоюн оглянулся и расхохотался.

— Друг мой, почему смеется твой конь?

— Наверное, ему смешно смотреть на бесхвостую лошадь вашего величества.

Султансоюн глянул на своего коня и обмер. Не говоря ни слова, он повернул домой.

— Не разжигай огня — обожжешься, не рой яму — сам в нее упадешь, — напевал Мирали, не отставая.

Кто глупец?

Кто-то надоумил Султансоюна искать сокровища в горах Хорасана. Он снарядил целый отряд и сам поехал. Ничего не найдя, а только порядком обморозившись, он спустился в долину в очень плохом настроении и объявил: «Кто проведет ночь на вершине снежной горы, взяв с собой сорок одеял, но не разжигая костра, тот получит хум золота.»

Предложение многих соблазнило, но так как уже наступила зима, то смельчаки замерзали в горах один за другим, и даже сорок одеял, которыми они укрывались, не спасали их от смерти. И все-таки каждый день находились новые добровольцы.

Мирали решил прекратить это. Он явился к падишаху и сказал, что тоже намерен рискнуть.

— Не будь дураком,— принялся отговаривать его Султансоюн,— ты неминуемо замерзнешь.

— Моя жизнь принадлежит мне, и я люблю ее больше, чем вы,— ответил Мирали.

— Неразумный, ты же знаешь, что я сам чуть не замерз там.

— Тогда объявите, ваше величество, что вы снимаете свои условия.

— Э, полезай! — разозлился Султансоюн.

Взобравшись на гору, Мирали подстелил тридцать девять одеял под себя и лишь одним укрылся. Ночью ему было совсем не холодно, а к утру он даже вспотел.

Султансоюн нервничал: жаль было лишаться нужного человека. Но, когда главный визирь предстал перед ним в добром здравии, падишаху стало досадно.

— Скажи правду, Мирали, видел ты ночью огонь? — спросил он.

— Да, на дальней горе, с запада, мерцал какой-то свет.

— Тогда понятно, почему ты не замерз: тот огонь тебя согревал. А раз так — ты не выполнил условий,— заявил падишах и отказался выдать обещанную награду.

Мирали пожал плечами.

Спустя какое-то время Султансоюну срочно понадобился Мирали, и он отправил за ним посыльного. Тот вернулся и передал, что главный визирь только что поставил чайник. Вскипит он, Мирали напьется чаю и придет.

Ждал, ждал падишах, но Мирали не появлялся. Снова послали человека, и тот принес прежний ответ. Почти весь день миновал, за это время могли бы вскипеть сто чайников, а Мирали так и не соизволил явиться. Посланные возвращались с одним и тем же ответом. Вышедший из теремия падишах сам пошел к Мирали и увидел, что тот сидит у пылающего очага, в трех шагах от него стоит чайник.

— Вот глупец! — вскричал Султансоюн, — разве можно кипятить чай, оставив чайник на целых три шага от огня?

— Мог же свет с дальней горы согреть меня, — спокойно возразил Мирали.

Разве мы не люди?

Султансоюн правил всем Хорасаном. Только над мухами был он не властен, и эти твари страшно досаждали ему.

— Есть такое место на земле, где бы не было мух? — раздраженно спросил он как-то у Мирали.

— Мух не бывает там, где нет людей, — ответил главный визирь.

«Вот случай взять над ним верх», — подумал падишах и приказал: — Садись на кося!

Они поскакали в степь. Остановились, когда исчезли из виду жилые места. И вдруг на лицо Султансоюна, жужжа, опустилась муха.

— Ты говорил, где нет людей, там нет и мух. А это что — не муха? — торжествующе обратился падишах к Мирали.

— А разве мы не люди? — спросил тот вместо ответа.

Короткое одеяло

От нечего делать Султансоюн решил устроить своим придворным экзамен на сообразительность. Он лег и велел укрыть всего себя, с головой, коротеньким одеялом. Визирям это никак не удавалось. Укроют ноги падишаха — голова остается открытой, натянут на голову — ноги голые. Султансоюн спросил из-под одеяла, присутствует ли Мирали.

— Я здесь, ваше величество,— ответил тот.

— Попробуй-ка ты укрыть мне ноги,— предложил падишах.

— Я берусь это сделать,— отвечал Мирали,— если вы обещаете не гневаться.

— Рассержусь, если не сделаешь.

Мирали взял плетку и хлестнул Султансоюна по ногам. Тот мгновенно поджал ноги и оказался весь под одеялом. Но в следующий момент он вскочил и набросился на Мирали.

— Как ты смел меня ударить?

— Я только выполнил приказ,— спокойно ответил Мирали.

Советчик

Возвращаясь как-то с охоты, Султансоюн и Мирали встретили красивую молодую женщину. Падишах остановился как вкопанный и долго провожал ее глазами.

— Ты мой главный визирь,— сказал он доверительно,— значит, должен понять мое состояние и помочь мне. Как бы заполучить эту гелин?

— Никак,— твердо ответил Мирали.

— Она похитила мое сердце, мне жизни не будет без нее!

— Все равно, мой повелитель, выбросьте эту блажь из головы. Что говорит шарнат? Разве можно связы-

ваться с чужой женой? Весь народ станет презирать вас.

— Я без тебя добьюсь своего! — запальчиво отвечал падишах. — Но не силой, а добром. Ты же, раз не можешь помочь мне, попросись в советчики к мужу этой гелин!

Султансоюн был весь во власти вспыхнувшей страсти. Он не поехал дальше, а остановился в доме богатого бая и послал хозяина за мужем красавицы. Туда же отправился и Мирали, сказав, что хочет навестить друга, живущего в этом селе. Он пришел раньше бая, все рассказал мужу гелин и предупредил, что падишах, вероятно, призовет его и даст мудреное поручение. Отказываться не нужно. Он, Мирали, поможет его выполнить.

Главный визирь хорошо знал своего повелителя. Все случилось так, как он предсказывал. Появился отдувающийся бай и передал приказание падишаха явиться к нему.

— Как тебя зовут? — спросил дехканина Султансоюн.

— Каракудук.

— Каракудук? Отлично. Так вот, Каракудук, я имею обыкновение везде, где бываю, интересоваться людьми и давать им необычные поручения. Выполнят — награждаю, не сумеют или не захотят — наказываю. В этом селе самый необычный человек — ты. У тебя странное имя, лицо незаурядное и, может быть, есть еще что-нибудь не такое, как у всех, а?..

— Редко кому выпадает счастье послужить падишаху, — почтительно ответил дехканин. — Я выполню все, что вы изволите поручить.

— Хош! Я дам тебе коня, пару быков и десяток баранов. Ровно через шесть месяцев ты должен получить от них приплод.

Каракудук согнулся в поклоне. Кто-то крикнул:

— Вай, пропала твоя голова, несчастный. Разве можно получить приплод от самцов?!

Дехканин ответил:

— Падишах — наместник бога на земле. Раз он захотел, чтоб самцы дали приплод, — так оно и будет.

Шесть месяцев миновало, и Султансоюн вместе с Мирали снова приехали в то село. Падишах остановился у знакомого бая, а Мирали, испросив позволения навестить своего друга, отправился к Каракудуку и посвятил супругов в свой план. Едва успел он от них уйти, как падишах послал человека за Каракудуком. Посланный возвратился и доложил, что тот болен.

— Пусть придет его жена, — сказал Султансоюн.

Гелин пришла и подтвердила: супруг ее нездоров.

— Что с ним? — поинтересовался повелитель.

— Рожает он, схватки начались, — ответила женщина.

Султансоюн расхохотался:

— Разве мужчина может рожать?

— Ах, пресветлый падишах, — невинно проговорила красавица, — если бы способен отелиться, конь ожеребиться, баран окотиться, то почему бы моему мужу не родить?

Султану нечего было возразить и он отпустил ее, а Мирали погрозил пальцем:

— Тут не обошлось без тебя.

— Я исполнил желание вашего величества, — скромно потупился Мирали.

— Мое желание?!

— Помните, вы сказали: «Раз не в состоянии помочь мне, попросись в советчики к мужу гелин».

Когда живется лучше

Гуляя в окрестностях города, Султансоюн и Мирали столкнулись с молодой женщиной. Оба сразу узнали ее: она жила в гареме падишаха, пока тот не прогнал ее за непослушание. На женщине было старенькое зала-танное платье из домотканного кетени, тем не менее, она казалась веселой и довольной.

— Спроси, какая жизнь ей больше по вкусу, тепе-

решняя или прежняя,—шепотом приказал падишах своему визирю.

— Мне ясно какая, но для вас могу спросить,— ответил Мирали и обратился к женщине: — Сестра, ты долгое время жила во дворце нашего повелителя, одевалась в шелка и пила мед. А сейчас тело твое еле прикрыто тряпьем, ты так исхудала, что и вороне негде клюнуть. Скажи, не стесняясь, когда тебе лучше жилось, сейчас или раньше?

Женщина заговорила, не раздумывая:

— Во дворце я была одна из сорока. Нога повелителя не ступала через мой порог и раз в сорок дней. Радости жизни были запретны для нас, мы ничего не смели делать, даже думать по-своему боялись. Шелк, в который я была одета, жег меня, мед казался отравой. А сейчас я живу своим трудом, муж мой любит меня, его ласки приятней всех шелков мира; когда нет хлеба, я сыта его улыбкой. Вы спросили меня и я скажу: «Лучше жить бедно, но свободно, чем быть невольницей во дворце».

Опустив яшмак, женщина удалилась. Мирали многозначительно взглянул на падишаха.

— Ты хочешь сказать, что мне следует отпустить всех жен, кроме одной? — спросил его Султансоюн.

— Удивляюсь вашей догадливости,— рассмеялся Мирали.

АЛДАРКОСЕ

Алдаркосу и сорок купцов

Алдаркосе отправил сына на базар — продать корову. Той же дорогой ехали на базар сорок купцов, известные мошенники. Увидали они мальчика и решили его обмануть. Приблизился один из них и говорит:

— Эй, мальчик, куда ведешь козу?

— Какую козу? — удивился сын Алдаркосе. — Это корова.

Купец, ничего не ответив, проехал мимо. Догоняет мальчика второй плут.

— Сынок, не на базар ли ведешь эту козу?

— Разве не видишь, что это корова? — рассердился мальчуган.

Но тут подошел третий купец и спрашивает:

— Что, дружок, на продажу ведешь козленка?

«Может, это в самом деле коза? — нерешительно подумал мальчик. — Все так говорят». А вслух сказал: — Вах, отец, какое тебе дело?

— Если продашь, куплю.

Мальчик задумался: «Пригону ее на базар, скажу, что корова, все станут смеяться надо мной. Уж лучше от греха сейчас продам, пока есть покупатель».

Получил он два крапа — цена козы, — отдал корову и возвратился домой.

— А где остальные? — спросил Алдаркесе, получая вырученные сыном деньги.

— Какие остальные? — удивился мальчик. — Ты сказал — корова, а это была коза. Разве она стоит больше?

Алдаркесе понял, что сына обманули. Расспросив, кто приценился и кто купил, он догадался, чьих рук это дело, и поклялся: «Я научу этих негодяев отличать козу от коровы!»

В следующий базарный день Алдаркесе занял у знакомого 30 золотых, затолкал их под хвост своему ишаку и поехал на базар. Там он привязал ишака к столбу и вокруг чисто-чисто подмел. Когда кто-нибудь приценился, Алдаркесе значительно говорил:

— Мой ишак не простой. Вместо навоза он рассыпает золото. И стоит столько золота, сколько весит сам. Если не можете уплатить такую цену — не подходите и не мешайте!

Весть о необыкновенном ишаке облетела весь базар. Собралась большая толпа. Сорок мошенников, разумеется, тоже были тут.

— Разве ишак может столько стоить? — недоверчиво покачивали они головами.

— Вах, это ишак только по виду, — объявил Алдаркесе. — На самом деле он весь из золота. Он рассыпает его вместо навоза. Не верите — смотрите сами! — И он ткнул ишака палкой в бок. Ишак дрыгнул ногой, поднял хвост, и на землю упало несколько золотых. Алдаркесе, даже не взглянув на монеты, продолжал: — Недаром говорят: «Нужда деревья валит». Не прижми она меня, ни за что не расстался бы с таким животным! — И он

снова ткнул его в бок. Пять или шесть золотых зазвенели, покотившись по земле.

Люди стояли, разинув рты, а сорок купцов, быстро посоветовавшись, решили купить золотоносного осла. Ссыпали они все имеющееся у них золото — не хватило; попросили хозяина немного уступить, тот наотрез отказался. Заняли у кого могли и наскребли, наконец, нужную сумму. Отдавая осла, Алдаркосе наставлял:

— Ишак переменял место, поэтому два-три дня не будет рассыпать ни золота, ни навоза. Вы поставьте его в темной комнате, устеленной коврами в сорок рядов, плотно закройте дверь и замажьте ее, оставив небольшое отверстие. Сорок дней кормите его через это отверстие кишмишом и майсой. Потом откройте комнату. Она будет полна золота. После этого ишак, привыкнув к вашему дому, будет каждый день сыпать столько золота, сколько захотите.

Купцы в точности следовали наставлениям, но никакого золота не получили. От поноса ишака и ковры почти сгнили.

Вывели ишака во двор. Один из купцов стал ширять его палкой в бок, как это делал его прежний хозяин. Снова ничего не получилось. Тогда ткнул другой купец, так как первый, по его мнению, сделал это неправильно. Опять никаких результатов. Стали бить и толкать несчастное животное все сорок купцов поочередно, и бедняга окошел, пропали бешеные деньги.

Сорок купцов стали ссориться друг с другом. Один говорил, что чудо-скотину перекармлили кишмишом. Другой уверял, что осел лопнул от майсы. Третий, самый умный, сообразил, что их просто надули.

— Что хотите, а этот человек родственник того мальчишки, у которого мы купили корову за козу, — сказал он. — Очень они похожи друг на друга.

Остальные подумали и согласились с ним.

Между тем в народе-из уст в уста передавали, как Алдаркосе провел сорок мошенников. Где бы ни появлялись купцы, их всюду поднимали на смех. «Мало того, что он выманил у нас столько золота, — злились они, —

он нас опозорил! Только его смерть может смыть этот позор».

Алдаркосе предвидел, что с ним постараются расправиться. Поэтому он уже кое-что обдумал и ждал случая. Вскоре случай представился. От людей он слышал, что купцы должны пожаловать к нему в середине дня. С утра жена сварила большой казан самого лучшего плова, плотно закрыла его, а сверху обсыпала пылью. Алдаркосе вычистил очаг, как будто на нем не то что сегодня, уже много дней ничего не готовили.

Пришли купцы. Алдаркосе поздоровался с ними и, не дав им рта раскрыть, спросил:

— Гости, что будете есть, плов или шурпу?

— Пусть будет плов, — ответили озадаченно купцы.

— Ну, тогда мойте руки, — сказал хозяин и поставил подготовленный казан на пустой очаг. После этого он время от времени стучал поварешкой по ушкам казана и приговаривал: — Готовься, плов, быстрее готовься.

Купцы даже руки мыть не стали: опять плурует Алдаркосе. Какой может быть плов в этом явно пустом казане, если даже очаг под ним не разожжен?

А хозяин с женой сняли казан, расстелили сачак, подали плов. Попробовали купцы — превосходный! Разгорелся спор: каждому хотелось купить удивительный казан. После потасовки решили: приобрести в общее пользование.

Хозяин запросил столько золота, сколько вместит казан. Купцы взвыли от возмущения, но не отступились, а стали торговаться. Сошлись на половине. Довольные, они поспешили домой и решили немедленно испробовать покупку в деле. В доме одного из них они выгребли из очага жар, поставили казан, стали бить поварешкой по ушкам. Плова нет, как нет. Вспыхнула ссора. Кончилось тем, что и казан и поварешка разлетелись на куски.

— Этот жулик опять нас надул! Нужно его убить, иначе нас засмеют до смерти.

Купцы снова бросились к Алдаркосе. А тот уже ждал их. Изловив двух зайцев, он велел жене начать

готовить шурпу. Одного зайца он спрятал в кибитке, другого положил за пазуху и пошел встречать «дорогих гостей». Увидев, что они бегут к его кибитке, он крикнул им как ни в чем не бывало:

— Эй, молодцы! Куда спешите?

Купцы окружили его.

— От тебя можно избавиться, только покончив с тобой! — сказал главный из них.

— Ну кто так делает? — укоризненно проговорил Алдаркосе. — Идемте сначала ко мне, там поговорим. — Он вытащил из-за пазухи зайца и сказал ему: — Беги, братец, домой, скажи жене, чтобы приготовила к нашему приходу шурпу. — Заяц в мгновение ока скрылся в кустах.

Купцы переглянулись и приняли приглашение.

— Посмотрим, на что способен твой заяц... — сказал тот же купец.

Пришли и видят: жена Косе уже приготовила шурпу и ждет их. Заяц сидит тут же и ест морковку.

— Вах-вей! — поразились купцы. — Продай твоего зайца! — пристали они, забыв о деле, которое их привело.

— Что вы? — возмутился Алдаркосе. — Он мне самому нужен.

Но когда купцы пристанут — не отвяжешься. Уломали они хозяина и приобрели зайца за сорок золотых тюменов. Меж собой они порешили: у каждого из них необыкновенный посыльный будет по одному дню.

Первый, кому достался заяц, как только пришел домой, тут же дал ему задание пригласить соседа-бая. Косой мгновенно скрылся из глаз. Купец ждал долго — ни бая, ни зайца. Рассердившись, отправился к баю и к стыду своему убедился, что и на этот раз он вместе с другими остался в дураках.

Снова собрались купцы и пошли к Алдаркосе. Но врасплох того не легко было застать. Он подготовил новую проделку.

Когда купцы пришли, хитрец сказал им:

— Ах, братья, ведь у меня нет наследников. Все, что я имею, останется без хозяина. Присаживайтесь,

попьем чаю, и я расскажу вам, где спрятаны мои деньги.

Услышав слово «деньги», купцы забыли о деле, которое их привело. Алдаркосе попросил жену:

— Пойди и поскорее вскипяти чай!

— Ты же сказал, что у тебя нет наследников, — язвительно ответила жена. — Раз я не наследница твоя, то и чай тебе кипятить не буду! — И на голову неблагодарного мужа посыпались проклятия.

— Женщина! — крикнул Алдаркосе. — Ты забыла свое место! Ишь чего захотела — стать хозяйкой моих богатств?! — Он схватил нож и в припадке ярости бросился на нее. Удар, и та свалилась замертво.

Увидев, что хозяйка истекает кровью (хитрец заранее вложил ей за пазуху пузырь с кровью), купцы перепугались. «Теперь он расскажет всем, что мы убийцы его жены, — смекнули они. — Нужно скорее прихлопнуть его самого и бежать».

Краем глаза все видеть, краем уха все слышать — к этому Алдаркосе не привыкать.

— Зачем спешить, братья, — сказал он. — Сейчас я оживлю ее, тогда и поговорим.

Он взял тюйдук и стал играть над ухом мертвой. Жена сначала чихнула, потом встала и пошла кипятить чай. Купцы — вне себя от удивления.

— В чем секрет? — наперебой стали спрашивать они.

— В тюйдуке, — равнодушно ответил Косе.

Купцы стали упрашивать его продать необыкновенный музыкальный инструмент. Алдаркосе сначала даже слушать не хотел. Потом сжалился над ними и согласился уступить за хум золота. Долго торговались, но хозяин оказался не из податливых. Пришлось купцам распродать все, что у них было, занять у знакомых. Один из них сейчас же взял тюйдук домой. Из-за пустяка поссорившись с женой, он убил ее, а потом стал играть возле ее уха, как это делал Алдаркосе. Труп холодел с каждой минутой и вскоре совсем остыл. Всю ночь играл купец, но жена так и не воскресла.

Утром он передал тюйдук другому.

— Как у тебя дела? — спросил тот.

Первый купец, у которого все внутри пылало от горя, сказал, будто ничего не случилось:

— Моя жена встала здоровой, как тутовник и послушной, как овечка.

Второй купец поступил точно так же. Придравшись к чему-то, поссорился с женой и убил ее, а оживить, конечно, не смог. Передавая тюйдук третьему, он тоже скрыл случившееся. Так все сорок купцов убили своих жен. Рассказав все друг другу, они поняли, что снова обмануты.

— Этот безбородый причинил нам столько вреда, что убить его мало!

Они бросились — в который раз! — к дому Алдаркесе. Но тот не дремал. Вырыв возле дома могилу, он развел в ней огонь и положил на горячие угли длинный железный прут с тагмой на конце. Потом присыпал сверху могилу, оставив узкий вход, через который влез внутрь.

Прибежали купцы и видят: сидит в пустой кибитке жена Алдаркесе, волосы ее растрепаны, по щекам катятся слезы.

— Где муж? — спрашивают они.

— Вах, мой бедный, — стеная, отвечает женщина. — Он умер. Я, несчастная, одна осталась. Кроме меня и и плакать-то о нем некому. Ох-вай-вай!..

Разочарованным купцам ничего не оставалось, как посочувствовать несчастной женщине. Их утешало — проклятого безбородого больше нет! Но жажда мести искала выхода, и они, благообразно прикрыв ладонями бороды, вышли. Посоветовавшись, они решили осквернить его могилу.

— Ваш дорогой супруг был очень дружен с нами, — сказал один из купцов. — Скажите, где его похоронили? Мы хотим помолиться на его могиле.

— Никто не пришел мне помочь, — проговорила она, вытирая слезы и всхлиывая, — и я не смогла отвезти его на кладбище...

Купцы окружили могилу и сразу же заметили отдушину. «Вот то, что нам нужно!» — одновременно подумали они.

Присел над отдушиной первый купец и — подско-чил, как ужаленный. Но постарался не показать вида другим. Второй вскрикнул, будто сел на иголку, и тоже скрыл причину. Так по очереди присаживались они и, не говоря ни слова, отскакивали, потирая зад — Алдаркосе «потчевал» их по порядку раскаленным железом.

Не желая признаться друг другу, что их опять постигла неудача, купцы вне себя от злости, разошлись по домам.

А Косе, выждав некоторое время, вылез и поспешил к хану с жалобой.

— О всемогущий хан, — сказал он, — отец оставил мне в наследство сорок рабов, но нечестивцы совсем не слушаются меня, каждый считает себя большим баем.

Хан внимал жалобе благосклонно.

— Есть у тебя доказательства, что они твои рабы? — спросил он.

— Мой бедный отец позаботился об этом, — смиренно потупившись, ответил Косе. — Каждому из них он поставил на зад у вот такую тагму. — И показал хану железный прут, которым недавно столь успешно орудовал.

По приказу хана сорок купцов явились к нему во дворец и сняли с себя одежду. Хан убедился, что все они помечены точно такой тагмой, какую показывал ему жалобщик. Не обращая внимания на слезы и вопли купцов, он объявил их рабами Алдаркосе и приказал повиноваться его воле. Алдаркосе вывел их и тут же продал в рабство.

Алдаркосе и ростовщик

Алдаркосе задолжал ростовщику, но у него нечем было расплатиться, и долг рос. В надежде получить деньги ростовщик часто навещался к должнику и порядком надоел ему. Однажды Алдаркосе увидел, что ростовщик опять идет. Сказав жене, как надо от-

вечать, хитрец побежал на близлежащее кладбище и улегся в чью-то обвалившуюся могилу.

Пришел ростовщик, спросил, где хозяин. Жена, вытирая концом платка глаза, скорбным голосом отвечала:

— Бедный мой покинул этот мир и уже покоится на кладбище.

Посидев немного, ростовщик встал, так и не решившись спросить о долге, и поспешил к другому должнику, кибитка которого находилась у самого кладбища.

Алдаркосе попал в затруднительное положение. Как быть? Домой возвратиться — увидит ростовщик, лежать — голод и жажда начали мучить. По счастью, жена догадалась: взяла полчурека, кяды с водой и решила покормить мужа.

Надо же было такому случиться: увидел ее ростовщик, заподозрил обман. Тихонько прокрался он следом и видит: лежит в могиле должник и жует чурек. Алдаркосе тоже увидел ростовщика и сразу же перестал шевелить губами. Ростовщик глянул на покойника с чуреком в зубах, вскрикнул не своим голосом и со всех ног бросился прочь, позабыв о долге. Алдаркосе встал, стряхнул пыль с чекменя и отправился домой, посмеиваясь и что-то напевая.

Алдаркосе, ростовщик и сорок разбойников

У другого ростовщика Алдаркосе занял тюмен, обещая вернуть два. Согласиться на это условие он был вынужден, но считал его несправедливым, и всячески увиливал от уплаты. Ростовщик же хотел во что бы то ни стало получить два тюмена и каждый день приходил к Алдаркосе. Обычно тому удавалось избежать встречи, и ростовщик уходил ни с чем. Но однажды он застал его врасплох. Косе ничего не оставалось делать, как лечь и притвориться мертвым.

Выслушав сбивчивый рассказ жены о том, что ее супруг внезапно заболел и скончался, ростовщик, заподозривший обман, заявил:

— Косе был моим лучшим другом и не раз говорил мне: «Если умру, положи меня в мазар». Я должен исполнить волю покойного.

Взвалив на коня тело усопшего, он повез его на кладбище. Пока они добирались до места, наступила ночь. Ростовщик втащил Косе в мазар. Вдруг туда же стали собираться разбойники — их было сорок, — чтобы разделить добычу. Ростовщик лег рядом с Косе в надежде сойти за мертвого. Ему и притворяться почти не приходилось: от страха он был еле жив.

Разбойники почти все разделили. Осталась одна сабля. Получить ее хотели многие. Чтобы прекратить спор, атаман сказал, кинув в сторону ростовщика:

— Саблю получит тот, кто разрубит вон тот труп пополам.

Ростовщик не успел вскрикнуть, как один из атаманчиков разрубил его надвое.

— Сабля моя! — обрадовался он.

Но другой с ним не согласился.

— Я тоже могу померяться силой, — сказал он. — Вот здесь лежит еще покойник, так я сейчас разрублю их обоих одним ударом.

Алдаркосе быстро сообразил, что дело принимает скверный оборот, и завопил:

— Эй, мертвецы сюда! Будем расправляться с живыми!

Вне себя от ужаса разбойники бросились вон из мазара. Остановились они только за пределами кладбища. Когда опомнились, стали думать, а не зря ли они труслили? Было решено послать кого-нибудь одного узнать, что происходит в мазаре.

Трепеща, приблизился посланный к мазару. Войти внутрь он не решился, только сунул голову в приоткрытую дверь.

Алдаркосе слышал крадущиеся шаги. Продолжая лежать на полу, как и полагается мертвому, он протя-

нул руку, схватил с головы разбойника тельпек и бросил его на труп ростовщика со словами:

— Вот тебе твоя таньга, и оставь меня в покое. Разбойника как ветром сдуло.

— Мертвецы делают пашу добычу, — стуча зубами, сообщил он атаману. — Наверное, их там очень много, потому что каждому пришлось всего по одной таньга. А кому-то не хватило, так он поднял крик, и ему отдали мой тельпек...

Разбойники сочли за лучшее убраться подальше от этих проклятых мест. А наш друг Алдаркосе избавился сразу и от ростовщика и от разбойников.

Алдаркосе и кази

Однажды Алдаркосе пошутил над одним человеком. Тот вскипел от обиды и влепил ему пощечину. Давать сдачи Алдаркосе не стал, а повел обидчика к судье. Он знал, что кази вообще-то не отличается справедливостью. Кроме того, обидчик был его приятелем. Но все-таки Косе решил посмотреть, что из этого получится.

— Я его не бил и не думал бить, — сказал виновный.

— Как так не бил?! — возмутился Косе. — Смотри, щека до сих пор горит.

Но кази не обратил внимания на веское доказательство.

— Приведи свидетеля, — сказал он.

— Я могу тоже привести! — нагло заявил обидчик.

Судья охотно отпустил его за свидетелем.

Прошел час, другой, третий... Ни виноватый, ни его свидетель не появились. Алдаркосе предвидел это.

— Я очень спешу, почтенный кази, — сказал он, приблизившись к судье, — и мне некогда ждать возвращения должника. Придется взять долг у тебя, а ты

потом выйдешь с него. Все равно ведь сидишь тут весь день. Вот и дождешься.

С этими словами он так стукнул кази по уху, что у того в глазах потемнело и он не увидел даже, куда ушел Алдаркосе.

Вещая птица

В одном из своих странствий Алдаркосе удалось как-то случайно поймать сороку. Подумал-подумал он, что с ней делать, и, на всякий случай, положил за пазуху. Вскоре оказался аул, и он решил заночевать в нем. Постучался в первую попавшуюся байскую кибитку. Самого бая не было дома, а жена встретила его неприятливо. Дала на ужин лишь кусок черствого чурека. Рассердился гость и от обиды не мог уснуть. Вдруг в дом кто-то потихоньку вошел. Косе подумал было, что вернулся хозяин, и хотел встать, но увидел, как навстречу вошедшему вспорхнула хозяйка и, сделав тому знак молчать, показала на лежащего гостя. Косе притворился спящим и скоро понял, что поздний посетитель — любовник. Хозяйка была с ним ласкова и предупредительна. Не успел он усесться на ковер, как перед ним появился роскошный ужин.

Утром явился хозяин. Алдаркосе обрадовался возможности сытно позавтракать. Но хозяйка и мужу подала черствый чурек. Отдохнув, бай снова уехал присматривать за батраками. Алдаркосе решил задержаться и сказался больным.

Ночью все повторилось. Опять явился любовник, опять они с хозяйкой пировали, а Косе пришлось лишь глотать слюнки.

Наутро приехал уставший хозяин. Жена поставила перед ним снова черствый чурек и простывшую шурпу.

Алдаркосе уже знал, где держит неверная супруга вкусную еду. Сидя с хозяином за скудной трапезой, он не переставал думать о жирном плове. Вдруг его осе-

нило. Он придавил сороку, что сидела у него под рубахой.

— Вык! — прохрипела она.

— Что это у тебя? — удивился бай.

— Так, птичка одна, — небрежно ответил Косе. — Я никогда с ней не расстаюсь.

— Почему?

— Видишь ли, бай-ага, это особая птица. Когда она узнает что-то интересное, обязательно сообщает мне.

— Что она узнала сейчас?

— Да вот, говорит, что вон в том сундуке стоит жирный плов.

Бай недоверчиво усмехнулся, но в сундук все-таки заглянул. Там стоял полный казан свежего плова. Хозяин и гость вволю полакомились, и Косе стал рассказывать такие чудеса о своей всезнающей сороке, что хозяин не успевал охать и ахать. Время летело незаметно, оба уже опять проголодались. Алдаркосе прижал сороку, и она опять:

— Вык!

— А теперь что она говорит? — нетерпеливо спросил бай.

— Что вон в том сундуке спрятана превосходная коурма.

Проверили: так и есть! Снова поели с удовольствием.

Хозяйка была в отчаянии. Бай стал уговаривать гостя продать ему диковинную птицу. Алдаркосе долго не соглашался, а потом, когда тот пообещал за нее сорок тюменов деньгами да еще хорошего ослика впридачу, уступил.

Поладив, они вышли во двор, поставили у кибитки слегу и на верхушке ее привязали сороку. Очень довольный, Алдаркосе отправился дальше, а не менее довольный бай поспешил на поле, где работали батраки.

Вечером снова пришел любовник. Но свидание не было таким счастливым, как прежде.

— Этот окаянный проходимец, — сказала женщина со слезами на глазах, — продал мужу вещь птицу. Она

показала им, где я прячу еду для тебя, и они все сожрали.

— Эга вот сорока? — парень удивленно посмотрел вверх и шнул слегу ногой.

— Вык! — пронзительно вскрикнула заснувшая баба. Бай услышал крик сороки. «Интересно, что еще узнала она?» — подумал он и бросился домой. А в это время молодой человек, сидя на ковре против хозяйки, подкручивал усы и кидал на нее выразительные взгляды. Вздвигая неверную супругу и ее обожателя, бай пустился догонять Алдаркосу. «Это в самом деле бесценная птица, — думал он, — а я обманул бедного путника, купив ее так дешево! Нужно дать ему еще денег!» Вскоре впереди показалось облачко пыли — это трусил на ослике Алдаркоса.

— Постой! Подожди... — закричал он.

Но наш приятель решил, что бай обнаружил обман и хочет отобрать у него ослика и деньги. Понятно поэтому, что он не остановился, а, напротив, прищпорил своего серого «скакуна».

Бай не смог догнать Алдаркосу. Не будем о том жалеть. Сорок тюменов и славный серенький ослик — хорошая цена за сороку, даже если она — вещунья.

Елбарс

Алдаркоса ехал в одну калá — крепость. Приблизился и видит, окружили ее враги со всех сторон. Он спешился, сел на обочине дороги и задумался. «Как же проникнуть к осажденным?» В голове быстро созрел дерзновенный план. Отрубив ишаку уши и хвост, он во всю прыть погнал его прямо на осаждающих. Не успели они опомниться, как он был уже внутри калá.

Жители крепости столпились вокруг странного пришельца.

— Что это у тебя за скотиша? — спрашивали они.

(Бедного ишака нельзя было признать в этом бесхвостом и карнаухом животном).

— О, это Ёлбарс! — важно ответил Косе. — Тигр тигров. Никаких препятствий для него не существует, никакие враги ему не страшны!

— Может он снять осаду с нашей крепости? — поинтересовался кто-то.

— Бе, что за вопрос? Конечно!

Пришельца отвели к хану, и тот купил диковинного «тигра», оплатив его вес золотом. По совету Алдаркосе хан попросил у врага перемирия на сорок дней, якобы для сбора выкупа. На самом деле решили использовать передышку для того, чтобы хорошенько откормить «Ёлбарса». Его поместили в темную комнату и дали вволю кишмиша и гороха.

Миновало сорок дней. Осел стал жирным, как свинья. Алдаркосе завязал ему глаза, вывел из темной комнаты и навьючил на него странный груз: с одной стороны — сорок мешочков с мукой, с другой — сорок мешочков с золой. Между мешочками приторочил сорок обнаженных сабель, сверху привязал сорок пустых кяды, а под брюхом и по бокам, где придется — сорок кур.

Между тем осаждающие подступили к самым стенам кала́ требуя выкупа. Алдаркосе подвел осла к воротам, снял с его глаз повязку. Сытый, застоявшийся ишак почуял кобылиц, что были у неприятельских конников, заревел и бросился к ним. Шашки проткнули мешочки, и вокруг чудища за клубились облака: с одной стороны — белое, с другой — черное, и закрыли собой солнце. Сабли звенели, тыквы грохотали, перепуганные куры истошно кудахтали, да и сам ишак, безухий, бесхвостый трубил не умолкая.

Совершенно не в состоянии понять, что за чудовище тащится, враги в ужасе бежали прочь. Даже то, что оно двигалось медленно (ишак ведь был тяжело нагружен), их не успокоило. «Опасен тот, кто тихо бежит», — твердили они и погоняли коней. Скоро они совсем скрылись из виду и никогда больше не показывались в этих местах.

Выгодная сделка

Как-то ночь застала Алдаркосе вдали от дома, и он попросился переночевать к одному мулле. Жена хозяина была женщиной весьма легкого нрава и имела двух любовников. Надо же было такому случиться, что в эту ночь они оба явились ее навестить. Столкнувшись у кибитки любовницы, они сразу узнали друг в друге соперников и схватились за ножи. На шум выскочил хозяин. Не понимая в чем дело, он бросился разнимать драчунов, и они убили его, а потом прикончили друг друга. От криков проснулись хозяйка и гость. Увидев во дворе три трупа, женщина запричитала: «Что же теперь делать, вай-вай?!» Задумался и Косе: придут люди и скажут, что это он убил всех троих; тогда ему несдобровать.

В раздумье вышел он со двора и увидел, что по дороге идет какой-то человек. Алдаркосе подозвал его и сказал голосом, полным скорби:

— Друг, у меня умер старый отец, а я болен, и похоронить его не могу. Не сделаешь ли ты это угодное богу дело?

Прохожий согласился, испросив себе в награду десять тюменов. Алдаркосе вынес ему труп хозяина и предупредил:

— Только имей в виду, он может выбраться из могилы и прибежать назад. Закопай его поглубже, иначе денег не получишь.

Человек вырыл яму по пояс глубиной, закопал в нее мертвеца и поспешил за вознаграждением. Между тем Алдаркосе приготовил второй труп.

— Эх, говорил же тебе, закопай его поглубже, — строго сказал он прохожему. — Видишь, он назад прибежал!

Человек удивился, поднял на плечо второй труп и поволок его хоронить. На этот раз он вырыл яму в человеческий рост. Когда он пришел за деньгами, мертвец лежал уже у ворот. Конечно, это был третий труп, но человек того не знал и очень разозлился на покойника,

который ухитрялся возвращаться. А тут еще Косе набросился на него с бранью:

— Если не можешь дела сделать, то не берись!

Неудачливый могильщик взвалил на спину третий труп и пошел, бормоча проклятия. По дороге ему попался овраг, на дне которого была огромная яма, полная воды. Швырнув покойника в нее, он пригрозил:

— Попробуй только вылезти! — и стал ждать. А в водоеме в это время купался бездельник-сопи. Как только мертвец свалился на него, он, забыв даже одеться, выскочил и бросился наутек.

— Ах, ты шайтан! — вскричал взбешенный могильщик. — Ну, теперь за все получишь! — Он выхватил нож и припустился за убегающим. Догнав, убил его и бросил в ту же яму. Подождал немного — не вылезет ли он снова — и, успокоенный, пошел к Алдаркосе получать свои десять тюменов.

Первый раз в жизни

Однажды Алдаркосе отправился на базар. Навстречу ему попался человек с густой, окладистой бородой. Посмотрел на него Косе, рассмеялся и спрашивает:

— Эй, друг, почему сегодня овчина на базаре?

Густобородый спокойно отозвался:

— Сегодня овчина в цене, а вот на кожу — никакого спроса.

И Косе не нашелся, что ответить. Первый раз в жизни.

Алдаркосе, купцы и падишах

Ехал как-то хитроумный Косе по своим делам и догнал двух купцов. Вид у них был необычный: у одного

волосы на голове седые-седые, а борода черная, у другого — седой была правая сторона головы и бороды, а левая — совершенно черной. Во всем прочем они были купцы, как купцы: глупые, жадные, трусливые. Захотели они присоединиться к Косе, ведь ехать втроем и безопасней, и веселее.

Повстречал путешественников падишах со своей свитой. Его поразил столь необычный вид всадников, ибо наш друг Косе тоже выглядел не как все: голова седая, а подбородок совсем без волос. Падишах пожелал расспросить их о странном обличье, и визирь приказал стражникам привести их.

— Я догадываюсь, зачем падишах нас позвал, — сказал Косе купцам. — Он хочет знать, почему у нас такой вид. Если мы удачно ответим, то нас наградят, а если нет — наверно, лишат жизни.

Купцы приуныли. Они не знали, как отвечать.

— Хотите, научу? — спросил Косе. — Только, чур, награду, которую получите от падишаха, отдадите мне.

Купцы согласились.

Алдаркосе угадал верно. Не успели они приблизиться, как падишах задал вопрос одному из них:

— Почему у тебя на голове седые волосы, а в бороде черные?

Купец ответил так, как учил его Алдаркосе:

— Потому, пресветлый падишах, что волосы в бороде на двадцать лет моложе волос на голове; через двадцать лет борода тоже станет седой.

Второй купец, отвечая падишаху, сказал, что у него есть две жизни: одна — бодрая и ласковая, а другая — злая и сварливая. Та сторона, с которой всегда сидит сварливая жена, уже поседела, а та, с которой добрая, — еще черная.

Настал черед Алдаркосе.

— Голова у тебя седая, а подбородок почему-то еще гол, как у ребенка.

— Все потому, великий падишах, — сказал Косе, — что от пояса и ниже я похож на отца, а выше пояса — на мать.

Падишах рассмеялся и велел наградить всех троих

богатыми одеждами. Алдаркосе взял не только то, что ему причиталось, но и то, что было даровано купцам.

— Почему ты так поступаешь? — удивился падишах.

— Они знают почему, — кивнул он в сторону купцов.

Те, помявшись, вынуждены были рассказать, как было дело. Падишах пришел в восторг от находчивости безбородого и подарил ему еще два халата.

Посев верблюдов

Чтобы удобрить свое поле, Алдаркосе рассыпал по нему верблюжий навоз. Проезжал мимо хан и очень удивился.

— Эй, безбородый, что ты делаешь?

Косе, взгляд которого в это время упал на валяющийся неподалеку верблюжий череп, взял да сказал:

— Верблюдов сею, хан-ага. А что?..

— Разве можно их сеять?

— А почему же нет? Вон, видите, череп? Это от прошлогоднего урожая. Он вовремя не созрел, и я его не стал убирать.

— Сколько же ты надеешься собрать в этом году?

— Да верблюдов сто, — подумав для виду, ответил хитрец.

Хану как раз очень нужны были верблюды, и он, почти не торгуясь, закупил весь урожай на корню, причем половину денег заплатил тут же.

Подошел условленный срок, но о Косе ни слуху, ни духу. Хан рассердился и послал за ним стражников — ясаулов. Те вознамерились было потащить Алдаркосе во дворец, но он упросил их сначала пойти на поле. А в поле он заранее понавтыкал несколько пар верблюжьих ушей и хвостов.

— Видите, только всходить начинают, — сказал он.

Ясаулы посоветовались между собой и уехали. Во дворце они сообщили, что верблюды скоро взойдут, а

значит, и созреют. Хан решил еще подождать. Но напрасно.

Косе предвидел, что рано или поздно ханские слуги снова заявятся, и подготовился. А они не заставили себя ждать. Примчались на взмыленных конях, спешились и — в кибитку. Видят, сидит закутанная с головой девушка.

— Где безбородый? — спросила стража.

— Откуда мне знать, — ответила та, плотнее прикрывая лицо. — Я сама не вижу его уже несколько дней. Ясаулы вернулись к хану.

— Раз нет Косе — заберите его дочь, — приказал он стражникам.

Девушку привели. Она показалась хану еще совсем молоденькой, не сформировавшейся. Поместили ее с дочерьми хана.

В это время один богатый бай — придворный — собрался женить сына. Хан предложил взять гелин — невестку из девушек, находящихся у него во дворце. Старуху, которая присматривала за девушками, он послал выбрать самую юную. Старуха и выбрала Алдар-косе — это был, конечно, он! Хан собрал народ, устроил той.

Ночью байский сын вошел к молодой жене и обнаружил, что перед ним мужчина. Он не стал выяснять обстоятельств — испугался позора, который падет на его голову — и счел за лучшее бежать из дома. Бай ума не мог приложить, куда и почему скрылся его сын.

Жена и дочери бая ни на шаг не отходили от невестки.

Так прошло несколько дней. Наконец, Косе удалось одному выйти ночью во двор. Увидев у входа в кибитку большую деревянную ступу-соки, он набросил на нее свой халат и был таков.

— Отчего так долго не возвращается гелин? — забеспокоились дочери бая. Вышли во двор, увидели, что она сидит, успокоились и вернулись в кибитку.

А Косе был уже далеко. Идет день, другой, третий. Встретился с погонщиками верблюдов. Парень гнал голов сто — целое стадо. Дальше пошли вместе. Пригля-

делся к спутнику Алдаркосе и узнал в нем... своего «мужа»! Он принялся рассказывать парню историю о том, как один бай женил сына, как сын сбежал в первую же ночь, а жена одеревенела с горя.

«Значит отвязался!» — подумал байский отпрыск и бросился домой, забыл про верблюдов. Этого-то и ждал Алдаркосе. Повернув стадо, он погнал его прямо во дворец. Хану он сказал с упреком:

— Я, не жалея сил и времени, выращивал для вас верблюдов, а вы не хотели ждать и забрали мою единственную дочь.

Не по себе стало хану. Чтобы как-то оправдаться перед Косе, он приказал дать деньги — гораздо больше, чем оставшаяся половина обещанной суммы — и подарил двух девушек из своего дворца.

Пожалуй, не посмею

— Правда, что Алдаркосе может любого обмануть? — спросил сын своего отца-бая.

Тот ответил утвердительно.

— Вах, меня он ни за что не проведет! — воскликнул самонадеянный юноша.

— Занимайся своим делом! — осадил его отец. — Много таких умников находилось, да все они дураками оказывались.

Но сын не послушался и при первой же возможности отправился к Алдаркосе. Разыскал он кибитку прославленного обманщика, вошел, поздоровался и спросил у хозяина:

— Вы и есть Алдаркосе?

— Да, — ответил тот.

— Говорят, вы можете обмануть каждого? Если так — попробуйте обмануть меня.

Косе пристально посмотрел на юнца и ответил, покачивая головой:

— Вас я, пожалуй, не посмею.

— Вот и я то же говорил,— запрыгал от восторга байский сын.

— А ну-ка, юноша, сними-ка обувь,— попросил Косе.— Мне нужно взглянуть на твои ноги.

Парень послушно разулся. Косе с сосредоточенным видом осмотрел его ноги со всех сторон, а потом сказал:

— Человека с такими ногами обмануть нельзя.

Вне себя от гордости примчался сын к отцу.

— Ну, что я говорил. Алдаркосе не смог меня обмануть.

— Как было дело? — недоверчиво спросил бай и, когда сын рассказал, схватился за голову: — Горе мне, ты опозорил наш род, мальчишка. Если других он просто обманывал, то над тобой еще и посмеялся.

Алдаркосе и дочь падишаха

Шел как-то Алдаркосе и повстречал юношу. Тот, вместо того, чтобы приветствовать старшего, поспешно отвернулся. Алдаркосе снова вышел ему навстречу. Тот опять отвернулся и даже сошел с дороги. Алдаркосе повторил все в третий раз. Когда они сошлись лицом к лицу, Алдаркосе спросил:

— Почему ты меня избегаешь?

Парень ответил:

— Перед смертью отец позвал меня и сказал: «Ты еще молод и не можешь отличить ложь от истины, поэтому старайся избегать безбородого».

Алдаркосе стало обидно и горько. «Никогда не обманывал я честных людей, особенно если они бедны,— думал он.— И все-таки некоторые из них не доверяют мне и опасаются. Вот и тот джигит явно честен и беден, а поди ж ты... Надо сделать ему добро, пусть изменит свое мнение».

— Вот что, друг мой,— мягко сказал Алдаркосе.— Знай, что я никогда не обижаю людей, которые меня не

трогают. Своей невежливостью ты оскорбил меня, но я прощаю твоей молодости и хочу помочь тебе. Куда ты идешь?

Юноша рассказал, что до него дошел слух, будто у падишаха есть дочь прекраснее гурий из садов пророка. Каждый, кто заплатит десять тюменов, может посмотреть на красавицу. Вот он скопил нужную сумму и торопится узреть лунолицую деву.

— Зачем тратить на то десять тюменов? — усмехнулся Косе. — Хватит и одного крапа.

Юноша с радостью вручил Алдаркосе монетку, и они отправились на базар. Купили там козленка, приволокли его к падишахскому дворцу, как раз под окна царевны, свалили его наземь, и Косе поранил его в нескольких местах. Бедный козлик забился в судорогах, испуская неистовые крики. Сам Косе тоже стал охать и вскрикивать. Кончилось тем, что царевне захотелось узнать, что за странный шум у ее окна, и она вышла на балкон.

— Смотри на нее, — шепнул хитрец юному другу. Тот и рот раскрыл от восторга.

— Что вы делаете с козленком? — спросила дочь падишаха голосом нежным, как у птицы.

— Хотели зарезать его на обед, но что-то не получается, — развел руками хитрец.

— Перережьте бедному животному горло, — посоветовала девушка.

Алдаркосе так и сделал.

— Сагбол, спасибо, красавица, сагбол, — забормотал он и быстро снял с козленка шкуру, повесил тушку на сук и развел под ней огонь. Мудрено сварить обед таким образом. Дочь падишаха улыбнулась, покачала головой и велела одной из своих служанок вынести смешным людям казан. Косе рассыпался в благодарностях. Потом он поставил казан кверху дном, примостил на нем тушку и снова разжег костер.

— Казан нужно перевернуть. Тогда только мясо будет жариться, — сказала царевна сквозь смех.

Косе сделал все, как она ему советовала. Когда мясо было готово, они взяли по куску и, притворяясь, что не

умеют есть, стали тыкать ими то в нос, то в уши. Царевна и ее служанки хохотали, не таясь.

— Приведите сюда тех чудаков, — сквозь смех и слезы приказала она.

— Разве так едят? — спросила царевна у странных путников.

— А как? — наивно полюбопытствовал Косе. — Нас всегда кормили жены своими руками, и мы понятия не имеем, как они это делали.

Царевна, чуть не падая от смеха, жестами велела своим девушкам покормить их. Когда закончилась та трапеза, неоднократно прерываемая взрывами хохота, было уже совсем темно.

— Как же мы теперь пойдем в свой аул? Мы боимся... — захныкал Алдаркосе. Юноша тоже скорчил плаксивую гримасу.

Дочь падишаха приказала устроить неожиданных гостей на ночлег в одной из комнат своих покоев. Но они не долго лежали смирно. Продырявили одеяла посредине, просунули в отверстия головы и принялись бить друг друга подушками. Шум подняли невообразимый.

— О боже, что творят там эти сумасшедшие? — забеспокоилась царевна. — Они всех перебудят.

Она встала и, позвав одну из служанок, отправилась с ней в комнату смешных гостей.

— Что случилось с вами? Отчего вы так шумите?

— Когда мы ложимся спать, наши жены ложатся вместе с нами, — сказал Косе. — Глядя на них, и мы засыпаем. А сегодня их нет, и мы не можем уснуть.

Безбородый хитрец стукнул приятеля подушкой. Тот дал сдачи. Потасовка возобновилась, а с нею и дикий шум.

— О, перестаньте, — взмолилась девушка. — Вы опозорите меня перед людьми.

Куда там. Потасовка разгорелась с новой силой. Царевна задумалась. Если выгнать этих бесноватых, они наверняка попадутся на глаза ночной страже, а та доложит падишаху. Будет неприятность. Если оставить

их — на шум рано или поздно сбегутся люди, и падишах все равно узнает, что в ее покоях ночевали мужчины... Опять позор. Не найдя другого выхода, дочь падишаха легла рядом с Алдаркосе, приказав служанке разделить ложе с парнем.

Пробудившись чуть свет, Алдаркосе залез на самую высокую башню падишахского дворца.

— Что ты собираешься делать? — изумилась царевна.

— Мне пора выкрикивать свой азан, — важно сказал Косе и сложил руки, приготовившись к молитве.

— Не делай того, — взмолилась девушка. — Если падишах узнает, что вы тут ночевали, он убьет нас всех.

Но Косе встал на колени и сделал вид, что собирается заорать.

— Не кричи, я дам тебе сто тюменов, — быстро сказала дочь падишаха.

Косе не обратил на нее внимания.

— Двести тюменов...

Хитрец и ухом не повел.

— Триста тюменов! — в отчаянии крикнула царевна.

Вот это другой разговор. Получив триста тюменов, Косе отдал половину своему юному другу, и они отправились домой.

Алдаркосе, лиса и дэвы

Алдаркосе шел за хворостом и повстречал лису.

— Если ты отдашь мне свой чурек, я соберу тебе хворост, — предложила рыжая проказница.

Алдаркосе отдал, а сам улегся в холодке спать. Проснулся, видит: нет ни лисы, ни хвороста. «Вах, плутовка провела меня, — с досадой подумал он. — Ну, ничего, ты мне еще попадешься.» — Собрал несколько веток и пошел домой.

На следующий день он опять был в лесу. Лисица

и на этот раз вышла ему навстречу. Она вывалялась в пыли, надеясь, что он примет ее за другую.

— Эй, человек! — крикнула она. — Хочешь, я соберу для тебя хворост? Но за это ты отдашь мне свой чурек.

Алдаркосе узнал обманщицу и бросился, чтобы схватить ее, но лиса умчалась быстрее ветра. Он побежал за ней и по дороге наткнулся на фазана, высидивающего яйца. «Пригодится», — решил он и положил птицу за пазуху, а яйца в карман. Потом ему попалась черепаха. Ее он тоже прихватил. Наконец он наткнулся на труп ишака. На всякий случай оторвал у него хвост и присоединил его к другим находкам.

Желание настигнуть рыжую пахалку не покидало Косе, и он все шел и шел по ее следу и даже не заметил, как оказался перед незнакомой горой. Обойдя ее, он увидел вдали какие-то серые бугры. Подошел ближе и разглядел, что это уселись в кружок сорок дэвов и бьют друг другу вшей. Дэвы тоже увидели Косе.

— Эй ты! — сильнее грома прогремел один из них. — Разве ты не знаешь, что если сюда залетит птица, у нее отпадают крылья, если забредет кулан — теряет копыта?..

— Я не птица и не кулан, я человек и ничего не боюсь, — спокойно ответил Алдаркосе.

«Наверно это не простой человек, — решили дэвы. — Он совсем нас не боится. Нужно избавиться от него пока не поздно».

— Эй, человек, давай сравним наших вшей, — предложил один из дэвов.

— Давай, — согласился Алдаркосе.

Дэв почесал в голове и вытащил насекомое величиной с кулак. Косе вытащил из-за пазухи черепаху.

— Ба! — удивился первый дэв. — У него и размером больше, и тверже наших.

— А какие у тебя блохи? — спросил второй дэв и показал свою блоху, величиной в два кулака.

Косе вытащил фазана, тот подскочил вверх и полетел в свое гнездо.

— Вот так блоха! — сказали дэвы и поглядели на человека с опаской.

Третий дэв предложил сравнить волосы. Он вырвал у себя волос, а Алдаркосе вытащил ослиный хвост.

— Ну и волосы у него! — еще больше поразились дэвы.

Четвертый дэв, чтобы испугать необычного человека, так топнул ногой, что до самого неба поднялся столб пыли. Алдаркосе воспользовался этим и закопал в землю яйца фазана. Когда пыль улеглась, он сказал презрительно:

— Поднять пыль и дурак может, а вот попробуйте выжать из земли масло.

Дэвы спросили с недоверием:

— А ты разве выжмешь?

— Сколько угодно, — пожал плечами Косе.

— Ну так мы тем более.

Дэвы принялись толочь, мять, давить землю и скоро превратили ее в песок, но ничего путного у них не получилось.

— Эх, вы! — с сожалением сказал Алдаркосе. Он стал на то место, где зарыл фазаньи яйца, и земля моментально стала желтой.

Дэвы затрепетали. Они еще больше укрепились в своем намерении избавиться от этого страшного человека, но виду не подали. Наоборот, почтительно осведомились, не желает ли человек быть их гостем.

— Если сумеете угодить мне, — проговорил Косе, — пожалуйста, можно.

Дэвы пригласили Косе обедать. Он снисходительно принял приглашение, но заявил, что привык есть один, в отдельной комнате, без помех.

— А мы все сорок едим из одного котла, — сказали дэвы. — Как же быть? Сделаем так: вот в этой пещере варится обед, входи и ешь, а мы пообедаем после.

Алдаркосе вошел и увидел, что в огромном казане варится мясо. Он съел, сколько хотел, а остальное выбросил в яму.

— Больше у вас ничего нет? — спросил он, выйдя из пещеры. — Я только-только червячка заморил...

Дэвы послешили в пещеру и увидели: казан пуст. «Ну и аппетит у этого человека,— расстроились они.— Если не убьем его, он нас с голоду уморит».

Наступила ночь. Дэвы сказали:

— Храбрый палван-богатырь, мы любим спать спокойно, посмотри, чтобы никто нам не мешал, а следующую ночь мы будем стеречь твой сон.

— Согласен,—отозвался Косе. Он взял шубу, принесенную дэвами, и вышел из пещеры. Убедившись, что за ним не следят, он сам забрался в расщелину и спокойно заснул. Выглянули дэвы, увидели шубу и давай кидать в нее огромные камни; всю завалили и, успокоенные, вернулись досыпать. Утром Алдаркосе, живой и невредимый, приветствовал их, как ни в чем не бывало.

Дэвы переглянулись, потом один из них спросил:

— Эй, человек, пойдешь с нами за дровами?

— А чего ж, можно...

— Держи топор,— один из дэвов протянул ему огромную железную глыбу. Алдаркосе и тут нашелся:

— Я привык собирать дрова без топора,—ответил он.

Пришли в лес. Взмахнет какой-нибудь дэв гигантским топором — валится огромное дерево. В пять минут выросла целая гора дров. Алдаркосе сидел на пне и думал, как бы выйти из этого затруднения и посрамить чудовищ. Но такой уж он был человек: ему больше времени требовалось на то, чтобы обуть чарыки, чем придумать что-нибудь. Вскарабкался наш хитрец на дерево и начал связывать его ветки. Перелез на второе и сделал то же.

— Вах, что ты делаешь, сын человека? — удивились дэвы.

— Буду выдергивать деревья пучками, так быстрее,— ответил Косе.

«Он весь лес повалит»,— испуганно подумали дэвы и заявили, что на сегодня хватит дров.

Ночью они опять стали просить могучего и отважного гостя посторожить их. Косе согласился. Как и прошлой ночью он набросил шубу на куст, а сам спрятался и заснул. Злые дэвы вскипятили огромный казан воды,

вышли потихоньку из пещеры и вылили кипяток на шубу, а сами улеглись спать в полной уверенности, что теперь они избавились от гостя.

Едва рассвело — в пещере появился Алдаркосе. Вид у него был неказистый — как у мокрой мыши. Но сам он был здоров и весел.

— Как ты провел ночь, сын человека? — спросили потрясенные дэвы.

— Недурно, — улыбнулся Алдаркосе, — только вот шуба промокла: ночью лил теплый дождь.

«Что за наказание.» — Дэвы пришли в ярость. Из щелей и ноздрей у них повалил дым и показалось пламя. Поднялся вихрь. Один из них бросился на Алдаркосе. Но тот уже как пушинка летал под сводами пещеры.

— Эй, батыр, — с насмешкой прокричали дэвы, — что ты там делаешь?

— Я, кажется, начинаю злиться, — отозвался Алдаркосе, — и думаю, на ком бы из вас сорвать свое зло.

Дэвы перетрусили. Один из них поймал Косе и поставил его на землю. Почувствовав, как человек легок, он опять обнаглел и предложил тому бороться. Алдаркосе принял вызов. Дэв схватил его огромной ручищей за шиворот и поднял высоко над головой. У Косе глаза чуть не вылезли из орбит. Дэвы опять стали над ним потешаться.

— Что это у тебя с глазами, пальван?

— Смотрю и намечаю, кого из вас я брошу в море, кого на гору, а кого — на звезды, — ответил Косе.

Дэвы затрепетали. «Нет, нам его не убить, лучше проводим его по чести», — решили они и спросили, не хочет ли человек возвратиться домой.

— Заплатите, тогда уйду, — сказал Косе.

Дэвы не могли понять, за что они должны платить.

— Не тратьте время на пустую болтовню, — оборвал их Косе. — Я уйду домой только при условии, что один из вас понесет меня, а другой плату — хум золота.

«Пропади пропадом все золото, лишь бы убрался, наконец, этот человек, от которого ни минуты покоя», — подумали дэвы. Один взял хум золота, другой подхватил Косе, и они понеслись.

— Слов нет, ты могуч, человек,— сказала тот, что нес Алдаркосу.— Но уж больно мало ты вешишь.

— Это потому, что я за небо держусь,— сказал Косе.— Если б я всей тяжестью на тебя навалился, ты бы иначе думал.

— А ну, павались...

Косе взял шило и воткнул его дэву в затылок.

— Ай-ай! — взвыл тот.— Хватайся скорее за небо, сын человека.

Когда Алдаркосе оказался дома, он пригласил дэвов отобедать у него в кибитке. Они отказались. Тогда он крикнул жене.

— Принеси сюда.

Жена сразу поняла мужа, как нужно отвечать, недаром она столько лет прожила с ним в мире и согласии.

— Сегодня у нас обед опять из дэвов. Не знаю, понравится ли он тебе. Остались только две головы. Какую подать? От черного дэва или белого?

«Этак они и нас сварят»,— мелькнуло у чудовищ, и они скрылись в мгновение ока.

Долетев до леса, они спустились на землю. Навстречу им лиса, та самая, что обманула однажды Косе.

— Куда вы, дэвы? — спросила она.

— Вах, мы чуть было не попали на обед к одному безбородому,— дрожа от страха, ответили они в один голос.

— К безбородому? Знаю этого человека, всегда съедаю его чурек. Идемте со мной. Я его обману, а вы убьете.

— Ты и нас обманешь,— сказали дэвы.

— Если не верите, то давайте свяжемся одной веревкой,— предложила лиса.

Дэвы согласились.

Алдаркосе увидел эту троицу и смекнул в чем дело.

— Салам, лиса,— сказал он своей старой знакомой.— Почему ты ведешь только двух дэвов? Ведь твой отец должен мне сорок штук.

«Вот, негодная, она хочет отдать нас в счет долга своего отца»,— подумали дэвы и понеслись прочь.

А так как привязанная к ним лиса за ними не могла угнаться, то они тащили ее до тех пор, пока от нее не осталось не только шкуры, но и костей.

Алдаркосе и шайтан

В искусстве обводить вокруг пальца Алдаркосе достиг такого совершенства, что шайтанам после него нечего было делать. Бедняги обратились за помощью к своему старшему, которого звали яшули Азазыл. Тот выслушал их и решил сам проверить, насколько справедливы все эти разговоры. Приняв облик пожилого и дородного муллы, он появился перед Алдаркосе.

— Дошло до меня, о великий хитрец, что ты мастер обманывать,— сказал староста шайтанов.— Сумеешь ли меня обмануть?

— Сумел бы, да вот жалость — обманное дерево оставил дома,— ответил Косе.

— А ты пойди принеси его,— предложил шайтан.

— Хорошо,— согласился Косе.— Только вам, яшули, придется в мое отсутствие поддержать стену, чтобы она не упала (он в это время стоял, прислонившись к ней).

Старый шайтан подпер плечом стену и стал ждать возвращения Алдаркосе. Терпеливо простоял он до вечера, но безбородый не пришел. Тогда шайтан, с силой оттолкнувшись от стены, отскочил, опасаясь, чтобы она его не привалила. Но та стояла как ни в чем не бывало. Понял шайтан, что его обманули, и, сгорая от стыда, удалился. С тех пор он стал тенью Алдаркосе: повсюду ходил за ним в надежде, что представится случай отплатить той же монетой.

Как-то раз шайтан, принявший облик почтенного старца, и Алдаркосе оказались рядом на праздничном тое. Хозяева расстелили перед гостями сачак и подали баранью голову. Алдаркосе спросил у своего соседя-шайтана, сколько ему лет.

— Я родился на сто лет раньше всего живого на земле,— важно ответил тот.

Алдаркосе прикрыл лицо руками и захмыкал, делая вид, что плачет. Все заволновались, стали спрашивать, в чем дело.

— Как вспомню, так не могу удержать слез,— тяжело вздохнув, сказал он.— В день моего рождения этого яшули я потерял своего младшего сына; он был тогда уже взрослым юношей... Такой был славный...

Баранью голову поставили перед ним.

Потерпев поражение, шайтан все же не отказался от мысли расквитаться. Как-то он появился в кибитке Косе и предложил ему вместе вести хозяйство. Тот согласился. Решили посеять лук. Шайтан не один десяток дней трудился в поте лица, пока созрел урожай.

— Какую часть возьмешь,— спросил у него Косе,— ту, что в земле, или ту, что над землей?

«Что он меня, за дурака считает?» — подумал шайтан и поспешно сказал:

— Над землей.

Выкопали они лук и повезли на базар. Все берут головки и никто — сухие стебли. Шайтан понял, что опять его обвел безбородый.

На следующий год шайтан снова явился и стал договариваться о совместном хозяйствовании. Косе ничего не имел против. Посеяли кукурузу. Когда она созрела, Косе спросил напарника:

— Какую часть...

— Ту, что в земле,— не дав ему даже договорить, сказал шайтан. А про себя не без гордости подумал: «Больше ты меня не надуешь».

Отправились на базар. Алдаркосе опять выгодно продал свою долю, а шайтан — уехал ни с чем.

Как-то отправился Косе по делам. Староста шайтанов, по обыкновению, сопровождал его. Поболтали они о том, о сем и решили петь песни. Пели-пели и додумались: пока один поет, другой везет его, кончается песня — они меняются местами.

— Пой ты первый,— предложил Косе.

Шайтан влез ему на спину и запел. Поет, а Косе

везет его. Только песня скоро кончилась, и шайтан слез. Косе уселся на него поудобнее, взял в руки палку, словно это был дутар, и запел: «те-те-те, те-те-те, те-те-те...» Так он пел долго-долго. Шайтан устал до изнеможения.

— Послушай, скоро ты допоешь свою песню? О чем она?

— Скажу, когда кончу,— отмахнулся Алдаркосе и продолжал: — те-те-те, те-те-те...

Так он пел, пока они не добрались до места. Вконец измученный шайтан свалился без сил. Больше Алдаркосе его не видел, и за ним окончательно укрепилась слава непревзойденного обманщика.

ЭСЕНПОЛАТ

К

Всего пугаюсь

Когда Эсенполат был маленьким, его часто посылали за водой. Как-то он нес полный сосуд, а сосед сгружал челек с верблюда. Тот испугался чего-то, один бочонок сорвался и разбился. Больше на этом верблюде воду не возили. Эсенполат решил: «Разобью кяды, скажу — с испугу, тогда меня тоже не будут посылать».

На следующий день мать говорит:

— Эсенполат-джан, сходи за водой.

— Знаешь, мама, — сказал мальчик, — я всего пугаюсь, когда несу воду.

Но мать и слушать не хотела отговорок.

— Ай, сынок, — пожурила она его, — ты разве скотина, чтоб всего пугаться? Смотри не скажи этого еще кому-нибудь — засмеют.

Эсенполат пошел, наполнил кяды, но, подойдя к кибитке, сделал вид, что испугался, и упал. Тыква — вдребезги.

— Вай, Эсенполат, ты оставил нас без чая, — с досадой сказала мать.

С тех пор его перестали посылать за водой.

Пусть сами едят

Эсенполат с другом остановились в кибитке одного бая. Хозяин был жаден и предложил им на обед только чурек. Поели они его без особого удовольствия. Эсенполат то и дело рыскал глазами по сторонам и вдруг заметил в углу чашку с кислым молоком.

— Пожалели для нас, так пусть и сами его не отведают, — пробормотал он и тихонько предложил другу: — Давай затеем драку и опрокинем посудину.

Только вышел хозяин, Эсенполат запустил в товарища половинкой чурека, тот стукнул его целой лепешкой и они принялись барахтаться до тех пор, пока Эсенполат «нечаянно» не зацепил чашку ногой. Молоко разлилось по полу.

— А теперь пойдем, — сказал Эсенполат. — Пусть сами едят сухой чурек.

Всю ночь маялся

Эсенполат с товарищем заночевал у скупого человека. Когда хозяин уснул, Эсенполат сказал:

— Пошарь-ка там, друг, нет ли масла или еще чего. В дороге поедем.

Нащупав кувшин, товарищ достал из него масло, завернул в платок, сунул в свой тельпек и они заснули.

Утром хозяин разжег очаг, вскипятил чай и разбудил гостей:

— Вставайте, чайку поьем.

От раскаленного очага в кибитке стало жарко, а тут же чай горячий. Масло в тельпске у друга стало таять течь по лицу. Бедняге приходилось то и дело вытираться рукавом халата.

— Что это ты так потеешь, гость? — спросил хозяин.

Эсенполат поспешил на выручку:

— Ай, он нездоров... Всю ночь маялся.

Кто даст на подкладку

У одного бая умер брат. Бай боялся, что во время жорон Эсенполат станет смешить людей и тем опозорит его, поэтому он позвал весельчака и сказал:

— Если ты будешь хорошо вести себя на похоронах, дам тебе на халат.

Когда все вернулись с кладбища в село, родные стали считать:

— О, брат...

Эсенполат продолжал:

— Ты дал мне на халат. Кто же даст на подкладку?

— Получишь и на подкладку, только перестань, — молился брат умершего.

Ребенок был голоден

Довелось Эсенполату как-то быть гостем у молодой женщины. Хозяйка собиралась печь чурек и попросила:

— Ага, если малыш в люльке проснется, покачайте его.

Ребенок проснулся и стал хныкать. Эсенполат взял его на руки и стал укачивать, но нянька из него не лучилась. Тогда он нашел миску с кислым молоком помазал ребенку губы. Тот зачмокал и уснул. Эсенполат снова положил его в люльку, а остальное молоко шпил.

Вернулась хозяйка.

— Кажется, ребенок беспокоил вас? — спросила она.

— Ничуть, — ответил Эсенполат. — Только он был очень голоден — все молоко выпил.

Зачем нож?

Шагая вдоль линии железной дороги, Эсенполат увидел зарезанного поездом верблюда. «Вах, сам аллах посылает мне обед», — подумал он, отнял ляжку и потащил домой.

Встретился мулла.

— Где ты взял мясо, Эсенполат? — спросил он.

— Верблюда зарезало поездом, а мы давно не ели жаркого, вот я и прихватил на всякий случай.

— Тьфу, тьфу, — отплюнулся мулла. — Этого верблюда не касался нож, значит мясо его поганое.

— Зачем нож? — удивился Эсенполат. — Под ним была сталь, над ним была сталь, и главное, есть его будет Полат — стальной человек.

Скупой кувшин

Эсенполат с товарищем остановились переночевать у одного бая. На ужин подали им только чай. Легли они, но голод не давал уснуть.

— Эй, друг, пошарь-ка около себя, не найдется ли чего пожевать, — шепотом сказал Эсенполат.

Тот долго возился, но ничего не нашел.

— Поищи ты, — сказал он.

Эсенполат протянул руку и наткнулся на кувшин. Полез в него — масло. Взяв полную горсть, хотел вытащить — рука застряла. Как он ни старался, даже вспотел — все напрасно. На помощь пришел товарищ, но и его усилия не дали результата.

Утром хозяйка вскипятила чай и сказала мужу:

— Буди гостей, попейте, пока не остыл.

Бай поднял их и стал умываться. Эсенполат прикрыл руку с кувшином шубой, а товарищ стал его умывать.

— А что у тебя с рукой? — спросил хозяин.

— Отлежал ночью, — буркнул Эсенполат.

Сели пить чай.

— Эй, жена, приготовь-ка нам шурпу, — сказал бай.

Хозяйка стала искать масло. Кувшина на обычном месте не было. Выйдя во двор, она позвала мужа.

— Кувшин с маслом пропал...

— Что, его' шайтан унес, что ли? — рассердился бай. — Ищи хорошенько.

— Искала уже — нету. Как сейчас помню, с вечера ставила его в комнате, где гости спали.

Улышав разговор, Эсенполат сказал:

— Не ругай из-за нас жену, браток, не нужно нам шурпы.

— Нет, Эсенполат-ага, я заставляю ее найти кувшин с маслом, — ответил хозяин и заорал на жену: — Эй, женщина, ты разбазариваешь мое добро и ищешь виноватых там, где их нет.

— Что же делать? — спросил у друга Эсенполат.

— Лучше всего позвать хозяина и все ему рассказать, — посоветовал тот.

Так и сделали. Эсенполат сказал:

— Хочу рассказать тебе одну вещь бай-ага, но стесняюсь.

— Да говори, чего там.

— Ночью, во сне, я раскинул руки, одна из них возьми да и попади при этом в кувшин с маслом. Я хотел ее вытащить — не идет, товарищ стал помогать — тоже напрасно. Кувшин твой оказался скупее тебя, бай-ага. Ночью мы были очень голодны, и если бы рука вылезла — обязательно полакомились бы маслом. Но он не позволил нам этого сделать.

ЭРТЕКИ

Э

Батрак

то случилось давно, а может, никогда не случилось. Жил у одного бая батрак. Бай ничего не платил — обещал отдать в жены дочь. А так как парень был без ума от нее, то трудился, не щадя себя, день и ночь. Девушка тоже любила батрака, и они иногда украдкой встречались.

Когда пришло время рассчитаться, бай продал девушку, несмотря на ее протесты и слезы, другому баю. Батрак побежал к хозяину:

— Бай-ага, ведь вы же мне обещали дочь.

— Работай, как прежде, хан мой, и я найду тебе не менее достойную жену, — ответил тот.

Батрак бросил все и пошел куда глаза глядят. Долго или коротко он шел, но пришел в какой-то аул. Видит, собралась огромная толпа. Оказывается, это

были любопытные. Они смотрели, как двое делили землю. Судьей у них был знаменитый пир. Став между спорящими, он провозгласил:

— Пусть пыль с одного участка не попадет на другой,— и пошел по своим делам. «Совсем как мой хозяин,— сказал себе парень.— Впрочем, это все-таки пир».

Вечерело. Батрак задумался о ночлеге. Знакомых у него тут не было, поэтому он отправился в мечеть и прилег в уголке. В полночь проснулся от шума. В мечети оказались какие-то люди и среди них, за главного, тот самый пир.

— Идемте туда,— указал пир вниз.

Загремели ключи, застучали засовы, открылась огромная дверь. Рядом с мечетью была мельница. Пир приказал остановить воду, и все спустились в какое-то подземелье. Батрак незаметно проскользнул за ними. Он увидел покои, в которых было множество женщин всех возрастов — от старух до совсем еще девочек. Каждый из спустившихся выбрал себе наложницу. Самая красивая и нарядная досталась пиру. Потрясенный юноша чуть не вскрикнул,— ведь это была та самая дочь падишаха, за которую обещана большая награда,— но вовремя закрыл рот рукавом халата. Пятясь, он выбрался из подземелья к мечети и поспешил во дворец.

— Мой повелитель,— сказал он молитвенно сложив руки на груди,— я берусь отыскать вашу дочь, если вы на три дня уступите мне трон.

Убитый горем падишах согласился, и бывший батрак стал править.

Юноша велел привести своего прежнего хозяина. Потом отправил нукеров за его дочерью и зятем. С остальными всадниками поехал к пиру.

— Набросьте веревку на шею этому подлецу,— сказал он,— и ведите его в темницу.

Нукеры отказались исполнить приказ.

— Разве можно так обращаться со святым человеком? — А падишаху сказали: — Этот молокосос требует, чтобы мы связали почтенного пира.

— Сейчас он ваш повелитель,— ответил падишах.

Батрак велел объявить, чтобы пришли все, у кого

пропали дочери. Когда все собрались, юноша повел их к мельнице. Остановили воду, открыли вход в подземелье и увидели измученных женщин. Многие из них сейчас же бросились к родным, а те, кто был украден давно и не помнили матерей и отцов да и их узнать было очень трудно, так изменились, состарились от горя,— стали расспрашивать, искать. Слезы радости лились потоком. Когда освобожденные женщины рассказали, что их главным мучителем был пир, толпа пошла к темнице, вытащила и растерзала его.

Батрака, которому еще вчера негде было переночевать, сегодня не знали куда посадить, чем накормить. Он велел казнить подлеца-бая, своего бывшего хозяина, а заодно и его зятя. Приказ был тотчас же исполнен. Влюбленные обрели друг друга и счастье.

Умная гелин

Жила-была у одного бая дочь, настоящая красавица. Полюбила она батрака, а тот давно мечтал о ней. Молодой человек знал, что отец девушки никогда не согласится отдать за него дочь. Тогда они договорились бежать. Взяли денег, сколько смогли унести, лучших коней из табуна и, едва наступила ночь, ускакали. Поселились они в большом городе и жили очень счастливо.

Беда пришла неожиданно. Один из приближенных падишаха оскорбил бывшего батрака, и тот, защищая свою честь, поколотил его. Явились стражники и отвели его в темницу. Распустив волосы, целый день горько плакала жена о своем любимом, а потом осушила слезы и поклялась не только выволочь его, но и отомстить тем, по чьей воле он попал в тюрьму.

Заплела она косы, надела свой самый лучший наряд, повесила самые богатые украшения и вышла из дому. Вначале она пошла к кази. Слостолюбивый судья давно приметил красивую гелин и был удивлен и несказанно рад ее приходу.

— Входи, луноподобная, не стесняйся,— засуетился он.— Скажи, что тебя ко мне привело.

Мило смутившись, женщина сказала:

— Моего мужа посадили в тюрьму... О, по недоразумению... Говорят, нужна бумага от вас, чтобы его выпустили...

Кази схватился за карандаш, намереваясь сейчас же сделать все, что надо, но гелин остановила его.

— Я не хочу отрывать вас от более важных дел, кази-ага. Вот мой адрес, я сейчас живу одна, может быть, заглянете ко мне вечером, после намаза? Тогда и напишете бумагу...

Не стоит говорить, что кази с радостью согласился и с нетерпением ждал ночи.

Молодая женщина вышла от кази и отправилась к визирю. Царедворец сидел один в большой комнате, когда она, приоткрыв дверь, заглянула туда.

— Заходи, заходи,— сказал как можно нежнее визирь.— С какими вестями ко мне, гелин?

— Ах, визирь-ага, мой муж по ошибке попал в тюрьму. Говорят, для его освобождения нужна ваша бумага.— И она подняла на него свои прекрасные глаза.

Не говоря ни слова, визирь взял перо.

— О, не сейчас, визирь-ага,— сказала гелин.— Может быть вы зашли, бы после намаза к бедной женщине в гости. Там можно и написать.

— Великолепно! Замечательно!— воскликнул визирь.

Гелин пошла к падишаху.

Чтобы попасть во дворец, нужно было миновать стражу. Женщина подняла яшмак до самых глаз и подошла к часовому.

— Куда идешь?— спросил тот.

— К падишаху,— ответила гелин.— У меня к нему дело.— И выразительно подмигнула.

«Кажется, это та самая красotka, что ходит к падишаху»,— подумал стражник и пропустил.

Гелин подошла к внутреннему караулу.

— Куда идешь?

— К падишаху.— И она будто невзначай приспустила яшмак.

— О-о-о. Вы подождите, я спрошу у его величества...

Войдя к падишаху, стражник сказал:

— Мой повелитель, вас хочет видеть одна очень красивая гелин.

— Что ж ты стоишь, болван? — сверкнул глазами падишах.— Скореепусти ее.— И сам поспешил к двери. Увидев красавицу, он даже за бороду схватился.

— Входи, моя пери,— с умильной улыбкой сказал падишах, взял ее за руку, усадил рядом с собой.— Откуда ты, кто такая и что тебе нужно?

— Я из страны Джам, дочь Нусрет-бая, имя мое Гульджехре, а муж мой Омар, сын Кайсар-хана. Не знаю, по какой причине ваши люди схватили его и посадили в тюрьму.

— Сейчас же напишу, чтобы его освободили,— сказал падишах.

— О мой повелитель, с этим не надо спешить,— остановила его гелин.— У ваших ворот стоит много бедняков, которым ваша помощь сейчас нужнее. Выслушайте их, а вечером, после намаза, я была бы счастлива видеть вас у себя.

Падишах принял приглашение. «Какая красавица и какая умница,— думал он.— Она из страны Шамов, дочь знатных людей. Провести с ней вечерок — блаженство...»

А Гульджехре еще раз взглянула на него многообещающе и удалилась.

Из дворца гелин пошла на базар, нашла знаменитого плотника и заказала ему четыре сундука, попросив доставить их к ней домой.

— Простите, что я не могу вам сейчас заплатить,— сказала она.— Приходите вечером, после намаза, я рассчитаюсь.

Гульджехре расставила сундуки, расплатилась с амбалами. С мечети раздался голос муллы, призывая правоверных к молитве. Едва он умолк, в дверь постучали — пришел кази. Хозяйка захлопотала вокруг него

помогла снять халат, усадила на подушки. Кази попросил бумаги и чернил. Написал: «Освободить мужа гелин» и тут же захотел получить плату. Он протянул руку, имея намерение обнять ее.

— Не торопитесь, кази-ага,— ответила молодая женщина и легонько оттолкнула руку.— Сначала чай, чурек, а потом и... остальное.

Судья согласился неохотно. Наливая в пиалу чай, он глаз не сводил с красивой гелин.

В дверь постучали.

— Кто это?

Кази боялся, что ему помешают насладиться.

— Не волнуйтесь, ага,— сказала хозяйка.— У меня есть слабоумный брат, это, наверно, он. Дам ему поесть что-нибудь и выпровожу.

— Не нужно, чтобы он видел меня,— забеспокоился кази.

— Как же быть? — задумалась гелин.— Полезайте-ка вот в этот сундук.

Судью упрощать не пришлось. С ловкостью кота он забрался в сундук, а гелин закрыла его на замок, и побежала открывать дверь. На пороге стоял визирь. Он уже начал сердиться, что его так долго не впускают, но хозяйка одарила его такой улыбкой, что он тут же пришел в хорошее настроение. Гульджехре старалась изо всех сил угодить высокому гостю. Она постелила ему самые красивые ковры, подложила самые мягкие подушки. Визирь, чтобы на заботу ответить заботой, тут же сел и написал распоряжение, которое хотела получить от него гелин. Окончив писать, он заговорил о своей любви.

— Ох, вы и нетерпеливы,— игриво повела бровями хозяйка.— Успеете. Поужинаем, а потом будем о любви говорить. Она расстелила сачак, подала вкусные яства. Едва визирь протянул руку к блюду, раздался резкий стук в дверь. Визирь забеспокоился, а гелин стала его уговаривать и повторила версию о слабоумном брате. Но сановник не больше судьи хотел, чтобы кто-то увидел его здесь, и Гульджехре спрятала его во второй сундук.

Быстрее птицы выпорхнула она из комнаты, чтобы встретить падишаха. Все повторилось в том же порядке. Так же хозяйка позаботилась об удобствах гостя, так же обещала после ужина вознаградить повелителя за распоряжение об освобождении мужа, и опять помешал стук в дверь. Это пришел за деньгами плотник.

— Нет, уважаемый, — ответила сердито хозяйка, — денег я тебе не дам. Я предупреждала тебя, чтобы сундук был вместительный. А что же оказывается? В него даже человек не умещается.

— Как это так? — не поверил мастер и влез в четвертый сундук. Гульджехре быстро захлопнула крышку и повернула ключ в замке.

С помощью бумаг она без труда освободила мужа. Придя домой, супруги составили сундуки друг на дружку, потом уложили свои вещи и уехали в соседнюю страну, где стали жить-поживать.

А что же с пленниками? Плотник, как попал в сундук, стал ругаться.

— Если б я не был дураком, то сделал бы этот ящик подлиннее, чтобы можно было лежать, вытянув ноги. — И он стал бить ногами в стенку.

— Эй, кто здесь? — закричал кази.

— Идите сюда! — подал голос визирь.

— Немедленно выпустите меня! — приказал падишах.

Гвалт поднялся необычный. На крики сбежались соседи.

Они подумали, что после отъезда хозяев дом их облюбовали под жилье джины и теперь безобразничают. Кто-то посоветовал облить кибитку керосином и поджечь.

— Откройте, люди! — донесся из кибитки истошный вопль. — Я ваш падишах.

— Нечего тут делать нашему падишаху, — сказали соседи, не переставая лить керосин. Но один решил:

— Э, будь, что будет — открою.

Из ящика выскочил падишах, борода его тряслась, как овечий хвост. Не дав людям опомниться, он

побежал прочь. Открыли остальные сундуки. Пленники, жалкие, насмерть перепуганные, бросились врассыпную, и догнать их не смог бы даже ветер.

Разве кончилась мука?

Старик-мулла, обучавший мальчиков грамоте, влюбился в мать одного из них и называл того — «сын красивой матери». В конце концов мальчуган пришел домой и спросил:

— Эдже, правда, что ты красивая?

— Откуда ты взял? — удивилась мать. — Я самая обыкновенная.

— А почему же наш мулла называет меня «сын красивой матери»?

Женщина поняла все и решила проучить старого сластолюбца.

— Передай своему наставнику, пусть зайдет сегодня, — сказала она.

Мальчик пришел в школу. Мулла, как обычно, встретил его:

— Входи, входи сын красивой матери.

— Мулла-ага, — сказал мальчик, — мама приглашает вас в гости.

Когда гость заявился, хозяйка сказала ему, что муж уехал по делам и не скоро вернется, потому-де она и решила пригласить любезного гостя.

Старик рассыпался в благодарностях. Он похвалил ее за красоту и ум и, подложив под себя мягкую подушку, удобно расположился на кошке. Хозяйка расстелила сачак и стала готовить угощение.

Со двора послышался скрип арбы и понукания верблюда.

— Муж! — вскрикнула женщина.

— Что же мне делать? — заметался в страхе мулла.

— Стойте, я придумаю, — улыбнулась хозяйка. — Накиньте на голову мой халат и садитесь в угол молоть верно.

Мулла так и сделал. В кибитку вошел хозяин с мешком пшеницы.

— Что за женщина? — спросил он у жены.

— Рабыня нашего соседа. У них мельница поломалась, вот она и пришла пшеницу перемолоть.

— Тогда пусть и нашу заодно перемелет, — хозяинкнул принесенный мешок.

Когда «рабыня» перемолола всю пшеницу, муж сказал жене:

— Мне она давно уж приглянулась, сегодня ночью я не лягу с тобой.

Мулла подскочил как ужаленный и опрометью выбежал из кибитки, забыв про свой халат.

Прошло несколько дней, «сын красивой матери» снова передал своему наставнику приглашение в гости. Мулла сердито посмотрел на него и спросил:

— Разве у твоей матери мукá уже кончилась?

Умнее визирей

Жил на свете старик. Единственным его достоянием был осел. Старик любил его и часто говорил:

— Мой ишак умнее визирей падишаха.

Достигли эти слова ушей визирей, и разозлились они несказанно.

— Пресветлый падишах, — стали жаловаться они, — какой-то нищий старик позорит вас, уверяя, что мы глупее его осла.

Падишах приказал позвать деда, столь низко оценивающего умственные способности его сановников.

— Яшули, почему вы всюду говорите, что ваш ишак умнее моих визирей?

— Действительно, мой падишах, я иногда говорю так, — лукаво усмехнулся старик, — и вот почему: как-то я ехал на своем ишаке через мост. Он возьми и провалился одной ногой в дыру. С трудом я его вытащил. С тех пор, когда мне случается пересбираться через этот

мест, он осторожно обходит то место. Видишь, какое умное животное? А твои визири, сколько ни наказываешь ты их за преступления, при первой возможности делают то же самое. Суди теперь, кто умнее: мой ишак или они?

Падишах признал справедливость слов и выдал мудрому старику награду, а визирям сказал:

— Берите пример с его ишака.

Девяносто торб

Одной страной правил падишах. Был он богат, могуществен, мудр, но стар. Ему уже перевалило за девяносто. В том же городе жил бедняк, у которого была красавица-дочь. Однажды престарелый падишах увидел эту девушку и воспылал любовью. Сказано — сделано. Посылает он сватов к ее родителям. Растерявшийся бедняк попросил три дня отсрочки, чтобы посоветоваться с домашними.

— Падишах слишком стар, чтобы жениться на нашей голубке, — сказала жена, — но он всемогущ. Как противиться его воле? — И заплакала.

— Все будет хорошо, дорогие, — успокоила их дочь. — Только, когда сваты явятся снова, скажите им, что я сама назначу калым за себя.

Падишах нетерпеливо ожидал назначенного срока. Он уже считал девушку своей женой. Визири и сваты-бекили пришли за ответом.

— Мы согласны, — сказали родители, — но калым пусть она сама назначит.

— Слава богу, казна нашего повелителя полна, — ответили они. — Ну, девушка, ждем твоего слова.

— Моя цена будет такая, — сказала невеста, — десять ягнят, двадцать волков, тридцать верблюдов, сорок почтенных людей, пятьдесят отборных жеребцов, шестьдесят скопцов, семьдесят недоузdkов, восемьдесят пут для лошадей и девяносто торб.

— Вай, только-то?! — обрадованные сваты поспешили к падишаху.

— Ну и сделали дело! — схватился за голову падишах, когда ему все рассказали. — Нечего сказать, хороши сваты.

— А что, разве плата велика? — удивились визири и векили.

Падишах сердито объяснил им, что десять ягнят — это значит, что в десять лет человек подобен ягненку, в двадцать — волку, в тридцать — верблюду, в сорок — он становится почтенным, в пятьдесят — буйным жеребцом, в шестьдесят — скопцом, в семьдесят — его водят на поводу, сам он уже не в состоянии ходить, в восемьдесят — он подобен спутанной лошади, а в девяносто — для него наступает пора прятать свое брненное тело в торбу и готовиться к смерти.

— Вот, что хотела сказать девушка этим калымом, — закончил он. — У нее одной оказалось ума больше, чем у всех вас, вместе взятых.

Падишах пожелал увидеть девушку, чтобы задать ей несколько вопросов. Послали за ней ясаула.

— Вас зовет падишах! — сказал он.

— Зачем? Я уже дала ему ответ.

— Не могу знать, уважаемая...

Девушка пошла во дворец вместе с матерью. Падишах позволил им сесть.

— О, падишах, — смело сказала девушка, — у нас нет времени, чтобы сидеть. Если хотите что-то сказать — говорите, а нет — позвольте нам уйти.

Падишах задал ей два вопроса: какое животное тяжелее всех, и что слаще всего на свете?

— Но ведь это так просто. Зачем же спрашивать? — удивилась девушка.

— Все-таки ответь, красавица, — попросил падишах.

— Самое тяжелое животное, — сказала она, — конь, и слаще всего на свете — любовь.

— Почему ты так думаешь? — поинтересовался падишах.

— Когда конь бежит — вся земля дрожит. Что же

касается сладости любви, то вот доказательство: когда я была маленькой, меня посадили у огня и я упала на угли, но мать с отцом даже не заметили этого, так как были заняты поцелуями. Любовь для них была важнее родного ребенка. И второе: вам, ваше величество, девяносто лет, а вы все еще мечтаете жениться.

Падишах был восхищен умом девушки и отпустил ее с миром.

Сорок небылиц

Один честолюбивый бай надумал женить своего сына на дочери падишаха и заслал сватов. Падишах ответил, что отдаст ее только за того, кто научится хитростям у дэва. Бай повел сына к дэву.

— Салам алейкум, дэв-ага! — сказал он, войдя в пещеру.

— Если бы ты не поприветствовал меня, — ответило чудовище человеку, — я бы тебя проглотил. Зачем пожаловал?..

— Я привел к тебе сына, чтобы он научился твоим хитростям.

— Хорошо! — ответил дэв.

У него был большой сундук. Он сказал, что запрячет в него юношу и продержит сорок дней.

— Если выживет, будет твой, если помрет — мой. Бай согласился и ушел.

Сына положили в сундук и заперли. Юноша умер бы непременно, но дэв имел обыкновение каждый день уходить на охоту, а у него была дочь, очень добрая и хитрая девушка. Когда отец охотился, она выпускала паренька из сундука, поила и кормила его. В первый день, когда юноша поел, она разожгла костёр и спросила:

— Ты понял?

— Нет, ничего не понимаю, — ответил тот.

Девушка снова уложила его в сундук. На второй день повторилось то же самое. А на третий — юноша ответил, что он понял.

— Тогда лежи ещё, — сказала дочь дэва и заперла его.

Настал сороковой день. Девушка вместо обычного обеда дала юноше кисть винограда.

— Сегодня придёт твой отец, — сказала она. — Что же касается моего отца, то он уже точит зубы, так как уверен, что ты давно мертв. Когда он спросит тебя, чем ты питался, скажешь, что каждый день сверху к тебе падала вот такая кисть винограда.

Все случилось так, как предсказывала девушка. Дэву ничего не оставалось, как вернуть сына отцу — ведь уговор дороже денег.

Пошли бай с сыном домой. Сорок дней, проведённых парнем у дэва, не прошли для него даром. Об этом позаботилась добрая дочь чудовища. Сын решил показать отцу своё уменье. Он слегка отстал и сразу же сделался откормленным бараном. Бай оглянулся, ища сына.

— Вах, какой баран! — вскрикнул он и принялся ловить его. Но — не поймал.

Юноша снова принял человеческий облик и пошёл рядом с отцом. Идут они, идут, и снова юноша отстал и превратился в великолепного скакуна. «Бай-бой!» — восхитился бай, увидев коня, и бросился ловить его, но конь не дался в руки. А сын уже снова оказался рядом.

В третий раз он сделался сильным и буйным верблюдом и погнался за отцом. Бай — бежать, но громадина вот-вот его настигнет. Бай, не помня себя от страха, бросился в колодец. В тот же миг верблюд снова стал юношей. Подойдя к колодцу, он спросил:

— Что вы там делаете, ата?

— Жду тебя, — глухо донеслось снизу.

— Разве для этого обязательно спускаться в колодец? — спросил сын.

Бай рассказал, что три раза ему являлось чудо: один раз — превосходный баран, второй — конь-красавец, а потом — какой-то бешеный верблюд за ним погнался. И откуда они брались?

Юноша, усмехаясь, вытащил отца из колодца и сообщил, что всем этим чудесам он научился у дэва и сейчас проверил свои способности.

— Завтра я опять обращусь в откормленного барана, — сказал он отцу. — Сведи меня на базар и продай, но не дешевле, чем за сто тюменов. Только верёвку, на которой меня поведёшь, ни в коем случае не отдавай.

Бай так и сделал. Люди, купившие барана, повели его на площадь, где устраивались бои животных. Байский сын победил всех, а потом забежал в толпу и обратился человеком. Искали, искали его, но так и не нашли.

На следующий день юноша превратился в резвого скакуна. Отец снова продал его за сто тюменов, а уздечку, как велел сын, забрал с собой. Новый хозяин посадил на коня своего мальчишку. Проехали они немного, конь осторожно сбросил ребёнка, принял человеческий облик и удалился.

В третий раз парень сделался большим упитанным верблюдом и отец повёл его на базар. Там же оказался и дэв. Увидев его, верблюд сделался тощим и жалким, но дэв всё равно его купил. Впопыхах бай забыл снять верёвку, и сыну пришлось следовать за дэвом. Тот пригнал его к своему жилью и крикнул дочери:

— Неси сюда нож.

Но та уже узнала юношу. Закинув нож подальше, она сказала отцу:

— Никак не могу его найти.

— Тогда поддержи верблюда, я сам поищу, — сказал дэв.

Девушка немедленно отпустила пленника, шепнув ему: «Беги!» Когда тот был уже далеко, она закричала:

— Вай, этот верблюд оборвал верёвку и удрал.

Дэв помчался в погоню. Бежали они до самого двора падишаха. Когда чудовище почти настигло верблюда и готовилось уже схватить его, тот обернулся птицей и сел на плечо гулявшему по саду падишаху.

— О, падишах, отдай мне эту птицу, — попросил дэв.

Но падишах сказал, что не даст в обиду птаху, посланную ему всевышним. Дэв удалился в великом гневе, а птица слетела с плеча падишаха и превратилась в прекрасного юношу.

— Повелитель, вы обещали отдать замуж свою дочь за того, кто научится хитростям у дэва, — сказал юноша. — Не я ли её достиг?

— Хитрости дэва — ещё не всё, сын мой, — ответил падишах. — Я отдам тебе дочь, если ты расскажешь мне сорок небылиц.

• Юноша помолчал, собираясь с мыслями, и начал:

— В те времена, когда мой отец ещё не был женат на моей матери, а я ещё не родился, у моего дяди была кобыла. Я пас её, и однажды она ожеребилась. Взяв жеребёнка на руки, я сел на кобылу, но она не смогла нас везти. Тогда я взял на руки кобылу и сел на жеребёнка, и он повёз нас. Я был единственный сын у матери, все дети умирали, остались только мы, трое братьев. Один из нас был слеп, другой — безрук, а третий — гол. Как-то мы пошли на охоту. Под невыросшей полынью слепой увидел неродившегося зайчонка, безрукий убил его, а голый завернул в полу своего халата и понёс. В зайчонке было шестьдесят батманов мяса и семьдесят — сала. В одном месте мы нашли целый казан, а в другом половину. Положили мясо и сало в целый казан — не поместилось; положили в половинку — тоже осталось. Тогда я сунул в рот все шестьдесят батманов мяса и семьдесят сала. На одну сторону хватило, а на другую — не осталось ничего. Семьдесятю батманами сала я смазал сапоги, вернее один сапог, потому что на второй не хватило. Я поставил сапоги у изголовья и лёг спать, но скоро проснулся от шума: это подрались мои сапоги, смазанный и сухой. Я дал пощёчину смазанному, оттащил за уши сухой и снова уснул. А утром увидел, что стоит только один сапог — смазанный. Сухой сапог обиделся на меня и ушёл. Что делать? Моя умершая мать дала мне иглу, я воткнул её в пол, залез на неё и обнаружил на другом конце земли свой сапог. Он что-то там ел. Подойдя, я увидел, что у него был большой арбуз. Сапог больше не сердился на меня и угостил арбузом. Когда мой нож вонзился в арбуз, из него потекла большая река, в которую я упал вместе с ножом. Сейчас там лежит один волос и седло...

Падишах не выдержал.

— Всё до единого слова ложь! — крикнул он.

— Если так, то ваша дочь — моя! — сказал юноша.

Как бедняк ходил за черкезом

Это случилось давно, а может быть, никогда не случилось. Жил бедняк с женой и дочерью, и ничего у них не было: ни овцы, ни курицы, ни собаки, ни даже кошки, только один ишак. Дочь нянчила байских детей, а жена, большая искусница, занималась ткать ковры. Так они и сводили концы с концами.

Однажды бедняк сел на ишака и поехал в степь за черкезом. Нарубил он немного хвороста и почувствовал боль в животе. Кряхтя, прилёг он под куст. Полежал-полежал, да и крепко заснул. Вдруг видит он, что кто-то поджёг нарубленный им черкез. «Вай, кто палит мои дрова?» — вскочил он и увидел, что дрова лежат целёхоньки, а солнце уже садится. Связал он хворост и хотел навьючить его на ишака. Вдруг видит, что-то блестит под ногами. Взял в руки — оказался огромный, с кулак, кусок золота. Бедняк едва не умер от радости. У него не хватило даже сил, чтобы пойти домой, и он решил заночевать в песках.

Рано утром он навьючил ишака хворостом и пошёл домой, не чуя под собой ног.

— Напой-ка меня чайком, — сказал он жене, когда вернулся, — да покрепче, — а сам никак не может скрыть свою радость, она так и льётся через край.

— С чего это ты в таком настроении? — удивилась жена.

— Вах, почему же мне грустить? — самодовольно сказал он. — Я пью крепкий чай со свежим чуреком...

— Ты каждый день это делаешь, но раньше из тебя улыбку и вытянуть нельзя было.

Больше бедняк не мог скрывать свою тайну.

— Знаешь, женщина, — понизил он голос почти до шепота, — вчера я нашел в песках кусок золота.

Та не поверила.

— Брось, отец, такое не про нас. Аллах знает, кому давать золото.

Муж не спеша вытащил самородок и протянул его ошеломленной жене.

К кибитке подошел ишан. Бедняк любезно пригласил его войти и велел жене вскипятить ещё чаю, а пока поставил перед гостем свой чайник. Ишан выпил пиалу чаю и обратился к хозяину:

— Сосед, когда я вошел, у тебя в руках было что-то блестящее.

Зная повадки и загребущие руки ишана, хозяин сказал, что ничего такого не было. Но от ишана не так-то просто отвязаться. Он приставал до тех пор, пока бедняк не сказал в сердцах: «На... Смотри...» — и бросил ему свою находку.

— Где ты взял? — глаза ишана загорелись, как у волка.

Пришлось рассказать, как всё было. Ишан попросил позволения отломить на пробу кусочек. Хозяин рассердился.

— У тебя горсть пыли не выпросишь, хотя в доме всего полно, а ты у бедняка последнее норовишь ополовинить.

Но ишан всё же отломил кусочек.

— Пошли аллах тебе сыновей, а сыновьям — прекрасных дев; подобных пери, — пробормотал он на прощанье.

— Чтoб глаза мои тебя не видели! — крикнул ему вслед бедняк, но тот уж ничего не слышал.

Прибежав домой, ишан взял осла и поехал в степь. Нарубив немного хвороста, он сделал вид, что у него заболел живот и лёг под куст. Но сон не приходил, сколько ни зажмуривал он глаза. Тогда он вскочил и снова стал работать. Рубил до тех пор, пока не устал. «Уж теперь-то усну», — подумал он, ложась опять под куст. И правда, сразу задремал. Вдруг он почувствовал, что под рубашку заползла змея. Вначале он по-

думал, что это во сне, но, открыв глаза, увидел её наяву.

— Ты зачем приползла ко мне? — в испуге вскрикнул он.

— А зачем ты притворяешься, что у тебя болит живот, и пытаешься увидеть сон? — проговорила змея человеческим голосом.

— Вах, змея, послушай, — сказал ишан, — вчера один человек вот так же нашел здесь золото.

Змея свирепо зашипела:

— Тот человек беден, и у него действительно болел живот. У тебя же дом валится от приношений, и ты всех обманываешь. А ну, убирайся отсюда, пока цел.

Ишан в величайшей досаде и злобе поплёлся домой.

— Что случилось с тобой, отчего ты такой? — спросила его жена.

— Женщина не должна расспрашивать мужа! — ещё больше озлился ишан.

С лицом чернее тучи шагал он из угла в угол и жена, не утерпев, спросила снова:

— Что же все-таки случилось?

— Сейчас узнаешь! — взорвался ишан, схватил палку и стал колотить ни в чем не повинную женщину.

Проходила мимо старушка и сказала:

— Разве можно так избивать жену? Она ведь не животное, а человек.

— Уходи отсюда, старая карга! — рявкнул ишан. — Это я должен учить женщин, а не они меня. — И продолжал бить свою жену, пока не обессилел.

Через некоторое время он подошел к лежавшей без движения женщине и хотел поднять ее, но она была бездыханна. Вытащив из чувала коран, он принялся читать его над телом умершей, в надежде оживить ее. Но молитвы не помогли. Тогда он выскочил на улицу и стал звать на помощь. Сбежались люди.

— Отчего скончалась бедная женщина? — стали они спрашивать.

— Ах, у нее было больное сердце, — лицемерно скорбя, отвечал ишан.

Но когда женщины стали обмывать покойную, они увидели на ее теле следы побоев и все поняли.

Через месяц после этого печального происшествия ишан позвал к себе старика и старуху и поручил им высватать себе какую-нибудь девушку. Но куда ни приходили сваты, им всюду отказывали, даже в отдалённых аулах: и туда дошел слух о том, что ишан убил свою прежнюю жену.

Так он и состарился в одиночестве, а добро его после смерти перешло к чужим людям.

Бедняк, нашедший золото, жил с тех пор счастливо. Дочь он выдал замуж за хорошего человека и жене не нужно было ткать ковры для чужих людей.

ҚАРРЫ-АТА

Ж

Зайдите, побеждаем...

ил, говорят, один весельчак по имени Карры-ата. Ходил он в пестрых штанах, пестрой рубахе, носил в папаше туйдук — тонкую камышовую дудочку — и был завсегдаем всех празднеств на селе.

Как-то раз пригласил он к себе домой проходивших мимо сельчан. Сказал им:

— Зайдите, побеждаем...

Люди столпились у входа в кибитку. Карры-ата вынес кундук с водой, заставил их помыть руки и сказал, чтобы входили и садились.

Когда приглашенные уселись на кошме, Карры-ата вышел из кибитки и ушел куда-то, по своим делам.

Долго ждали гости возвращения хозяина, да так и не дождались. С той поры бытует шутка, когда кто-то

приглашает на обед: «Может быть так, как Карры-ата заставил помыть руки?»

Карры-Ата рассказывает

От роду одному человеку дали имя — Осел. Пока он был маленьким, не обращал на это никакого внимания, а когда вырос и обзавелся семьей, — призадумался. Что и говорить, не очень-то приятно, если тебя называют Ослом.

Решил тот человек назваться более подходящим именем. Для этой цели он устроил той и созвал к себе почтенных людей со всей округи. Во время пиршества говорит им:

— Не нравится данное отцом мне имя. Нельзя ли, уважаемые, сделать так, чтобы называли меня как-то иначе?

Почтенные гости посоветовались между собой и решили: самое доброе, что они могут сделать для хозяина, — отныне будут называть его осленком.

Имя ласковое, — хозяин возликовал и едва окончилось пиршество, кинулся к жене и сказал ей, как теперь его будут звать.

— Эх ты, простофиля, — сожалеючи вздохнула жена. — Неужели не мог добиться более подходящего имени? Ведь, если ты сейчас осленок, то через год опять же станешь ослом...

В одном ауле, в Каракумах, жил человек по имени Алтыберды. Как и большинство своих земляков-скотоводов он никогда и никуда не выезжал из песков, а о больших городах — о Хиве и Бухаре — знал лишь понаслышке.

И вот однажды решил он побывать в Бухаре. Надо было закупить джугары, риса, соли, посуду, халаты и бязь.

Поехал.

По приезде в Бухару он оставил в караван-сараяе своего верблюда, товар, какой привез для обмена, и пошел в чайхану поесть — проголодался в пути.

Зашел, сел на тахту, попросил что-нибудь съестного. Ему говорят:

— Хей, саккалдаш! Разве ты не знаешь, что сейчас — ураза? Днем никто не ест и не пьет, все ждут ночи.

Алтыберды только хмыкнул и направился в другую чайхану — может быть там нет уразы. Но и тут ответили ему то же самое.

До вечера Алтыберды обходил весь город, но нигде так и не поел. Везде ему напоминали об уразе и предлагали читать молитвы. В последней чайхане Алтыберды не выдержал, спросил:

— А что же это такое будет — молитва?

Чайханщик указал на сидевшего муллу и посоветовал:

— Вон тот человек знает, что такое и ураза и молитва, обратитесь к нему.

Выслушал мулла Алтыберды, сразу смекнул — этот человек не здешний — и усердно принялся наставлять незнакомца.

— Ха, ты не знаешь — что такое ураза и молитва?! Бай-бо! Как же так, а? Ведь эти вещи нужны мусульманину, как хлеб и соль, как вода и воздух. Сам бог и пророк ниспослали их в усладу людям!

Алтыберды внимательно выслушал сладкоречивого муллу, спрашивает:

— А нет ли в Бухаре такого места, где бы можно было купить эти самые молитвы?

Мулле только этого и надо было. Он почесал за ухом, поперхнулся и глубокомысленно изрек:

— Конечно, уважаемый, найти эти вещи не легко. А если и найдешь их, то стоят они дорого. Впрочем... Я постараюсь тебе их достать. Главное не скупись в деньгах.

Алтыберды возликовал: за такие приятные штучки, за эти самые молитвы он ни в чем не поскупится. А мулла пообещал:

— Ладно, договоримся. Приходи завтра сюда, и я тебе принесу столько молитв и уразы, что их хватит на всех людей твоего аула.

В тот же день мулла нашел человека себе подобного и стали они обдумывать, как бы получше одурачить этого скотовода. Они нашли огромную тыкву, сделали в ней отверстие, чтобы поместить в ней «молитвы», и занялись делом. Что они сделали, узнаете потом, а пока скажу только то, что на другой день принесли тыкву Алтыберды, отдали ее ему, а взамен взяли верблюда и весь товар, какой он привез на обмен.

Держит Алтыберды в руках тыкву и слышит, что-то угрожающе гудит в ней. Спрашивает муллу, что там такое. Мулла отвечает:

— Хе! Мы вложили в эту тыкву очень много молитв, хватит их всем людям твоего аула. Одни молитвы большие, другие — маленькие. Так вот, большие молигвы сейчас воспитывают маленьких, ты слышишь их голоса. Как ты думаешь, саккалдаш, — обращается он к своему приятелю-плуту, — не слишком ли много мы дали молитв этому человеку? Не заметят ли праведные люди, что молитв в Бухаре намного уменьшилось?

Тот отвечает:

— Может заметят, может и не заметят, но нельзя же, чтобы люди песков вовсе без молитв жили! Это не честно и не оправданно!

— Постой, постой, уважаемый, — спохватился мулла. — Чуть не забыл предупредить тебя. Слушай внимательно. Когда вернешься в свой аул, то собери всех людей в каком-нибудь большом помещении, а чтобы никто во время знакомства с молитвами не мог выйти оттуда, поставь у дверей стражу. Надо, чтобы все узнали молитвы, иначе ваш аул никогда не усладится дарами бога и пророка. В общем, когда все соберутся и когда у дверей встанет стража, тогда откроешь тыкву и всем раздашь по одной молитве.

Обрадованный Алтыберды пустился в путь.

Вернувшись в аул, он немедленно собрал всех жителей аула в большом помещении, как и наказывал ему мулла.

Люди собрались. У дверей встала стража. Алтыберды оглядел всех и, когда наступила тишина, торжественно открыл отверстие в тычке.

Мгновенно оттуда, обозленно жужжа, стали вылетать шмели и осы. Разъяренные долгим заточением, они набросились на людей и стали их жалить. Начался переполох. Слотыкаясь и падая, крича и взывая о помощи, люди бросились к двери, но не тут-то было. Стража не выпускает. Наверное, подавили бы друг друга в суматохе, если бы несколько «молитв» не напали на стражников. Покусанные, те выскочили наружу и таким образом освободили выход. Люди бросились к двери — и в поле, кто куда. Бегут, машут руками, отбиваются от жестоких «молитв», ниспосланных аллахом и пророком в честь уразы.

Когда все утихло, жены стали разыскивать мужей, а мужья — жен. Дети — родителей, а родители — детей, братья — сестер, а сестры — братьев.

Долго потом жила поговорка. Дехкане говорили друг другу:

— Когда гнался ураза, твой брат куда бежал: в сторону Мешхеда или Хивы?

Со временем люди забыли о злосчастных молитвах, но всегда помнил о них Алтыберды. И когда азанчи звал на молитву, Алтыберды морщился, наливал в пилалу чай и пил его большими глотками.

ГРЕХ И СМЕХ

Святая могила

Как-то раз в Хиву к «знаменитому» пиру прибрел бедняк сопи. Был он там недолго, потому что запасы еды и деньги у него кончились, — надо было возвращаться назад.

Пир пожалел беднягу, отдал ему своего дряхлого заезженного осла. Сопи сел на него и поехал.

Как он ехал — быстро или медленно, не в этом суть. Суть в том, что измученный осел упал на полпути и издох. Сопи растерялся: что же делать дальше. Неужели идти пешком? Сел он на краю дороги, пригорюнился. Вдруг видит, вдалеке шествует караван верблюдов. Сопи осенило. Вскочил он, стащил осла в придорожную яму, забросал землей, встал на колени и стал громко плакать.

Вскоре, поровнявшись с ним, караван остановился. Купцы спрашивают:

— Что такое случилось, дост. Почему ты плачешь?

— Ай, не спрашивайте, люди добрые,— всхлипывая ответил сопи.— Был со мной — знаменитый пир. Ехали мы вместе, но вот беда приключилась: заболел он и умер.— И Сопи зарыдал громче прежнего.— Бедный я, не могу даже его могилу обнести забором...

Купцы и погонщики тут же замесили глину, построили келью, огородили ее дувалом и уехали. А бедняк назвал себя меджевуром — хранителем могилы святого — и поселился в келье.

Не прошло и недели, как по всей округе распространился слух о новой святой могиле. Весть об этом долетела до хивинского пира, который подарил бедняку сопи своего дряхлого осла. Пир решил совершить паломничество к новому святому месту.

Приехал.

Зашел в келью, видит знакомого ему бедняка сопи. Тот растерялся, слова выговорить не может, а пир спокойно так говорит:

— Между прочим, мать этой скотины тоже не менее свята. Это она, подохнув, помогла мне стать знаменитостью.

Признак глупости

Один мулла вычитал в какой-то книге, что «маленькая голова, маленький рост и пышная борода — признак глупости». Мулла тотчас посмотрелся в зеркало и понял, что он точь-в-точь такой, как сказано в книге. Решил он изменить свою внешность, стал раздумывать, как бы это сделать. Голову увеличить нельзя, с ростом тоже ничего не сделаешь, а сбрить бороду — грех.

Думал он думал и додумался подпалить себе бороду. Подошел к лампе, нагнулся. Борода вспыхнула, огонь опалил мулле не только бороду, но и усы, брови и волосы на голове.

После этого он стал считать себя умным.

Мост в рай

Как-то мулла собрал вокруг себя дехкан и принялся им расхваливать прелести рая. В конце проповеди предупредил:

— Только запомните, мусульмане, — мост, ведущий в рай — тоньше волоска и острее меча!

Один из дехкан заметил:

— Да, это так: мостик, поистине, тонок. Придется вам, мулла-ага, идти в рай одному, а мы попробуем обойтись без муллы.

Клятвой возьмет

В одном ауле жил жадный кази. Однажды, когда среди дехкан зашла тяжба о земле, кази поклялся: эта земля принадлежит ему, и завладел ею. Никто не сомневался, что кази — клятвопреступник, но и доказать этого никто не мог.

Пришло время — и кази умер. Жители аула стали рыть ему могилу и наткнулись на старое погребение, откопали чьи-то кости.

— Ах, какая неудача. Придется рыть новую, — стали сетовать те, кто рыл могилу.

Среди них был один весельчак-заика. Он сказал:

— Ай, не б...б...бойтесь, зарывайте. Кази у этого мертвеца клятвой себе место отнимет.

Разве сама не знаешь?

Сошлись как-то две женщины. Одна у другой спрашивает:

— Скажи, сестричка, почему так получается: муж-

чине дозволено иметь несколько жен, а женщине только одного мужа?

Подружка ей отвечает:

— Вах, разве сама не знаешь?! Мулла — кто? Мужчина. Кази — кто? Мужчина. Вот они и делают, что им вздумается.

У кого ума больше

Однажды поспорили муж с женой. Он говорит: «Мужчина умнее женщины», она — «Нет, женщина умнее». Долго пререкались, наконец, жена махнула рукой.

— Ладно, время покажет, кто умнее.

Жили они в ауле. Муж обрабатывал землю, а жена каждый день носила ему в поле обед.

Однажды она прихватила с собой рыбу и спрятала ее между комьями земли, возле сохи мужа. Покормила затем мужа чаем-чуреком и он принялся за работу. Только начал он пахать и вдруг набрел на рыбу.

— Чудеса да и только, — удивился муж. — Рыба — в земле. Такого и в сказках не встретишь.

Он отдал жене рыбу и велел поджарить к его приходу.

Жена пришла домой, приготовила рыбу, позвала соседку и вместе они сытно пообедали.

Приходит вечером муж, спрашивает:

— Ну, женушка, подавай-ка сюда рыбу!

— О какой рыбе ты говоришь? — удивилась жена.

— Да о той, какую я нашел в земле, когда пахал.

— О, аллах! Что с тобой, муженек, случилось! Я ни о какой рыбе и слышать не слышала!

— Ах, не слышала? Ну сейчас услышишь! — возмущился муж и начал колотить жену.

Та закричала:

— Люди добрые, помогите! Муж мой умом рехнулся, убить меня хочет!

Сбежались сельчане, спрашивают, в чем дело. Пахарь рассказал им все как было. Жена заголосила еще громче:

— Вот видите, он же с ума сошел! Здоровый человек разве говорит такое? Где это было видано, чтобы рыба в земле водилась. Она живет в реках. Вай-ей, неужели алаху показалось слишком роскошным наше существование, надо же было ему еще и лишить моего хозяина разума!

Муж опять набросился на жену с кулаками. Тогда дехкане не выдержали, скрутили пахарю руки и связали его. Когда он утих и все разошлись по домам, жена спрашивает:

— Ну, теперь скажи, у кого ума больше — у мужчины или у женщины?

Муж злится, норовит веревки порвать, а жена только посмеивается...

Проходит день, другой... На третий день муж присмирел, начал упрашивать, чтобы жена освободила его от веревок.

— Дай слово, что ты впредь не будешь упоминать о рыбе! — потребовала жена. Муж согласился. Женщина позвала сельчан, сказала им.

— Люди добрые, мой муж вновь обрел рассудок. Я думаю, что его уже можно развязать.

Развязали пахаря, жена для острастки при всех у него спросила:

— А ну-ка, скажи, давал ты мне рыбу, чтобы я ее пожарила?

— Нет, нет, никакой рыбы я тебе не давал, — ответил муж.

— То-то же... Отныне будешь знать, кто умнее — мужчина или женщина.

Пусть с другой стороны войдет

У Янграсатлыка была гончая собака. Он ходил с ней на охоту, а когда пребывал на покое — гончая лежала у входа в кибитку.

Однажды Янграсатлык заболел и слег. Жители аула стали навещать больного.

Как-то пришел к Янграсатлыку один мулла. Увидев у порога гончую, он попятился назад и запричитал:

— Вах, вах, дом, у порога которого лежит собака, ангелы не посещают...

Янграсатлык услышал эти слова и крикнул из кибитки:

— Эй, мулла! Ангел, наверное, боится моей собаки. Пусть с другой стороны войдет...

Дверь повалил бык

Однажды между собой поспорили бай и бедняк. Бай говорит: «Ты мне должен пять батманов зерна», а бедняк отвечает — «Нет, только два батмана».

Бедняк решил пожаловаться на вероломство бая кази. Пришел к нему. Зная, что кази взяточник, прихватил с собой дверь, которую снял с петель собственного дома. Больше нести ему было нечего.

Кази взял приношение бедняка, пообещал уладить дело. Через несколько дней к кази пришел бай со своей тяжбой и привел судье жирного быка.

Кази и ему пообещал уладить дело.

Прошло какое-то время, и кази вызвал к себе обоих — и бедняка и бая. Богача он взял под защиту, а бедняка стал обвинять.

Бедняк рассердился, напоминает кази:

— Эй, кази, когда говоришь, поглядывай на дверь...

Кази злорадно улыбулся, сказал:

— Дверь уже повалил бык.

Бедняк ничего не понял из сказанного, потому что не знал о подношении бая.

Но как бы то ни было, а с тех пор живет поговорка: «У нашего кази таков нрав: кто даст больше взятку, тот и прав».

Дважды заставила

Жила в одном ауле женщина. Кто бы к ней не заходил, она никогда не упускала случая заставить гостя что-нибудь сделать для нее. Слух о ней дошел до муллы.

— Посмотрю-ка я, как она меня заставит что-то сделать,— ухмыльнулся мулла и направился к этой женщине.

Подошел к кибитке.

Женщина в это время убаюкивала ребенка и, услышав шаги постороннего, крикнула:

— Эй, кто там идет, прихвати, пожалуйста, пеленку, что висит на веревке.

Мулла снял пеленку и вошел в кибитку.

Женщина всполошилась:

— Ох, оказывается это вы — мулла! Простите меня, что я заставила вас принести мне пеленку. Нехорошо получилось. Идите повесьте ее...

Мулла повесил пеленку на веревку и только тут смекнул:

«Бай бо! Дважды заставила...»

Как мулла делил козу

Однажды двое дехкан зарезали козу и попросили муллу разделить между ними мясо поровну. Мулла засучил рукава и начал делить, приговаривая:

Возьму от козы за дележку:
Голову да ножки,
да грудинки немножко.
И еще две части из семи,
Бог велел, мулла, для себя возьми.

К чему приводит жадность

Один жадный мулла учил уму-разуму своего ученика — сопи. «Где бы мы вместе ни были, веди себя прилично. Поменьше ешь сам, отдавай жирные куски мне. То, что съел я, считай, что съел ты. Разницы тут никакой нет. Если я сижу на почетном месте, считай, что это ты сидишь... Ты — это я. Я — это ты...»

Сопи слово в слово выполнял наказания своего учителя, а мулла потихоньку посмеивался над ним.

Однажды в жаркий день мулла и сопи купались в реке. Сопи говорит:

— Мулла-ага, что вы на мели плещетесь? Идите туда, где поглубже, там вода чище.

Мулла последовал совету ученика. Когда он вошел в воду по горло, поскользнулся и стал тонуть.

— Вай, тону! Спаси меня, мой сопи! — закричал он в страхе.

Сопи спокойно вышел на берег и сказал:

— Тоните, ничего страшного нет. Я-то остаюсь на этом свете. Ты — это я, я — это ты...

Через три-четыре года

У одного дехканина сынишка каждую ночь мочил постель. Дехканин пошел к мулле и взял амулет от этой детской болезни. Однако и в следующую ночь

с мальчиком случилось то же самое. Дехканин снова пришел к мулле, сказал:

— Что-то не действует ваш амулет, мулла-ага.

Мулла, как ни в чем не бывало, ответил:

— Сразу он и не будет действовать... Подожди: амулет через три-четыре года болезнь ребенка как рукой снимет.

Вдвоем не блеяли бы

Верующий дехканин, в знак религиозного приношения, привел ишану ягненка. Отнятый от овцы ягненок беспрестанно блеял. Видя это, ишан сказал:

— Бедненький, как он блеет!

Дехканин ответил:

— Да-а, когда я уводил его, овца блеяла еще больше, чуть не порвала привязь.

— Надо было и овцу привести, вдвоем бы они не блеяли,— упрекнул дехканина ишан.

В рай или в ад?

Однажды дехканин спросил у кази:

— Волк после смерти куда попадет, в рай или в ад?

— Конечно в ад,— ответил кази.— А почему ты об этом спрашиваешь?

— Да так просто... Вчера волк съел одного муллу, вот я и хотел узнать, где окажется мулла.

Три попутчика

Трое шли куда-то. Один из них был безбородый. На троих у них — кусок черствого чурека. Безбородый говорит:

— На троих тут и делить нечего. Пусть этот чурек достанется одному из нас.

— Кому же? — полюбопытствовали спутники безбородого.

— Ай, кто увидит ночью лучший сон, тот и насытится.

Уснули.

Утром безбородый спрашивает:

— Ну кто какой видел сон?

Один отвечает:

— Видел я во сне, что был в дивном саду, ел там сочные ароматные плоды и ягоды.

Другой рассказывает:

— Во сне сам пророк пригласил меня в гости и угостил жирным пловом.

— Мне ничего такого не приснилось, — сказал безбородый. — Вижу только — один из вас лакомится плодами, другой — пловом. Тогда я проснулся и съел этот черствый кусок чурека.

Мечта бедняка

В давние времена жил бедняк с женой.

Однажды говорит он жене:

— Есть у меня дивная мечта, давно тебе хочу о ней сказать.

— Ну, ну, — скажи, может быть и сбудется твоя мечта, — отвечает жена.

Бедняк говорит:

— Вон по той дороге всегда проходят байские отары. Решил я посадить на ее обочинах колючий кустар-

ник. Овцы будут оставлять шерсть на колючках, ты потом ее соберешь и соткешь шерстяные портянки. Продашь портянки — купишь шерсти на хурджун. Продашь хурджун — купим шерсти на ковер. Ковер продадим — купим кобылу. Кобыла ожеребится, и будет у нас резвый скакун.

— Я сяду на него и поеду в гости, в отчий дом! — обрадовалась жена.

— Ну, ну! — возразил муж. — Что же это такое получается: я буду ездить на коне, ты будешь ездить на коне — так, пожалуй, он издохнет... Нет уж, коня ты не получишь...

Не растерялись

Шли однажды куда-то туркмен и фарс. Устали в дороге. Но вот, наконец, остановились отдохнуть на берегу реки. Обоих мучила жажда, хотелось пить, но был месяц рамазан — днем запрещалось пить и есть — и ни тот, ни другой не решались нарушить религиозного канона.

Хитрый фарс предлагает:

— Давай нырять — кто больше продержится под водой.

Он нырнул, напился и через некоторое время вынырнул. В то время, как фарс был под водой, туркмен напился с берега.

Вынырнув, фарс воскликнул:

— О, как прохладно! Как ожила душа!

Туркмен подтвердил:

— Что и говорить, — вода хороша!

Подарок

Однажды кази справлял именины. Богач-подхалим, зная, что кази родился в год мыши, преподнес ему щедрый подарок — золотую мышь. Обрадованный кази сказал ему:

— Очень благодарен тебе за подарок. Скоро будет справлять именины моя жена. Она на год моложе меня, и родилась в год коровы.

„Храбрый охотник“

Двое отправились на охоту. Когда они входили в камышовые заросли, один из них сказал:

— Осторожней, здесь могут быть утки...

— Пусть будут. Ты думаешь, я их боюсь? — ответил другой.

Лентяй

— Какой день самый короткий в году? — спросил кто-то.

— Воскресенье, — ответил лентяй, опередив других.

И обо мне говорят

Одна женщина обратилась к заядлому терьякешу:

— Яшули, неужели это правда, что мой муж курит терьяк?

— Вах, красавица, разве можно верить слухам! Люди и обо мне говорят то же самое, — ответил он.

Посмотрите в зеркало

Однажды мулла рассказывал дехканам о чертях и прочей нечистой силе. Один из сидящих спросил у него:

— Мулла-ага, а вы сами видели черта?

— Нет, я рассказываю понаслышке, сам пока не видел.

— Тогда посмотрите туда,— сказал дехканин и указал на зеркало.

Иногда надо слушать и женщину

Пир наставлял своих учеников — сопи:

— Не слушайте женщин, иначе вы совершите грех и не поможет вам ни намаз, ни ураза,— попадете в ад.

Сопи два раза в год делали приношения своему пиру. Вели ему — кто козу, кто — корову, кто приносил серебряные украшения. Ни приведи аллах, если кто-нибудь являлся к нему с пустыми руками. Таких сопи он гнал в шею.

И вот однажды сопи, по имени Хаджи, принес пиру цыпленка. Пир возмутился:

— Что, сопи Хаджи, издеваться надо мной вздумали?

— Нет, что вы! — воскликнул сопи. — Когда я собирался к вам, жена мне сказала: возьми с собой для пира рыжую корову. Я же побоялся взять грех на свою душу, не послушался ее и прихватил этого цыпленка.

— Ай, сопи Хаджи, — пожурил ученика пир, — вы поступили слишком опрометчиво. Иногда надо слушать и женщину...

Мeсть

- Меня твоя собака укусила. Как бы ей отомстить!
— Очень просто. Иди и укуси ее.

Груз-то прежний

Дехканин, взвалив на быка два чувала, наполненных арбузами, поехал на базар. На полпути бык свалился, и сколько дехканин ни попукал, ни колотил его, — он не мог встать. Тогда дехканин начал кормить быка арбузами. Тот наелся, встал и пошел.

— Вот упрямая скотина! — выругался дехканин. — Теперь-то ты пошел, а ведь груз прежний..

Приготовьте то и другое

Была в одном селе скупая женщина.

Однажды к ней пришел гость, и она стала думать, как бы подешевле от него отделаться. Наконец додумалась: «Спрошу у него самого, что ему приготовить, может быть, из скромности, вообще откажется от угощения?»

— Что вам приготовить: плов или жаркое? — спросила она.

— Ай, приготовьте то и другое, не пропадет, — ответил гость.

Грязные уши

У одного человека всегда были грязными уши. Какой-то старик не выдержал, сказал ему:

— Неужели тебе не стыдно показываться с такими ушами на людях?

— Что же мне делать? Других у меня нет,— ответил он.

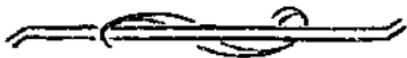
Умные

— Какие люди вам по душе? — спросили Хыровшаха.

— Умные,— ответил он.— Умные, даже если они мне враги. Они никогда не затевают ссору по каждому пустяку.

ЭПЕНДИ

**Пусть те, кто знает,
расскажут тем, кто не знает**

О

дважды Эпенди пришел в мечеть и обратился к присутствующим:

— Эй, мусульмане, знаете ли вы, что я хочу сказать?

— Нет, не знаем,— ответили ему.

— Раз не знаете, незачем мне и говорить! — с этими словами Эпенди покинул мечеть.

На следующий день он снова пришел в мечеть и обратился с тем же вопросом. Ему ответили: «Знаем».

— Ну, если знаете, зачем же я буду говорить,— сказал Эпенди и ушел.

Удивленные его поведением, верующие решили, что если Эпенди еще придет в мечеть, ответить: «Некоторые знают, а некоторые не знают».

Когда в следующий раз Эпенди появился в мечети и задал тот же вопрос, ему ответили:

— Некоторые знают, а некоторые нет.

Эпенди со свойственным ему хладнокровием предложил:

— Пусть тогда те, кто знает, расскажут тем, кто не знает.

И ДЕВЯТЬ ХВАТИТ

Эпенди увидел во сне, что ему дают девять таньга. «Дайте хотя бы десять» — начал спорить он. В это время Эпенди проснулся и, открыв глаза, увидел, что ладонь его пуста. Тогда он поспешно натянул на себя одеяло и протянув руку, сказал: «Ладно, и девять хватит»...

ЭТОМУ-ТО Я И УДИВЛЯЮСЬ

Эпенди залез в чужой огород. Он срывал дыни, арбузы, морковь, репу — все, что понадалось ему под руку и клаал себе в мешок. Вдруг появился хозяин огорода.

— Ты что здесь делаешь? — закричал он.

— Ай, меня случайно забросило сюда ветром, — смущенно ответил Эпенди.

— Ну, а кто же сорвал все это? — спросил огородник, указывая на мешок. Тогда Эпенди сказал:

— Ветер бросал меня из стороны в сторону, я хватался за все, что понадалось мне под руку, и всё это осталось у меня в руках.

— Хорошо, а кто же все это в мешок положил?

— Этому-то я и удивляюсь, — последовал ответ Эпенди.

Если говорят правду...

Наступил месяц уразы. Чтобы правильно сосчитать дни этого месяца, Эпенди решил: «Возьму-ка мешочек и буду каждый день бросать в него по одному котешку, когда наберется тридцать штук, я перестану поститься и справлю праздник». Он нашел мешочек и стал бросать в него по котешку в день. Дочь Эпенди заметила это и однажды бросила в мешочек целую горсть котешков.

Соседи Эпенди спросили его как-то:

— Какое сегодня число?

— Подождите немножко! Я сейчас посмотрю,— ответил он и удалился. Придя в дом, Эпенди сосчитал котешки, их оказалось ровно сто двадцать. «Если я им скажу правду, они сочтут меня ненормальным, лучше назову число поменьше» — решил он.

— Сегодня 45-ое число,— объявил он вернувшись.

— Эпенди, да-ведь в месяце всего тридцать дней! Как же может быть 45-ое число? — спрашивают его.

Тогда Эпенди сказал:

— Ба, это я ещё уменьшил, а если бы вы сами считали сколько котешков в мешке, то узнали бы, что сегодня 120-ое число!

Лестницу можно продавать, где угодно...

Однажды Эпенди по лестнице взобрался на дувал, перетащил лестницу в сад и спустился по ней вниз. Садовник видел всё это. Он тут же подошел к Эпенди и спросил:

— Что ты тут делаешь?

— Продаю лестницу,— не растерялся Эпенди.

— Да разве здесь место для продажи лестницы?

— Ну и глупый же ты человек! Неужели ты до сих

пор не знаешь, что лестницу можно продавать где угодно? — сказал Эпенди.

И в молодости ничем не отличался

Однажды Эпенди хотел сесть на лошадь. Лошадь была высокая и он никак не мог сесть на нее.

— Эх, уж эта старость! — заметил Эпенди.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что никого нет, добавил:

— Допустим и в молодости ты ничем не отличался...

Кто смог родить— и умереть может

Занял однажды Эпенди казан у соседа. Сварил обед, поел, вложил в казан еще один поменьше и вернул его хозяину.

— Что это? — спросил тот, заметив в своем казане еще один.

— Это ваш казан родил, — ответил Эпенди. Обрадовался сосед и забрал себе маленький казан.

Спустя некоторое время Эпенди снова взял казан у того хозяина. Долго ждал тот, когда вернут ему казан. А Эпенди и не думал возвращать его. Хозяин пришел к Эпенди, постучался в дверь.

— Что тебе надо? — спрашивает его Эпенди.

— Верни казан! — говорит сосед.

— Прости, друг, но я должен огорчить тебя. Твой казан умер.

— Разве казан может умереть? — удивился хозяин.

— Ты веришь, что казан рождает, почему же не веришь, что он может умереть? Кто смог родить и умереть может.

Попросил один человек веревку у Эпенди. Эпенди сказал:

— Вережка — занята: женщины развесили на ней муку.

— Разве на веревке развешивают муку? Такого никогда не бывало, — проговорил посетитель.

Тогда Эпенди сказал ему:

— Я и сам знаю, что не развешивают. Но разве непонятно из моего ответа, что я не хочу дать тебе веревку?

Если бы каждый день был праздник

В год неурожая Эпенди прискал в одну деревню. Видит — люди пьют и едят, всего у них вдоволь. Перед Эпенди они также поставили всякие яства.

— Какое же здесь изобилие! А у нас люди умирают с голода, — удивился Эпенди.

Один из аульчан говорит ему на это:

— Эх, Эпенди, куда девался твой разум? Разве ты не знаешь, что значит праздник! Сегодня праздник, и каждый запас для этого что-нибудь из пищи и питья. Поэтому всего вдоволь.

Эпенди подумал немного и сказал:

— Если бы каждый день был праздник, тогда люди не голодали бы.

Дочь беременна

Отправился Эпенди на базар продавать корову. Долго водил он ее по базару, но никак не мог продать. Повстречался с ним его друг и спрашивает:

— Что, Эпенди, продаешь корову?

— С утра хожу, уже надоело, а покупателей все нет,— отвечает Эпенди. Тогда друг стал кричать во все горло:

— Эй, продается прекрасная корова стельная, на шестом месяце!

И тут же нашелся человек, который купил корову. Удивился этому Эпенди, поблагодарил друга и отправился домой.

А дома у него оказались свахи.

— Женщины, зачем затягивать разговор,— сказал он.— Я сообщу вам все в двух словах: девушка породистая, беременна, на шестом месяце...

Не успел Эпенди закончить своих слов как свахи, переглянувшись, выскочили за дверь.

А тебе-то что?

Один человек сказал Эпенди:

— Сегодня в одном доме собираются гости.

— А мне-то что? — ответил Эпенди.

— Нас тоже приглашают туда,— сказал гость.

— Если приглашают, то только меня, а тебе-то что? — проговорил Эпенди.

Мне не веришь, а ослу веришь

Однажды у Эпенди попросили осла.

— Осла нет дома,— ответил Эпенди.

В то время послышался ослиный рев.

— Вы говорили мне, что осла нет дома, а что же это за рев? — спросил сосед.

Тогда Эпенди зло проговорил:

— Ну и глупый же ты человек, мне не веришь, а ослу веришь.

Эпенди и торговец

Каждое утро Эпенди обращался к всевышнему с молитвой: «Господи, пошли мне тысячу золотых, если же будет хоть на один золотой меньше, я не возьму». Услышал об этом сосед-торговец и решил испытать Эпенди. Утром, когда Эпенди молился, торговец залез на крышу и бросил через дымовое отверстие мешочек с 999 золотыми. А сам стал прислушиваться: «Как поступит Эпенди».

— Наконец-то аллах вынул моей молитве,— обрадовался Эпенди и пересчитав золотые, увидел, что их ровно 999.— Видно аллах и мешочек засчитал за один золотой,— немного подумав, проговорил Эпенди и положил золото в карман.

Видя, что дело принимает плохой оборот, торговец обеспокоился и тут же побежал к Эпенди.

— Эпенди, верни мои золотые! — обратился он.

— Послушай, в своем ли ты уме? О каких деньгах ты ведешь речь? Разве ты когда-нибудь давал мне золотые? — ответил Эпенди.

Как ни доказывал сосед, что это он бросил в дымовое отверстие деньги, Эпенди и слушать не хотел. Торговец понял, что дело так просто не решится и предложил обратиться к кази.

— От кази я не бегу, но пешком идти не могу,— заявила Эпенди.

Торговец привел ему осла. Эпенди и на этом не успокоился.

— Я человек известный. Как я покажусь перед кази в таком изношенном чекмене?

Купцу надо было во что бы то ни стало доставить его к кази, и он принес ему новую шубу.

И вот Эпенди и торговец прибыли к кази.

— Что вам нужно? — спросил их кази. Торговец начал:

— Этот человек взял у меня столько-то денег, а теперь отказывается.

— Ну что ты на это скажешь? — обратился кази к Эпенди.

— Спросите у него, тагсыр, давал-ли он эти деньги мне своими руками?

Тогда торговец рассказал все как было. Эпенди улыбнулся и проговорил:

— Тагсыр, этот торговец, мой сосед. Возможно, он слышал как я считал свои деньги, а теперь, как шайтан, хочет обобрать меня. Я даже опасюсь, что он начнет претендовать и на моего осла.

Торговец испугался, что и осла может лишиться и закричал:

— Конечно он мой. Ты не пожелал идти пешком к кази и я дал тебе своего осла.

— Может быть, он скажет, что и эта шуба принадлежит ему? — усмехнулся Эпенди.

— Конечно, и шуба моя.

Тут кази рассердился не на шутку.

— Ах ты негодный! Ты решил отнять все у уважаемого нами человека! Вон отсюда, чтобы глаза мои тебя не видели! — закричал кази и выгнал торговца.

Вернувшись домой, Эпенди позвал торговца и вернул ему его вещи.

Если бы я был в халате

Лунной ночью Эпенди вышел в свой сад и увидел толстяка, стоявшего растопырив руки.

— Неси скорей лук со стрелами! — разбудил Эпенди жену.

Жена тотчас вынесла лук. В гневе прицелился он и выстрелил прямо в этого человека. Стрела попала ему в живот. Довольный Эпенди проговорил:

— Так будет с каждым, кто посмеет шутить с нами.

Затем он вошел в дом, запер покрепче дверь и лег спать. Утром проснулся Эпенди и видит, что стрелял он в собственный халат: жена постирала его и вывесила с вечера в саду. Стрела прорвала халат в самой середине.

При виде этого, Эпенди упал на колени и громким голосом стал молиться:

— Слава тебе господи! Благодарю тебя за милосердие.

Удивленная поведением Эпенди жена спросила:

— Чему ты радуешься и читаешь молитвы, в чем причина?

Тогда Эпеди сказал:

— Глупая женщина, разве ты не видела куда попала стрела? Стрела пронзила пуповину халата. Что было бы со мной, если бы я был в халате?

Когда я был жив, я ходил этой дорогой

Однажды Эпенди залез на дерево и стал рубить сук, на котором сидел. Один из прохожих увидел это и закричал: «Эй, что ты делаешь? Упадешь!» Но Эпенди не придавал значения его словам. Он продолжал рубить сук, пока не полетел вниз.

Не обращая внимания на боль и ушибы, Эпенди бросился догонять того человека.

— Ты настоящий ясновидец, предугадал, что я упаду. Значит ты можешь определить отчего я умру! Скажи мне, когда я умру? — задыхаясь стал он упрашивать человека. Чтобы поскорее избавиться от него, тот сказал первое, что пришло в голову:

— Когда твой осел, нагруженный дровами, будет подниматься на вершину и три раза споткнется, тогда ты умрешь. Споткнется первый раз, из тебя выйдет треть души, споткнется второй, вылетит две трети души, а когда споткнется третий раз, ты совсем умрешь.

Когда осел взбирался по круче и споткнулся первый раз, Эпенди проговорил: «Ох, тело начало холодеть!» Споткнулся второй раз: «Смерть приближается», — закричал он, а споткнулся третий раз, Эпенди упал с осла со словами: «Все, я умер».

Увидев лежащего на земле бледного Эпенди, вокруг стали собираться дехкане. Из соседней деревни быстро принесли гроб, положили в него Эпенди и понесли в город. По пути им повстречалось болотистое место. Дорога в этом месте разветвлялась на три части. Не зная по которой из них идти, они стали советоваться между собой. Тогда Эпенди поднял из гроба голову и сказал:

— Когда я был жив, я ходил этой дорогой. А вы, как знаете...

„Чудо“ молитвы

Проснулся как-то ночью Эпенди и услышал, что по крыше ходит вор. Эпенди сказал жене, стараясь чтобы было слышно вору:

— Вчера ночью я вернулся домой и долго стучал в дверь, но ты не слышала. Тогда я залез на крышу, прочел вот эту молитву и, ухватившись за луч луны, спустился вниз.

Вор, слышавший через дымовое отверстие слова Эпенди, слово в слово запомнил молитву и быстро прочел ее. Потом он обеими руками ухватился за луч луны и хотел тихо спуститься в комнату, но с грохотом свалился в дымовое отверстие. Эпенди подскочил к перепуганному насмерть вору и схватив его за горло, закричал:

— Жена, неси скорее свечу! Я поймал вора.

Вор беспомощно простонал:

— Сжался, не спеш! Твоя молитва просто чудо, а у меня совсем пустая голова, поэтому мне нелегко будет вырваться от тебя.

Левая нога осталась без омовения

Эпенди совершал омовение, но на одну ногу ему воды не хватило. Тогда он встал на одной ноге и стал читать молитву.

— Эпенди, что за положение? — спросили его.

— Левая нога осталась без омовения, — последовал его ответ.

Если развяжется этот, побежит быстрее того

Однажды у Эпенди развязался телянок и убежал. Схватил Эпенди хворостинку и стал хлестать другого, привязанного телянка.

— Зачем ты бьешь его? — спросили у Эпенди.

— Если развяжется этот, побежит быстрее того, — ответил он.

Эпенди и нищий

Однажды кто-то постучался в дверь Эпенди.

— Чего надо? — крикнул хозяин сверху.

— Спустись вниз! — послышался жалобный голос.

Эпенди спустился вниз и, подойдя к двери, увидел нищего.

— Подайте что-нибудь, — попросил он.

Эпенди рассердился на него, но не показал вида.

— Поднимись вверх! — сказал он. Когда бедняга нищий поднялся вверх и вошел в комнату, Эпенди сказал ему:

— Видит бог, мне нечего подать тебе.

— Что же это, если ты собирался проводить меня

с пустыми руками, почему ты не сказал внизу? — в удивлении спросил его нищий.

— А ты почему ничего не сказал мне, когда я сидел наверху, а заставил меня спуститься вниз? — ответил ему Эпенди.

**На одной половине
ты посеял хлопок,
на другой половине
я посею хлеб**

Однажды Эпенди брил голову у неопытного цирюльника. Каждый раз, поводя бритвой, цирюльник порезал кожу и прикладывал вату. Наконец Эпенди не выдержал и собрался уходить.

— Эпенди, половина головы еще не выбрита, — сказал цирюльник.

Тогда Эпенди ответил:

— На одной половине ты посеял хлопок, на другой половине я посею хлеб.

Я еще молодой соловей

Однажды Эпенди забрался в чужой сад и взобрался на дерево, стал есть урюк. Пришел хозяин и говорит:

— Что ты делаешь на дереве?

— Я соловей и пою на дереве, — ответил Эпенди.

— Ну, если так, то спой, послушаем, — проговорил хозяин сада.

Эпенди запел. Хозяин сада улыбнулся и спросил:

— Разве соловей так поет?

Тогда Эпенди ответил:

— Я еще молодой, неопытный соловей, лучше петь не умею.

Как воры обманули Эпенди

У Эпенди издох осел.

— Трудно нам будет без осла. Вот тебе шестьдесят золотых, поезжай на базар и купи другого,— сказала жена.

Эпенди купил осла и повел его к себе домой. Увидели два вора, что Эпенди ведет осла. Один из них освободил осла, надел себе на голову уздечку и пошел следом за Эпенди. Второй же повел осла на базар продавать. По дороге Эпенди оглянулся назад и видит, что вместо осла ведет на поводу человека.

— Что за чудо! Эй, кто — ты, — спросил его с удивлением Эпенди.

Шмыгнув носом и сделав кислое лицо, вор ответил жалобным голосом:

— Однажды я сильно напроказничал и обидел мать. Мать прокляла меня: «Чтоб ты стал ослом!» И я тотчас превратился в осла. Потом меня отвели на базар и вы купили меня. Теперь с вашей легкой руки я вновь сделался человеком.

— Ну если аллах простил тебя, ты свободен, только смотри не вызывай больше проклятий матери, — посоветовал Эпенди и отпустил его.

На следующий день Эпенди снова пошел на базар покупать осла и увидел торговца, который продавал того самого осла. Тогда Эпенди нагнулся к уху осла и сказал:

— Ах ты негодник! Не послушался меня и снова напроказничал, прогневил матушку. А ну, идем со мной, теперь я тебя не отпущу.

Спрятался от стыда

Однажды в дом Эпенди залез вор. Все обшарил вор, но ничего не нашел, что можно было украсть. «Может быть в этом сундуке есть что-нибудь» — подумал вор. Он открыл крышку сундука и увидел сидящего там Эпенди.

— Ты здесь? — проговорил испуганный вор.

— Мне стало стыдно, что в нашем доме тебе нечего украсть, и я спрятался от стыда в сундук, — ответил Эпенди.

В доме темно, поэтому поищу на улице

Эпенди потерял у себя дома кольцо. Он не смог найти его дома и стал искать на улице. Сосед спросил его, что он ищет и, узнав, что Эпенди потерял кольцо в доме, сказал:

— Эпенди, почему же ты не ищешь кольцо в доме?

Тогда Эпенди ответил:

— В доме темно, и поэтому я ищу его на улице.

Ты ведь не дал мне времени

Будучи еще подростком, Эпенди забрался на бахчи к одному человеку и стал там рвать дыни. Увидел его сторож и закричал издали:

— Эй, что ты делаешь? Убирайся с бахчи!

— Мне нужно справить нужду, — ответил Эпенди. Сторож подошел к нему и сказал:

— А ну, посмотри, что ты делаешь. — Рядом с Эпенди был свежий коровий помет, и он указал на него. — Это ведь коровий помет, — сказал сторож.

— Но ты ведь не дал мне времени по-человечески сходить... — последовал ответ.

Как Эпенди наказал нечестного кази

Эпенди кто-то ударил по затылку. Когда Эпенди обернулся, человек сказал:

— Простите, я принял вас за одного своего близкого друга.

Но Эпенди схватил его и привел к кази.

— Он ударил меня,— заявил Эпенди.

Этот человек был приятелем кази. Кази подозвал ответчика и, обращаясь к Эпенди, сказал:

— Ударь его один раз, и вы будете в расчете.

Эпенди не согласился.

— Ну раз ты не согласен ударить его, то я накладываю на него штраф, одну таньга в твою пользу,— сказал кази и, повернувшись к ответчику, добавил:

— Иди скорей и припеси таньгу, надо расплатиться за удар.

Так кази дал возможность сбежать виновному.

Эпенди ждал его несколько часов, затем не выдержав и изо всей силы ударил кази по уху.

— У меня нет больше времени ждать таньгу, которую ты присудил мне, можешь получить сам! — сказал Эпенди и пошел по своим делам.

Что же могло вылететь из головы?

Однажды Эпенди сообщили:

— Твоя жена упала, у нее вылетел рассудок из головы.

Эпенди задумался.

— О чем ты думаешь теперь? — спросили его.

Эпенди ответил:

— У моей жены с самого рождения не было ума, что же могло вылететь у нее из головы? Вот об этом я и думаю сейчас.

Попробуй, какой должна быть настоящая вода

Эпенди гулял на берегу моря и напился соленой воды. От соленой воды не только не утихла жажда, но и еще больше пересохло в горле и затопило. Он прошел немного вперед и нашел нормальную воду. Напившись досыта, Эпенди набрал воды в тубетейку и вылил ее в море.

— Не пенься и не бурли, не кичись перед людьми, попробуй, какой должна быть настоящая вода,— сказал он.

Только не быть внутри

Однажды Эпенди спросили:

— Молла-ага, когда труп несут хоронить на кладбище, где лучше идти — впереди или сзади гроба?

— Только не внутри,— ответил Эпенди.

Сам сообщил

Однажды Эпенди сильно испугался, упал и решил, что умер. Долго лежал он, но никто его не поднял. Наконец Эпенди проголодался, пришел к себе домой, рассказал жене, где и как он умер. Потом он вернулся к месту, где скончался, и лег как прежде.

Жена начала кричать, рвать на себе волосы, сообщила соседям:

— Муж неожиданно скончался и лежит сейчас в поле.

Опечаленные женщины стали спрашивать ее:

— Когда и где он умер, кто сообщил о его смерти?

Тогда жена Эпенди сказала:

— Ах, кто может быть рядом с бедным Эпенди? Он сам умер и сам сообщил о своей смерти.

Потом она побежала к месту, где лежал ее муж.

Эпенди и Тимур в бане

Однажды Эпенди пошел с Тимуром в баню.

— Сколько бы я стоил, если бы был простым человеком? — спросил Тимур у Эпенди.

— Пятьдесят таньга, — не задумываясь, ответил Эпенди.

— Эй, глупец! Что ты мелешь? Ведь одна одежда на моих плечах стоит пятьдесят таньга! — в гневе закричал на него Тимур. А Эпенди как ни в чем не быва-проговорил:

— По правде говоря, я и оценивал только твою одежду.

Щедрость Эпенди

Один из друзей попросил у Эпенди денег взаймы на короткий срок.

— Нет, денег я тебе не могу дать, но зато, как другу, я тебе дам срок, какой ты пожелаешь, — заявил Эпенди.

Эпенди не хочет писать письмо в Багдад

К Эпенди пришел один из его друзей и говорит:

— Я хочу послать письмо другу в Багдад, напиши мне письмо!

— Да брось ты, сейчас у меня нет времени идти

в Багдад,— ответил ему Эпенди и вышел из дому. Проситель удивился поведению Эпенди и догнав его, сказал:

— Эй, Эпенди, разве для того чтобы написать письмо, надо идти в Багдад?

— Ну что тут непонятного? У меня очень плохой почерк, его никто не разберет. Поэтому я должен сам прочитать письмо, иначе содержание письма останется неизвестным,— ответил Эпенди.

Черенки винограда

Эпенди сажал черенки винограда. Увидел это друг и говорит:

— Когда же они вырастут и когда дадут урожай? Не скоро ты отведаешь их плодов.

Тогда Эпенди ответил:

— Мы тоже не сажали деревья, плоды которых едим, они посажены людьми, жившими раньше нас. Пусть и наши потомки едят плоды моих саженцев.

У настоящего человека слово должно быть твердым

— Сколько тебе лет? — спросили у Эпенди.

— Сорок,— ответил он.

Прошло после этого десять лет и ему вновь задали тот же вопрос.

— Мне сорок лет,— снова ответил Эпенди.

Ему напомнили, что десять лет назад ему было сорок лет и теперь он повторяет ту же цифру.

— У настоящего человека слово должно быть твердым: сказал сорок, сорок и будет,— заявил Эпенди.

Эпенди убегает от своего амбала

Эпенди взвалил вещи, купленные на базаре, на амбала и пошел рядом с ним. Но по дороге он потерял его из виду и не мог никак найти.

Десять дней спустя Эпенди шел со своими друзьями, один из них сказал:

— Смотри, вон идет амбал, которого ты искал.

Увидев амбала, Эпенди спрятался, чтобы быть незамеченным.

Когда друзья встретились вновь, один из них спросил у Эпенди:

— Почему ты сбежал от амбала вместо того, чтобы поймать его?

Тогда Эпенди ответил:

— Как же мне не бежать от него? Прошло уже десять дней, как я потерял амбала. А чтобы я делал, если бы амбал поймал меня и сказал: «Эпенди, я десять дней иду на себе твой груз, теперь плати мне за это!»

Лучше понимают цену

Что бы ни повросили у Эпенди, он давал эту вещь на другой день. Когда его спросили, почему он так делает, Эпенди ответил:

— Я делаю так, чтобы лучше понимали цену вещи, которую я даю.

Почему Эпенди любил деньги

Один сусец спросил у Эпенди:

— Ты любишь деньги?

— Да, люблю,— ответил Эпенди,— потому что деньги делают человека независимым от бессовестных скряг.

Как Эпенди научил своего осла соблюдать пост

В ту зиму Эпенди жил особенно плохо. «Что, если я немного уменьшу корм ослу?» — подумал он и начал давать ему корма меньше прежнего. Смотрит, а осел такой же бодрый как раньше. Через некоторое время он снова уменьшил корм. Осел — бодр по-прежнему. Правда, осел стал тихим, но вел себя вполне нормально. Через месяц, когда Эпенди стал давать ослу еще меньше, тот совсем загрустил, стал подолгу лежать, а потом и вовсе перестал есть солому.

Однажды Эпенди вошел в сарай и видит, что осел подох. Тогда Эпенди сказал:

— Эх, уже почти приучил осла соблюдать пост, жаль смерть помешала.

Как Эпенди сажал деревья

Эпенди днем сажал деревья, а вечером выдерживал их и уносил домой.

— Что ты делаешь? — спросили его.

— Ах, милые, настали плохие времена, всякое может быть, поэтому каждый должен держать свои вещи при себе,— объяснил Эпенди.

Видно, и оджак боится моей жены

Однажды Эпенди решил разжечь огонь в оджаке, но это ему никак не удавалось. Тогда он поднялся, надел на голову борык своей жены и снова принялся дуть на оджак.

Очень скоро вспыхнул огонь. Эпенди немного удивился этому и подумал: «Видно, и оджак боится моей жены».

Кто продает запах обеда, тот получает звон монет

Один бедняк, мечтавший лишь досыта наесться сухого хлеба, проходил мимо харчевни. Видит сковородка шипит и от нее исходит приятный аромат. Он тотчас же подсел к сковородке.

Отщипывая кусочки хлеба, он держал их над сковородкой и когда они насыщались паром, отправлял их в рот. Хозяин харчевни сначала наблюдал за ним, но как только бедняк поел, схватил его за шиворот и потребовал плату за обед.

— Я не съел у тебя и крошки хлеба, — ответил бедняк и отказался платить.

В то время судьей в городе был Эпенди. Хозяин харчевни повел бедняка к нему. Эпенди выслушал обе стороны внимательно, затем вынул из кармана две монеты и подозвал хозяина харчевни поближе к себе.

— Нагнись поближе, — сказал он и стал позванивать монетами.

— Получай, — сказал ему Эпенди.

— Что это? — удивился хозяин харчевни.

— Кто продает запах обеда, тот получает звон монет, — ответил Эпенди.

Как Эпенди усыпил ребенка

Однажды жена Эпенди сказала:

— Эпенди! Не знаю, что случилось с нашим ребенком. Как я ни успокаиваю его, он все равно плачет. Может быть ты напишешь молитву и прочтешь ее, чтобы он уснул.

Эпенди снял с полки книгу.

— Возьми вот эту книгу, — сказал он.

— А какой от нее толк? — спросила жена.

Эпенди ответил:

— Каждый раз, когда я читаю ее в мечети, все мои ученики засыпают и даже храпят и бормочут во сне. Уж если эта книга на взрослых оказывает такое действие, то наш младенец непременно уснет.

Эпенди не может приготовить халву

Однажды зашла речь о приготовлении халвы.

— Вот уже несколько лет я пытаюсь приготовить халву, но до сих пор ничего не получается, — включился в разговор Эпенди. — Когда у меня была мука, не было масла, а если было масло, то не было муки.

— Неужели за такое время ты не мог достать и масла и муки! — спросили его.

— Когда были и масло и мука, то меня самого не было, — ответил Эпенди.

Разве поместятся четыре человека?

Эпенди женился на вдове. Лежат они вдвоем ночью жена стала расхваливать первого мужа. Эпенди тотчас

начал хвалить свою прежнюю жену. Наконец он разозлился, пнул ногой жену и свалил ее с тахты.

Жена пожаловалась на него кази. Когда кази спросил Эпенди о причине его поступка, он сказал:

— Разве могут на одной тахте поместиться четыре человека? Было тесно, вот она и упала.

— Как это четверо людей? — спросил кази.

Тогда Эпенди сказал:

— Четыре человека — это я, моя прежняя жена, настоящая жена и ее прежний муж.

Эпенди тоже двуличный кази

Когда Эпенди был кази, к нему пришел один незнакомец и обратился с жалобой:

— На поле паслись коровы, а одна из них, пятнистая, кажется ваша, распорола брюхо нашей корове. Какую меру наказания можно применить в этом случае?

— Хозяин здесь ни при чем. А с животного не спросишь за пролитую кровь, — ответил Эпенди.

— Ах, я ошибся, наоборот, моя корова распорола брюхо вашей корове, — поправился пришелец. Тогда Эпенди заявил:

— Ну это совсем другой разговор. А ну-ка, подай мне скорей вон ту книгу в черной обложке.

Ты ведь и сосвадьбы возвращаешься такой...

Однажды Эпенди вернулся домой очень усталым, но, как всегда, радостным и веселым. Жена, как обычно, встретила его с хмурым лицом.

— Ну, что случилось, красавица с кислым лицом? Я работаю для тебя до позднего вечера. А ты как встречаешь меня! — обратился он к жене.

— Да, я действительно, расстроена. У моей подруги умер ребенок, я ходила успокаивать ее и вот только что вернулась. Теперь ты понял почему у меня хмурое лицо? — ответила жена.

Тогда Эпенди заметил:

— Но ведь ты и со свадьбы возвращаешься точно такой...

Один ответ на сорок вопросов

Однажды в город приехал известный философ, любитель поспорить.

— Кто у вас самый образованный человек? — обратился он к местным жителям. Ему указали на Эпенди. Философ заявил:

— Эпенди, у меня есть сорок вопросов к тебе, но ты должен дать на них один ответ, разъяснив все, что мне непонятно.

— Ну что ж, говори, — спокойно сказал Эпенди. Внимательно выслушав все вопросы, он ответил:

— Не знаю.

Так он победил своего соперника одним ответом.

Эпенди и медведь

Однажды Эпенди шел через горы и увидел невдалеке огромного медведя. Не раздумывая, Эпенди кинулся в лес и вскарабкался на большое грушевое дерево. Медведь спокойно подошел к дереву, обнюхал его и полез вверх по сучьям, за грушами.

Ночь была лунная, и Эпенди хорошо видел, как медведь срывал одну за другой груши, и отправлял их в пасть. Лакомясь перезрелыми плодами, зверь забирался все выше и выше, и Эпенди, пятясь от него, очутился на самой верхушке.

Эпенди охватил страх. Он задрожал, как при страшном приступе лихорадки. Еще бы! Стоило медведю протянуть вверх лапу и он бы наткнулся на Эпенди.

Между тем медведь утолил голод и стал есть груши хе подряд, а на выбор — какие получше. Он поднимал каждый сорванный им плод над головой и разглядывал его при лунном свете. Получилось так, что одну из груш медведь поднес прямо ко рту Эпенди. Тот решил, что зверь угощает его и испуганно заорал:

— Спасибо, тагсыр! Спасибо, тагсыр! Я не ем груш!

Медведь, ошарашенный неожиданным криком, рывкнул и, ломая сучья, полетел вниз.

Утром Эпенди спустился по стволу и, прежде чем ступить на землю, потрогал носком чарыка медвежьей тушу. Убедившись, что зверь мертв, Эпенди сказал «бисмилла», вынул нож и стал сдирать с медведя шкуру.

За этим занятием его застали дехкане, ехавшие на базар, в город.

— Вах, эй,— стали они причмокивать языками, увидев, какого громадного медведя убил Эпенди.— Такому попадешься в лапы, костей не соберешь!

Эпенди, как ни в чем не бывало, поднял глаза и пренебрежительно сказал:

— Ай, развелось тут этих медведей. Если их не убивать, они все груши на деревьях поедят, голодом людей заморят...

И плутовски усмехнулся в бороду.

Принеси-ка, сынок, шкуру...

У Эпенди был курчавый игривый ягненок. Эпенди любил своего баловня и кормил так, что тот никогда не блеял от голода.

Прошло время, и ягненок превратился в жирного барашка. Тогда соседи стали донимать Эпенди: «Зарезал бы ты своего барана, ишь как он разжирел. Заодно

и мы бы с тобой отведали мясца». Эпенди шутливо отвечал: «Что вы, ребята! Разве можно такого красавца под нож ложить. И не приставайте лучше».

Убедившись, что Эпенди не уговорить, один из соседей ночью увел барана и прирезал его. Вор следа не оставил, но у вора был язык, и Эпенди со временем узнал имя похитителя от земляков-дехкан. Ничего не сказал ему Эпенди, только усмехнулся своим мыслям.

Через неделю у того самого соседа пропала коза. Жаден он был необыкновенно. Мало того, что целый месяц оплакивал пропажу, да еще и всю зиму расхваливал козу: «Ах, какая она была жирная. Ах, сколько на ней было шерсти...»

Тот, кто даже никогда не видел эту козу, поневоле стал думать: какая должно быть особенная была пропавшая коза.

Однажды у Эпенди собрались гости. Среди них оказался и тот, у кого похитили козу. Выбрав удобный момент, он снова стал расхваливать ее:

— Клянусь аллахом, в росте она не уступала инеру, а шерсти на ней было не меньше шести фунтов.

Коза, как и большинство коз, была черная. Но и здесь слукавил сосед.

— А знали бы вы, какая белоснежная шерсть была у козы. А нежная шерсть — нежнее лебяжьего пуха!

Эпенди терпеливо слушал лжеца, но наконец терпение его лопнуло. Он позвал сына и сказал ему:

— Видел на свете врунов, но такого встречаю впервые! Иди-ка в сарай, принеси шкуру этой самой козы. Пусть гости узнают: черная она была или белая, величиной с верблюда или с кошку. Пусть врун устыдится, а мы раз и навсегда избавимся от его небылиц о козе.

Теперь мне не мешайте

Как-то Эпенди решил построить себе дом. Пришли к нему друзья, стали советовать, как его лучше построить. Один говорит делай так, другой — «нет не так, а

этак». Третий настаивает: «Если ты не последуешь моему совету, я тебя силком заставлю».

— Ладно, — сказал Эпенди. — Будет по-вашему. Никого не обижу.

И он выстроил дом и пригласил своих друзей посмотреть.

Собрались они, морщатся.

— Нравится? — спросил Эпенди.

— Нет, не нравится.

— Как же так! Ведь я учел совет каждого. Каждый из вас найдет в постройке то, что он предлагал.

Друзья соглашаются: да, это так, но дом все-таки хорошим не получился. Тогда Эпенди сказал им:

— Теперь я посоветуюсь с самим собой, а вы не мешайте мне. Лучше разберите постройку, чтобы советы ваши людям в глаза не бросались.

Он сделает то, что сказал

Приехал Эпенди в город. Познакомился с одним из горожан. Тот приглашает:

— Эпенди, ты мне нравишься. Давай пойдем ко мне, посидим, поговорим, угощу тебя хлебом-солью.

Пришли. Хозяин расстелил сачак и действительно положил перед Эпенди только кусок хлеба и щепотку соли.

В это время у дверей появился нищий, стал просить милостыню.

Жадный хозяин высунулся из окна, закричал:

— А ну, проваливай, проваливай! А то выйду, наломаю бока.

Нищий сделал вид, что не слышит, и продолжал просить.

Эпенди выглянул в окно, тоже крикнул ему:

— Эй, ты! Не думай, что этот хозяин, как все другие. Он шутить не станет. Он верен своему слову.
* Сделает то, что сказал!

Кто старше?

Когда Эпенди был маленьким и его кто-то спросил: «Кто из вас старше, — ты или твой брат?», Эпенди ответил:

— В прошлом году мать сказала, что брат на год старше меня. Так что теперь мы ровесники.

Если хотят, то пусть сами уходят

По какому-то делу баи пожаловались казию на Эпенди. Тот вызвал Эпенди, сказал:

— Баи не влюбились тебя. Придется тебе куда-нибудь переселиться.

— Это я не влюбил их! — ответил Эпенди. — Пусть уходят, куда хотят, хоть в преисподнюю. Их много, они могут поставить свой аул где угодно. А я стар и одинок. Мне некуда податься.

Назидание Эпенди дочери

Дочь Эпенди сосватал человек из соседнего аула. Сваты и свахи посадили невесту на верблюда и двинулись в путь. Эпенди долго смотрел вслед каравану, потом вскрикнул и пустился вдогонку. Часа через полтора, вспотев и запыхавшись, он догнал караван. Растволкав женщин, Эпенди протиснулся к дочери и сказал:

— Чуть не забыл, дочь моя. Когда будешь шить, не забудь завязать в узелок конец нитки, а то нитка выскочит из ушка и иголка останется без нитки.

Потом будет поздно

Как-то Эпенди, посылая дочь за водой, дал ей дватри подзатыльника и стал кричать:

— Смотри не разбей кувшин, негодница!..

Дочь заплакала.

Люди, видевшие как поступил Эпенди с дочерью, сказали ему:

— Зачем вы обидели девочку, Эпенди? Она же не разбила кувшина.

— Она получила свое заблаговременно,— ответил Эпенди.— Когда разобьет кувшин, наказывать будет поздно.

Кроме меня некому

У Эпенди заболела жена. Вечером, вернувшись с работы, он сел у изголовья больной и начал ее оплакивать.

Соседка, услышав плач, прибежала в дом Эпенди. Увидев, что пока ничего страшного не случилось, стала успокаивать Эпенди:

— Успокойтесь, хозяин. Бог даст — выздоровеет.

Эпенди покачал головой.

— Я — человек очень занятый. Завтра уеду в соседний аул или еще куда-нибудь. Лучше поплачу сейчас, пока не занят. Потом, может быть, не выкрою время. А ведь кроме меня эту несчастную никто и оплакивать не станет.

Из любви

У Эпенди родился сын. Собрались женщины, говорят:

— Эпенди, ваше право дать сыну имя.

Эпенди склонился над ребенком и прокричал ему в ухо слова: — «Эй, Майся, я — Эпенди!»

— Что за выходка! Разве можно шутить в таких случаях?! — возмутились женщины. — Нареки ребенка подходящим именем.

— Я и дал ему подходящее имя, — ответил Эпенди.

— Но у тебя родился сын, а не дочь, разве тебе об этом не сообщили?

— Знаю, что сын, — спокойно ответил Эпенди. — Ничего зазорного в своем поступке не вижу. По правде сказать, я ведь очень люблю свою жену. И если она умрет, а я буду называть сына этим именем, то волей-неволей буду вспоминать и жену.

Сила терьяка

Эпенди не раз слышал от знакомых о необыкновенных свойствах терьяка, но сам побаивался его употреблять.

И вот однажды, направляясь в баню, Эпенди решил: «Ай, проглочу соринку этого снадобья, что будет, то и будет». Он зашел к лавочнику, купил немножко терьяку, принял дозволенную человеческому организму дозу и пошел. В бане, обливаясь горячей водой, Эпенди беспрестанно возмущался: «Что за нелепицу плетут люди о терьяке. Никаких свойств его я не ощущаю, даже голова не кружится!»

— Ха! — наконец догадался Эпенди. — Лавочник просто-напросто обманул меня, дал не то, что надо. Ну, погоди же, ишачий сын, я тебя проучу!

С этими словами Эпенди вышел из бани и заспешил к лавочнику. Подойдя к торговцу, он с издевкой спросил:

— Так в чем же свойства твоего терьяка, почтенный?

Лавочник невозмутимо ответил:

— Хотя бы в том, что ты стоишь передо мной совершенно голый, в чем мать родила...

Один горожанин получил от кого-то письмо на фарсидском языке. Встретив Эпенди, он попросил прочесть письмо. Эпенди взял исписанный листок, но увидев, что он пестрит незнакомыми буквами, тотчас возвратил его обратно.

— Попроси, пусть прочтает кто-нибудь другой,— сказал Эпенди.— Для меня эта грамота непонятна.

Владелец письма рассердился:

— Тоже мне, грамотный. Фарсидского языка не знаешь, а называешься муллою! Обкрутил свою голову чалмой — ни дать ни взять — жернов мельничный. Хоть бы не важничал... И халат на тебе как у настоящего муллы. Тьфу!

Эпенди усмехнулся:

— Если все дело в чалме и халате, то надень их и прочти хотя бы одну строчку...

Музыку услышишь завтра

Однажды Эпенди со своим учеником-сопи шли домой. Издали Эпенди увидел: возле двери толпятся воры, взламывают замок. Эпенди подумал, что не стоит устраивать шума, все равно рядом никого нет, никто не поможет. Остановившись, он стал наблюдать за ворами.

Сопи, не поняв, для чего люди собрались в темноте у дверей дома Эпенди, почему озираются и торопливо переговариваются между собой, спросил у Эпенди:

— Молла Эпенди, что они там делают?

— На дутаре играют. Разве не видишь? — недовольно ответил Эпенди.

— А почему же музыки не слышно?

— Музыку услышишь завтра...

Три выстрела Эпенди

Весной Тимур вывел своих аскеров в поле и приказал им поупражняться в стрельбе из лука. Хромоногий владыка взял с собой на эти стрельбы и Эпенди. Когда они шли, беседа о том, о сем, Эпенди похвастался:

— Эх, видели бы вы, как я стрелял в молодости!

— Если ты неплохо стрелял в молодости, то и теперь твоя стрела достигнет цели,— заметил Тимур и подал Эпенди лук и три стрелы.

Эпенди тут же проклял себя за излишнее хвастовство, но ему ничего не оставалось делать, как взять стрелы и выпустить их по мишени. «Если не попаду,— подумал он,— то Тимур, пожалуй, не простит мне хвастовства. Как же быть?» И Эпенди прибег к хитрости.

— Вот так стреляет предводитель вражеского войска,— сказал Эпенди и выпустил из лука первую стрелу. Стрела не попала в цель.

Тимур улыбнулся удачной шутке.

— Вот так стреляет городской голова,— сказал Эпенди и выпустил вторую стрелу. Стрела опять прошла мимо цели.

Тимур нахмурился. Эпенди в растерянности выпустил третью стрелу, забыв препроводить ее шуткой. Третья стрела случайно попала в цель. Эпенди облегченно вздохнул и сказал:

— А так стреляет Эпенди...

Вот жилье твоего дяди

Однажды, войдя в свой дом, Эпенди застал там незнакомца.

— Кто ты? — спросил Эпенди.

— Я — племянник бога,— ответил тот.

Эпенди тихонько взял его под руку, привел в мечеть и сказал:

— Если ты племянник бога, то вот жилье твоего дяди...

Как я тебе помогу?

Будучи ребенком Эпенди приехал из аула в город. Увидев на минарете азанчи, кричащего что-то, Эпенди подумал: «Забрался на такую высоту, а теперь слезть не может — и кричит...» Эпенди задрал вверх голову и что было сил крикнул:

— Дяденька, как же я тебе помогу?! На этом дереве нет ни веток, ни сучьев!

По экономическим вопросам

Эпенди пригласили на той. Эпенди надел новые калоши и пошел. У входа в дом он увидел там и сям оставленную гостями обувь, и никто ее не караулит. Эпенди снял калоши, завернул их в платок и сунул под мышку.

В комнате было много гостей, и Эпенди указали место, где ему сесть. Эпенди, не вынимая свертка из-под мышки, опустился на ковер. Рядом сидевший человек спросил у Эпенди:

— Наверно, это у вас редчайшая книга?

— Да, конечно, — ответил Эпенди.

— Не секрет, что за книга и по какой отрасли науки?

— Ай, по экономическим вопросам...

— О, вы наверно, купили ее у антиквара?

— Нет... Я ее кушил в сапожном ряду.

Складчина

Однажды Эпенди выехал со своими друзьями за аул, покутить как следует. Сады там вокруг, лужайки, птицы поют — благодать, лучшего и не придумаешь.

Друзья повеселились, съели и выпили все, что с собой захватили, пора возвращаться домой. Тогда один из друзей говорит:

— По-моему, нам надо продолжить наше веселье. Я привезу пирожки и рис и еще что-нибудь.

Другие с удовольствием согласились остаться, и тоже пообещали привезти: кто — барашка, кто — фрукты, кто — халву... Очередь дошла до Эпенди. Все ждали, что скажет он.

Эпенди сказал:

— Если наше веселье будет тянуться три месяца подряд, и если я уйду отсюда живым, то беру на себя проклятия бога, пророка и ангелов...

Для всех сразу

Однажды Эпенди объявил, чтобы все люди села собрались возле его дома. Когда появился народ у двора Эпенди, он вышел в новом халате и сказал:

— Этот халат я купил за девять таньга!

Собравшиеся начали возмущаться.

— Ну купил, и носи на здоровье. Зачем же тебе понадобилось собирать весь народ?!

Эпенди ответил:

— Дорогие мои, я стар, — и устану отвечать каждому в отдельности, сколько стоит этот новый халат из хивинского шелка, на верблюжьей шерсти, шитый нитками и блестящей русской иголкой... Аминь.

Тимур, проверяя отчетность городского головы, придрался к нему и обвинил его в присвоении налоговых сборов. Тимур разодрал в клочья книгу учета и заставил городского голову съесть ее. Затем Тимур вызвал к себе Эпенди и приказал заняться ему налоговыми сборами.

Отказаться от доверия повелителя вселенной — значит накликать на свою голову беду. И Эпенди приступил к новым обязанностям.

В начале следующего месяца Тимур вновь вызвал Эпенди и потребовал налоговый отчет.

Вместо книги Эпенди подал краюху чурека, на которой были записаны цифры.

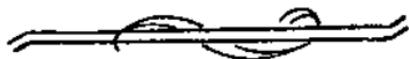
— Что за выходка? — злорадно улыбаясь, спросил Тимур.

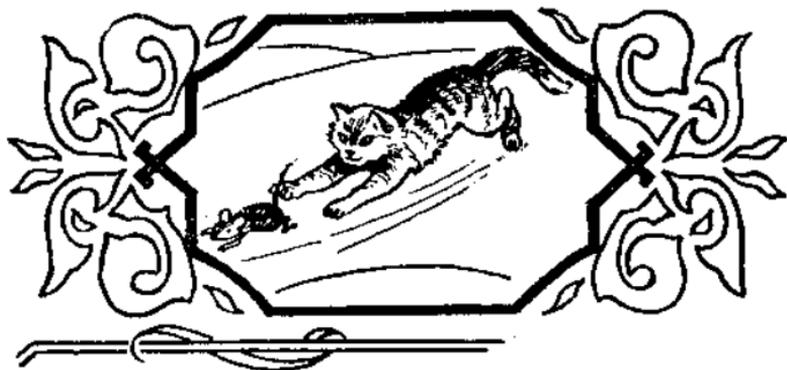
Эпенди смиренно молвил:

— О повелитель! Ваш покорный слуга ведет учет на этой краюхе чурека, потому что желудок вашего покорного слуги слабый и вряд ли сможет переварить книгу...

СОВРЕМЕННЫЙ ЮМОР

О БО ВСЕМ

ЭТО ЗАВИСИТ ОТ КОШЕК

- Сколько живут мыши? — спросил учитель.
- Это зависит от кошек, — ответила ученик.

Где у вас болит?

Больного навестил врач.

- Где у вас болит? — спросил он.
- Вы — врач. Вы должны знать лучше меня, — ответила раздраженно больной.
- В следующий раз вызовите ветврача. Он ставит диагноз, не задавая вопросов, — отпарировал врач.

Скулы сводит

Болтун упрекнул приятеля:

— Я говорю, говорю, а ты даже рта не раскрываешь!

— Раскрываю, да так, что скулы сводит,— ответил тот.

Он зевал.

Мы с мамой все знаем

Девочка говорит своим подругам:

— Мы с мамой все знаем.

— Каким же образом вы обо всем узнаете? — удивились подруги.

— Очень просто. Например, мама говорит: «Будет дождь», а я — «Нет, не будет». И всегда кто-нибудь из нас бывает прав.

„Сердобольная“ мать

Сын получил по истории кол. Мать возмутилась:

— Я сама переговорю с учителем. Откуда знать малышу, что произошло сто лет назад?!

Художник и критик

Художник говорит критику:

— Чтобы судить об искусстве живописи, надо самому уметь рисовать.

Критик отвечает:

— В жизни я не снес ни одного яйца, но о качестве яичницы могу судить лучше любой несущки.

Собака и кляузник

Собака выла на луну. Кляузник спросил:

— Что ты на нее воешь?

— Привычка. Без этого не могу уснуть,— ответила собака.

— Ты права,— согласился кляузник.— Мне тоже без кляуз не спится.

Волк и агроном

Агроном в степи повстречался с волком. Волк злобно прорычал:

— Аха, бухгалтер, наконец ты мне попался! Сейчас я тебя растерзаю.

— Я не бухгалтер, я — агроном,— испуганно стал оправдываться человек.

— Вон оно что,— осклабился волк.— Тогда я тебя не трону. Это ведь благодаря твоему недосмотру колхозные поля заросли бурьяном и травами, теперь на них пасутся овцы. Молодец!

— А за что же ты возненавидел бухгалтера? — спросил агроном.

— А за то, что я съел одного барана, а он составил акт на девятнадцать!

Я не забуду вас

Молодой человек в ателье сделал заказ на пошив костюма. Мастер, под разными предложениями не спешил сесть за машинку. Тогда клиент сказал ему:

— Сшейте поскорее, я не забуду вас.

Через три дня костюм был готов. Клиент взял его и направился к двери.

— Вы же обещали не забыть меня,— напомнил мастер.

— Обещал, и никогда не забуду вас,— сказал клиент и ушел.

То-то их мало

Мальчик спросил у отца:

— Папа, это правда, что человек произошел от обезьяны?

— Да, это так,— ответил отец.

— Теперь понятно, почему их так мало осталось в нашем зоопарке,— вслух подумал малыш.

Это невозможно

Врач посоветовал больному:

— Теперь вам необходим полный покой, особенно голове,— иначе несдобровать...

Больной ответил:

— Это невозможно. Такова уж моя профессия.

— О, вы, наверное, писатель?

— Нет, я — парикмахер.

Читатель пришел в библиотеку, спрашивает:

— Мне что-нибудь из художественной литературы...

— Почитайте «Как закалялась сталь»...

— К технической литературе у меня душа не лежит, — важно ответил клиент.

Не удивишь

Муж жене говорит:

— Представь себе, оказывается верблюд может целую неделю не пить.

— Эх, удивил чем, — ответила жена. — Вот если бы ты с неделю не пил.

Почему же бороды нет?

Внучка спросила у бабушки:

— Бабушка, ты старше или мой папа?

— Я старше, маленькая. Твой папа — мой сын.

— Нет, папа старше, — возразила девочка. — У него есть борода, а у тебя нет.

Ответ сынишки

Сын говорит отцу:

— Папа, купи мне барабан.

— Ты и без барабана не даешь мне уснуть, — отвечает отец. — А если купить тебе барабан, не представляю, что тут будет.

— А я буду барабанить, когда ты уснешь,— сказал мальчик.

То, что не вместилось в голову

Студент на экзаменах пользовался шпаргалкой. Преподаватель строго сказал:

— Что это такое?!

Студент ответил:

— Это?.. Это то, что не вместилось в голову...

Тогда выплюнь

Учитель химии написал на доске: HNO_3 , спросил у одного ученика:

— Какого элемента эта формула?

— Вертится на кончике языка, а вспомнить никак не могу,— ответил ученик.

— Тогда быстрее выплюнь, иначе обожжешь язык,— сказал учитель.— Это — азотная кислота.

У кого

Некто был в гостях у жадного человека. Хозяин, в надежде, что гость быстро насытится, подал ему мед. Гость неторопливо смазывал чурек медом и спокойно отправлял его в рот. Хозяин не вытерпел, сказал:

— Потом нутро будет гореть...

— У кого,— у вас? — спросил гость.

Оскал козы

Дехканин привел козу на базар. Покупатели заглядывали ей в рот и отходили,— коза была старой.

К концу дня, когда к дехканину кто-нибудь подходил поздороваться, коза недовольно мотала головой и скалила зубы.

И он без топлива

Один горожанин, проходя мимо бюро погоды и увидев мужчину, внимательно изучавшего прогноз погоды, сказал:

— И он вроде меня... без топлива.

Масло-то не разлил...

Мать послала двух сыновей к соседке за маслом. Ночь была темная, и на обратном пути малыш упал и уронил чашку с маслом.

— Ох, наверное разлил масло! — испугался братишка.

— Масло-то не разлил, миску никак не найду,— удрученно ответил малыш.

Конечно, знает

Сынишка принес букет роз матери.

— Где ты их взял? — спросила она.

— У Меред-ага.

— А Меред-ага знает об этом?

— Конечно, знает. Он долго гнался за мной.

Черные очки

Подхалим, а вдобавок еще и болтун, пришел к знакомому, говорит:

— Еду в командировку. Что привезти вам в подарок?

— Черные очки,— ответил знакомый.

— Обязательно черные? — спросил подхалим.

— Да, обязательно.

— Через черные очки вы ничего не увидите.

— А я их буду надевать только в тех случаях, когда будущее приходит ко мне ты,— ответил знакомый.

Жена бригадира

Девочка, увидев женщин идущих в поле, спросила у матери:

— Мама, а почему ты вот уже несколько дней не ходишь на работу?

— Что ты такое говоришь, доченька! Ведь твой папа теперь бригадир...

ПРО АТА КОПЕКА

Верное лекарство

Прибежал к Ата Копеку сосед:

— Помоги, меня укусил скорпион!

— Хорошо,— ответил Ата Копек.

Он приблизил к губам распухший от укуса палец и стал быстро говорить:

— Скорпион, скорпион, хорошо, что ты укусил не меня, а другого. Чуфф, чуфф!

Повторив заклинание несколько раз, он посоветовал опустить палец в холодную воду.

— Приходи через три дня,— сказал он соседу.— Если не пройдет, я снова повторю заклинание.

Через три дня сосед пришел и стал благодарить:

— Спасибо тебе, палец совсем зажил.

Ата Копек только улыбнулся в ответ.

Дружеский совет

Однажды в чайхане рядом с Ата Копеком сидел худющий человек. Казалось, у него одни кости. Ата Копек печально смотрел на него и вдруг, когда из-за угла показалась арба, которую тащил осел, взволнованно вскрикнул:

— Скорей беги отсюда! Спасайся, едет сборщик костей!

Тельпек

— Что ты ценишь больше всего из одежды? — спросили как-то Ата Копека.

— Конечно, мой тельпек,— ответил тот.— Поэтому я и ношу его на голове.

Печальные вести

Как-то встретил Ата Копека земляк по имени Потдан.

— Был ли ты в наших краях, Ата Копек? — спросил он.

— Был, — сказал Ата Копек.

— Ну, как там мои родные живут, что у них нового?

— У них теперь новая собака.

— А куда делась прежняя?

— Когда сдох ваш верблюд, она объелась его мясом.

— А отчего сдох верблюд?

— После смерти твоего отца за ним некому было смотреть.

— Как, мой отец умер?

— Он не смог пережить смерти твоей бедной матери, — вздохнул Ата Копек.

— О, аллах, значит, распалась вся наша семья! — схватился за голову Потдан. — Опустела наша кибитка!

— Я видел, как туйнук от нее продавали на базаре, — сказал Ата Копек. — А остального я не знаю.

Кто быстрее

Ата Копек славился как неутомимый ходок. Ишак его тоже отличался среди своих собратьев резвостью. И вот один шутник спросил Ата Копека:

— Про Вас обоих говорят, что вы умеете быстро ходить. Но мне хочется узнать, кто же из вас будет впереди?

Ата Копек похлопал по шее своего ишака и ответил:

— Когда я гоню ишака перед собой, — он впереди. Когда веду его на поводу, — я впереди. А вот если сяду верхом, — тут мы равны.

Ата Копек был на тое у богатого дехканина. Тот попросил его разделить между детьми мясо.

— Только смотри, раздели по-божески.

Ата Копек стал делить: детям бедняков — голые кости, байским сынкам — жирные куски.

— Что ты делаешь! — вскричал хозяин. — Почему ты обижаешь детей?

— Ты же сам просил меня разделить по-божески, — спокойно ответил Ата Копек. — А где ты видел, чтобы бог все делил справедливо?

Честный пассажир

Ата Копеку надо было ехать по железной дороге. В вагоне к нему подошел контролер и потребовал предъявить билет. Ата Копек протянул ему целую пачку.

— Но ведь это перонные билеты, — сказал контролер.

— Когда я пришел на вокзал, — пояснил Ата Копек, — все билеты на поезд были уже проданы. Не мог же я ехать «зайцем»? Посчитайте, как раз оплачена стоимость проезда.

Ответ по существу

Ата Копек работал на огороде. Подошел какой-то юноша.

— Скажите, где дом Ата Копека? — спросил он.

— Вон тот, что слева, — сказал Ата Копек.

Вскоре юноша вернулся и сказал:

— Оказывается, вы и есть Ата Копек?

— Да, это так,— подтвердил поэт.

— Почему же вы мне раньше не сказали? — удивился юноша.

— Так ведь ты искал не меня, а мой дом,— ответил Ата Копек.

Ее звали Бессир

Пришел Ата Копек в гости к приятелю. Хозяин усадил его на почетное место. Жена хозяина по имени Бессир стала наливать суп в миску. Муж увидел, что еще не разостлан сачак и позвал:

— Бессир!¹

Ата Копек возразил:

— Почему же хватит? Пусть наливает побольше. Я думаю, что мы с тобой справимся с полной миской.

У парикмахера

Попросил Ата Копек парикмахера побрить ему голову. Бритва оказалась такой тупой, что у Ата Копека слезы выступили на глазах.

— Ты многих людей брил? — спросил он.

— Конечно.

— И все они живы?

— Все до единого.

— Ну, тогда продолжай,— со вздохом ответил Ата Копек.

¹ Бессир — дословно «хватит».

Где рубить саксаул?

Пошел однажды Ата Копек в пески нарубить саксаула для тамдыра.

Вдруг прибегает незнакомый человек и начинает ругаться:

— Ты почему здесь рубишь саксаул? Разве не видишь, что это место отметил я. Вон и срубленные кусты лежат.

— Это и есть твои отметки? — спросил Ата Копек.

— Ну, да.

— Так что же ты шумишь? Я же не трогаю твои дрова, а рублю еще не отмеченные тобой кусты, — сказал Ата Копек и с силой ударил кетменем по саксаулу.

Узнал!

Ата Копек впервые попал в столицу и зашел в большой магазин. Вдруг видит он человека, как две капли воды похожего на него самого. Ата Копек направился к нему, и тот пошел навстречу. Подумав, что это знакомый, Ата Копек улыбнулся и хотел было обнять земляка, как неожиданно ударился лбом... о зеркало. Почесывая больное место, он сказал сокрушенно:

— Это, оказывается, ты, Ата Копек...

Пустой чувал

Нанялся Ата Копек к одному жадному баю. Рано утром бай разбудил его и приказал идти в поле.

— Как же я буду работать не позавтракав? — спросил Ата Копек.

Салих-бай, считавший себя остроумным человеком, сказал сквозь смех:

— Иди, иди, ведь полный чувал не может сгибаться.

Ата Копек затянул потуже платок на рваном халате и пошел в поле. Там он улегся в тени тутовника и проспал до полудня.

Пришел бай проверить его работу и рассвирепел:

— Почему же ты валяешься, а не работаешь?

— Пустой чувал не может выпрямиться, — ответил Ата Копек, зевая.

Вывернутый колодец

Шел Ата Копек с одним человеком мимо высокой башни. Спутник Ата Копека сказал, показывая на башню:

— Наверное, это и есть пуп земли.

— Нет, друг, — возразил Ата Копек. — Когда-то здесь был колодец. Вода в нем стала затхлой, и люди, решив проветрить его, вывернули колодец наизнанку.

Надежный транспорт

Один мулла решил пристыдить Ата Копека:

— Тебе уже за шестьдесят, а ты ни намаза не совершаешь, ни уразы не соблюдаешь. И ничего не жертвуешь мullaм. Как же ты надеешься попасть в рай?

Ата Копек ответил смиренно:

— Я перееду на тебе, мулла-ага.

Сидел однажды Ата Копек возле окна и брил бороду.

К нему зашел старик и, взглянув на лицо поэта, сказал недовольно:

— Я пришел к тебе, Ата, чтобы заказать стихи. Но ты сбрил бороду, щеки твои стали, как у младенца. А разве младенец способен написать настоящие стихи? Я приду, когда у тебя снова отрастет борода и станешь похожим на мужчину.

Ата Копек улыбнулся:

— Я шутил, если ты думал, что стихи сочиняет борода, то тебе следовало обратиться не ко мне, а к моему козлу, который стоит под окном. Посмотри, у него отменная борода.

Н. ПОММА

Тайлак Хыззын

Человек с таким имением только нынешним летом приехал к нашему соседу Мураду. На нем был синий выцветший халат и поношенная шапка. Был он худощавый, низенького роста, но на вид бравый и проворный.

Явился в дом к Мураду он неожиданно — как с неба свалился. Едва сел сосед читать книжку, как вдруг залаяла собака и бросилась к калитке. Кто-то с такой силой колотил в нее, что, казалось, она сейчас слетит с петель. Мурад выбежал во двор и спросил, кто это так стучит.

— Открой-ка, открой, а потом познакомимся!.. — ответил хриповатый голос за калиткой, которая снова задрожала под мощными ударами.

Мурад впустил напористого гостя. Тот снял с плеча громадный мешок, отер пот и душевно потряс руку Мураду.

— Ну, как, узнаешь меня?! — спросил он по-свойски. Мурад нерешительно пожал плечами.

— Да, незнакомец не уважают, как говорится, — продолжал между тем гость. — Так-то, племянничек... Что ты поднял брови? Удивляешься!.. Да, да, я твой дядя из Челтека. А зовут меня Тайлак Хыззын. Теперь узнал меня?..

Услышав имя незнакомца, Мурад едва сдержал смех.

— До сих пор я думал, что у меня нет дяди в Челтеке.

— Ты, наверно, не расслышал меня. Имя мое Хыззын, понимаешь. Тайлак Хыззын. Так меня зовут в ауле... Впрочем, ты можешь и не знать меня. «У кого нет матери, может и дяди не быть», как говорится. Ты был совсем маленьким, когда умерла моя бедная сестра Нязик...

Человек, назвавшийся дядей, искажил имя его матери.

Правильно говорят в народе: «Если плохой гость и не причинит вреда хозяину, то, в крайнем случае, напустит дыму ему в глаза». До дыма дело не дошло, но пыль стояла столбом, когда гость выбивал прямо в комнате свои огромные чарыки. При этом он время от времени плевал жеваным насом на кошку.

Окончательно познакомился «племянник» с «дядей» за чаем.

— Сколько стоит на вашем базаре стакан джиды? — спросил «дядя», ласково поглаживая свой большой мешок.

— Я не продаю ее, — сухо ответил Мурад. Но гость не обратил на это внимания и продолжал справляться о цене на ламповые стекла, батареи для приемников, детские свистульки...

— Даже если стакан джиды пойдет по рублю, и то я смогу приобрести триста ламповых стекол, — рассуждал он вслух. — Райно у нас нерасторопное, и стекла пойдут в двойной цене...

— А зачем вы, собственно, приехали? — осторожно осведомился Мурад.

— Сдавать экзамены!..— гордо ответил гость.— Хочу получить образование, верней, диплом...

— А джида и стекла зачем?..

— Да затем же... Продам джиду, куплю стекла. Продам стекла — снова куплю джиду. Продам джиду — опять куплю стекла. Продам стекла — снова куплю джиду...

— Ну, а потом, потом?..— не выдержав, перебил его Мурад.

— Потом куплю диплом и стану учителем!..— спокойно ответил гость.— Надоело быть школьным завхозом.

Гость разошелся вовсю.

— Что ты понимаешь в жизни! — поучал он Мурада.— Учись у меня, пока я жив. Так вот: деньги, племянничек, это все!.. Вот у меня работа, на что уж неважная, и то прибыль имею. Объявил как-то в школе конкурс: кто сошьет лучшую тюбетейку — большую премию получит. Через месяц принесли дети больше ста тюбетеек. Я за каждую на базаре по 5 рублей взял. А победителю конкурса премию преподнес: коробку цветных карандашей «Спартак» за тридцать две копейки.

Нужно сказать, что гость, пока жил в доме Мурада, успешно применял свою систему и к его детям. Увидит у сынишки Мурада орехи и говорит:

— А ну-ка, дорогой мой, одолжи мне один орешек, и мы с тобой сыграем!.. Ну-ка, у кого парные, у кого непарные?

Минут через пять он уже колот и ел свой выигрыш.

Так пролетел месяц. Собственно, для моего соседа Мурада этот месяц не летел. Он тащился, как тяжело груженный упрямый ишак. Но всему бывает конец. В один прекрасный день Тайлак Хыззын объявил «племяннику», что ему нужно ехать. У Мурада сердце запрыгало от радости. Он оэведомился у «дяди» о его делах.

— Ничего дела...— ответил тот.— Диплома не дали. Видно, денег мало предлагал. Еще милицию звать стали...

Он ушел и к вечеру вернулся с сотней ламповых стекол, с детскими свистульками и двумя батареями к приемнику. В последний вечер «дядя» так заплел жеваным насом кошму, что негде было ступить. Но Мурад ничего не сказал. Он так был доволен отъездом своего «родственника», что прощал ему все. Он ему даже как-то симпатичней показался в последний вечер, этот Тайлак Хыззын...

Не прошло и недели после отъезда «дяди», как Мурад получил от него взволнованное письмо. «Понимаешь,— писал он,— эти негодяи из института не только обидели меня, отказавшись от моих денег и не дав мне диплома. Они еще написали об этом в школу. И теперь меня уволили с работы. За что?! Если я им в тот раз предложил мало, то надо было сказать, поторговаться. Так между честными людьми не делается... Ты там пописываешь в газеты и даже книги пишешь. Так ты разоблачи их, этих жуликов... А я уж тебе сразу, как про них в газету напишешь, целую баранью ногу пришлю!..»

Мой сосед Мурад не стал об этом писать. Пришлось мне. Так что жду теперь от Тайлак Хыззына целую баранью ногу.

Сон Мурадали-ага

До восхода солнца оставалось немного. Занимался рассвет над Кисловодском. Проснулись только птицы, все другие обитатели города-курорта спали здоровым утренним сном. И, пожалуй, крепче всех спал отдыхающий Оразли ОMAT — председатель колхоза «Ялкым».

Как вдруг... Резко распахнулась дверь, в комнату, тяжело дыша, вошел обитатель соседней палаты, председатель колхоза «Рассвет» почтенный Мурадали-ага.

Потревоженный Оразли вскочил с кровати. Проснулся и его сосед — лектор Общества по распространению политических и научных знаний Худайкулов. Оба они уставились на вошедшего.

— В чем дело, Мурадали-ага?..— спросил его, наконец, Оразли Оमत.— Что вы так рано поднялись?.. К добру ли это?..

— Не знаю...— осторожно ответил Мурадали-ага, косясь на лектора.

— В чем дело?..

— Ай, ничего!..— пытался отмахнуться Мурадали-ага.

— Нет, расскажите!..— настаивал Оразли.

— Сон видел!..— выпалил вдруг Мурадали-ага и в упор посмотрел на лектора...

— Сон... какой сон?..— не понял Оразли.

— Плохой сон... Не к добру...— Мурадали-ага опустил голову. Лектор вдруг начал смеяться. Он хохотал так, что звенели стекла окон. Не мог не засмеяться и Оразли.

На дружный смех пришел сразу врач.

— Что тут случилось? Что за шум в такую рань? — спросил он, входя в палату.

— Ох, не могу, Евгений Викторович!..— Худайкулов не мог говорить от смеха.— Передовой председатель и верит каким-то снам!.. Старые бабы уже перестали им верить.

— Что же вам приснилось, голубчик?..— улыбнулся врач.

Он был пожилой и славный человек, этот врач, и все отдыхающие его очень уважали... Мурадали-ага серьезно посмотрел на него, еще раз покосился на лектора и начал рассказывать.

— Сначала приснился мне верблюд...

— Верблюд?..— удивленно переспросил Оразли.

— Да, сосед... Сначала один, а потом много верблюдов, все наши верблюды. Иду я по такыру, а верблюды за мной. Я быстрее — и верблюды быстрее. Шеи вытянули — и режут... Потом к ним присоединились коровы — и все худые, худые такие... Ты силос как за-

кладывать будешь? — прервал он вдруг свой рассказ, обращаясь к Оразли.

— Ну, с силосом у меня все в порядке!.. — ответил Оразли. — Так ты давай, рассказывай...

— Иду я дальше, смотрю: овцы тоже бегут за мной. Все тридцать тысяч овец. Пыль над такыром тучей поднялась. И все за мной...

— И куры тоже бежали?! — снова начал смеяться лектор.

— Нет, куры не шли, — все так же серьезно ответил Мурадали-ага, — птичника Огультач за ними смотрит. Она бы их с фермы не выпустила.

— Во сне все возможно!.. — не унимался Худайкулов.

— Нет, не было кур, — твердо сказал Мурадали-ага. — Вот свиньи были. Все двенадцать свиноматок с поросятами. Такие грязные, тощие. Поросята прямо за ноги хватают. И визжат, аж до сих пор ничего не слышу... — старик поковырял у себя в ухе.

— А дальше что, яшули?.. — забавлялся лектор.

— Бросился я бежать со всех ног, а они за мной... Вдруг впереди поле... То самое, шестой бригады, возле такыра! — обратился он снова к Оразли. — Помнишь, я о бригадире говорил тебе? Молодой еще, опыта мало...

— Койнек?.. — спросил Оразли.

— Да, да, он самый...

— Бегу я к полю и знаю, что если пробегу его, то спасусь. А сзади рев все ближе. Подбегаю к полю, прыгнул через один ряд хлопчатника, через второй, в третьем попал в колючку, запутался и упал. И все это сзади на меня навалилось!.. Плохой сон!.. — хмуро сказал он, отирая платком лоб. — Нужно домой ехать.

— Поймите, Мурадали-ага, сон — это определенное психологическое явление... — начал Худайкулов. — Темные, отсталые люди верят в сны. Это бабка моя, невежественная старуха, верит, что если белый верблюд приснится, то — к несчастью...

Целый час с помощью Оразли успокаивал старика лектор. Это была первая в его жизни лекция, прочитанная без путевки Общества.

— Вот хоть у доктора спросите, что такое сны!..— закончил он свою речь.

А доктор улыбнулся и спросил Мурадали-ага:

— Кошмарный сон вас тревожит или что-нибудь другое?

Мурадали-ага тоже улыбнулся хитровато и ничего не ответил. Его, видимо, убедили доводы Худайкулова. Он пошел на зарядку, с аппетитом позавтракал, а к вечеру совсем повеселел. Про сон свой он и не вспоминал.

Но на следующее утро Мурадали-ага не оказалось в столовой. Не было его и в палате. Только к обеду кто-то из вновь прибывших земляков сказал, что видел Мурадали-ага на аэродроме, когда тот садился в ашхабадский самолет.

Н. ЭСЕНМУРАДОВ

Кыннак

Впервые я встретил Кыннак пять лет назад, на почте. Я взглянул на нее и, наверное, сильно переменялся в лице. Стоявшие со мной в очереди к окошку с надписью: «До востребования» начали перешептываться, кто-то засмеялся...

Но, чтобы все с самого начала было ясным, скажу несколько слов о себе. Я — художник, и, говорят, неплохой. Впрочем, я и сам такого же мнения. Мог ли я остаться равнодушным, увидев тогда Кыннак! Высокая, статная, с длинными черными косами, свежим матовым лицом... А глаза!.. Сначала ресницы были опущены. Но вот она подняла их, и я забыл свою фамилию. Хотите — верьте, хотите — нет. Минут пять прошло, пока я ее вспомнил... Да что там говорить! Вот взять холст и нарисовать Кыннак. Так, как она есть — в простой синей рабочей блузке с карманчиками. Мне это сразу пришло в голову.

И мне тогда повезло. Не прошло и недели, как я попал в гости к Кыннак. Оказывается, она была женой

моего старого знакомого — Чары. Встретив меня на улице, Чары заташил меня к себе. Я словно остолбенел, увидев Кыннак... На этот раз она была в белой домашней кофте. В руках у нее была щетка, которой она сметала пыль. Но как она мила в этом простом наряде!..

Я высказал свои чувства и хотел тут же начать рисовать. Я хотел ее изобразить за почтовым окошком с пачкой писем в руках — такой, какой увидел впервые.

Кыннак густо покраснела в ответ на мое предложение и стала еще очаровательней.

— Ну, какая же я красивая, если у меня нет времени даже посидеть перед зеркалом! — ответила она и улыбнулась. «Было бы у меня время, я бы показала вам, какая я!» — говорила ее улыбка.

Прошло полгода. Я был очень занят все это время. Ездил в длительную командировку. Но у меня не выходила из головы женщина за почтовым окошком в синей блузе, с пачкой писем в руках. Это была моя светлая мечта. Мечта художника...

Но вот по возвращении из командировки я неожиданно столкнулся лицом к лицу с Кыннак в универмаге. На ней было яркочерное шелковое платье с какой-то странной оторочкой. Она меня так поразила, эта оторочка, что я вначале не заметил даже, что у Кыннак уже нет кос...

— Что же вы не заходите к нам?.. — бойко сказала она. — Ведь вы хотели меня нарисовать!..

Я справился о ее здоровье, о службе.

— А, служба!.. — она пренебрежительно махнула рукой. — От работы можно быстро состариться!.. Я позавчера уволилась. Ведь Чары получил новое назначение!.. Как-то нехорошо: у такого ответственного работника и вдруг жена в каком-то почтовом окошке... А рисовать вы меня недели через две приходите: тогда увидите. Я вот взялась за себя!..

И она показала мне большую сумку, доверху набитую коробочками с пудрой, тюбиками крема, помадными гильзами и еще бог знает чем...

Мне стало грустно. Хоть глаза Кыннак оставались прежними: большими, черными, удивительными гла-

зами, мне почему-то уже не очень хотелось ее рисовать...

Месяца через три я снова встретил Кыннак. Иду я по улице и вдруг вижу: какая-то рыжая, размалеванная дама выходит из ювелирторга — и давай на всю улицу ругать шофера автомашины за то, что он где-то задержался.

«Неужели это Кыннак?» — подумал я... Куда делись ее чудные волосы? Вместо длинных густых бровей — две выщипанные красные полоски. В каждом ухе — по целому лотку ювелирных изделий. Мне стало неловко, когда она заговорила со мной. Да как заговорила!

— Что же ты, дорогой, не приходишь делать мой портрет?.. — в упор спросила она.

Раньше она никогда не говорила мне «ты». А каким тоном было сказано это «дорогой»!.. Два дня спустя я узнал, что Чары уже неделю работает у себя в учреждении первым заместителем...

И в четвертый раз я встретил Кыннак. На одной из центральных улиц загорелась парикмахерская. Через пять минут пожарные поливали ее со всех четырех сторон и с крыши. Испуганные женщины с полузавитыми волосами толпились у края тротуара. И вдруг, то ли шутки ради, то ли случайно, один молодой пожарник резанул по ним тугой струей. Одни смеялись, другие принялись ругаться. Больше всех ругалась какая-то разодетая, как павлин, дама с остатками желтых волос на голове.

— Вы мне испортили труд целого дня!.. — визгливо кричала она, показывая нам свое лицо. Когда она повернулась, все попятились назад... Вода из пожарного шланга сделала свое дело. Это было не лицо, а палитра неряхи-художника. Были даже голубая и зеленая краски. Уж что она красила на лице в голубой и зеленый тона, один бог ведает.

По-моему, это была Кыннак. Точно утверждать не берусь, потому что ничего не осталось в ней от моей мечты, от прежней Кыннак... Она села в машину и уехала, пригрозив напоследок, что ее муж, начальник,

всем здесь покажет... А я с тяжелым сердцем пошел по улице...

Думаете, это все? Нет. Прихожу я вчера на почту и становлюсь в очередь к окошку с надписью: «До востребования». Четыре месяца меня не было в городе.

Подхожу к окошку, поднимаю глаза и вижу... Кыннак. Да, да, прежнюю Кыннак!.. Только без кос. На лице — никаких красок. Разве что губы немного подкрашены. Но это ничего!.. Она была красивой в своей синей рабочей блузе.

— Вы ли это, Кыннак?..— спрашиваю.— Что, Чары... сняли?

— Нет, наоборот, повысили...

— Так в чем же дело?..— недоумеваю я.

Она ответила:

— Дело в том, что Чары взяли в работу на партийном собрании. Ему сказали, что служебная машина не для жены, что жене надо работать, а не бить баклуши!.. Одна работница даже сказала ему, что я стала похожа на эту... обезьяны такие есть...

— Мартышку!..— с готовностью подсказал я.

— Да, да...— подтвердила Кыннак.— И Чары взялся за меня!..

Тут она махнула рукой, как бы не желая и вспоминать этот крупный разговор с мужем.

— И вот я снова здесь. Даже припудриться утром не хватает времени!..— с некоторой грустью закончила она свой рассказ.

— Но так же лучше, Кыннак!..— вскричал я,— ты же снова стала красавицей!..

— Да, пожалуй, так лучше!..— сказала она.

Ведь она неплохая — Кыннак. Из хорошей, рабочей семьи. Ей и самой, пожалуй, надоела роль мартышки...

Ну, я пойду, извините. Ведь я сейчас только с почты. Спешу к мольберту...

Хорошее настроение

Председатель райисполкома Рашидов вышел из дому в самом добром расположении духа. Погода была отличная, и он решил, впервые за полгода работы в районе, пройтись не по делам, а для собственного удовольствия. Рядом с ним, держась за руку, важно шла гражданка Рашидова, трех с половиной лет от роду. И вдруг эту важность с нее как ветром сдуло.

— Папа, папа, смотри: птички!.. — Она запрыгала от восторга... Птичья стая вылетела из окон районного дома культуры и с громким криком понеслась в поднебесье.

Товарищ Рашидов нахмурился. С дверей дома культуры смотрел на него громадный замок — такой пришелся бы в пору воротам средневекового города.

— И где они этот замок раздобыли?.. — подумал председатель.

По ржавчине, покрывшей замок, было видно, что его давно уже не касалась рука человека. Товарищ Рашидов попытался проникнуть в дом культуры с черного хода. Замка там вовсе не было. Зато дверь оказалась крестнакрест забитой досками такой толщины, что они вполне могли бы сойти за железнодорожные шпалы.

Настроение было испорчено окончательно.

— Увлечлись текучкой и упустили из виду вопросы культуры! — ворчал, направляясь домой, председатель.

На следующее утро товарищ Рашидов вызвал к себе заведующего районным отделом культуры Шаларова и директора дома культуры Курбанова.

— Почему клуб на замке?! — строго спросил он у Шаларова.

Шаларов тут же повернулся к Курбанову.

— Почему же клуб на замке?! — спросил он не менее строго.

Курбанов оглянулся по сторонам, набрал полную грудь воздуха и выпалил:

— Нужны два дутара и баян!

— Да, нужны два дутара и баян! — повторил, повернувшись к председателю, Шаларов.

— И это все?..

— Все!.. — сказали в один голос Курбанов с Шаларовым.

— Тогда у нас запляшут деревья, не только люди!.. — добавил Курбанов.

Председатель что-то записал в настольный календарь.

Ровно через неделю товарищ Рашидов снова взял за руку дочку и пошел к дому культуры. Долго стоял он перед входом и задумчиво смотрел на увесистый замок. На нем еще прибавилось ржавчины, и большой серый паук протянул нити от дужки замка к ручке двери...

На следующее утро Шаларов с Курбановым снова сидели у председателя.

— Купили два дутара и баян? — спросил он у Шаларова.

— Купили два дутара и баян? — как эхо, спросил у Курбанова Шаларов.

— Купили... — ответил Курбанов.

— Купили... — повторил Шаларов.

— Значит, можно идти и слушать концерт?..

Шаларов с Курбановым замялись.

— Чего же вам не хватает?.. — допытывался председатель.

— Людей нет, которые могли бы играть!.. — хмуро произнес Курбанов. — Нужен художественный руководитель.

— Руководитель художественный нужен... — доложил председателю Шаларов.

Председатель, ни слова не говоря, записал опять что-то в блокнот...

Прошла еще неделя. В воскресенье, с утра, все повторилось сначала. Товарищ Рашидов взял за руку дочку, пошел к дому культуры и посмотрел на ржавый замок. Серый паук уже закончил свою работу и, спрятавшись под замком, поджидал зазевавшихся мух.

И в понедельник опять Шаларов с Курбановым сидели в кабинете председателя. Они горячо высказывали причины, мешающие работе дома культуры.

— Руководителя подыскали?..— спрашивал председатель.

— Подыскали...— в один голос отвечали оба.

— В чем же дело?..

— Массовик нужен...

И снова писал что-то в блокнот председатель.

В следующее воскресенье товарищ Рашидов, постояв перед замком, уже не пошел обратно. Ему принесли ключ. Согнав паука и с трудом повернув ключ в замке, он, в сопровождении Шаларова и Курбанова, проник, наконец, в дом культуры. С ними вместе вошли художественный руководитель Дурдыев, племянник Шаларова, специализировавшийся до этого в артели по производству клея, и массовик Омаров, брат жены Курбанова, уволенный за что-то из пожарной охраны.

— Чего же вам теперь не хватает?..— спросил председатель.

— Молодежи, людей нет, которые хотели бы сюда ходить,— уныло ответил Курбанов.

— Пассивная молодежь у нас!..— вздохнул Шаларов.

И в это время послышались звонкие голоса.

— Смотрите, открыто! Ой, как хорошо!..— вскричала стройная черноглазая девушка, перешагивая через поломанные стулья.

Председатель узнал в ней продавщицу магазина райпо Гульджан Эсенову. Вместе с ней вошли еще две девушки и парень. Они не видели председателя райисполкома с окружающими его людьми, потому что те стояли на темной сцене. Гульджан подбежала к пианино, сдула пыль с крышки, подняла ее и заиграла что-то бешено-веселое. Парень взял баян и начал ей подыгрывать. Две девушки принялись танцевать.

— Гульджан!..— позвал председатель.

Девушка вздрогнула от неожиданности и смущенно подошла к нему.

— Придется тебе переходить на другую работу...— продолжал он.

— Разве я не справляюсь? — испугалась Гульджан.

— Не в этом дело... Нам нужен заведующий домом культуры.

— Вот что!..— удивилась девушка.— Но ведь товарищ Курбанов...

— Курбанов уже не работает здесь.

— Где же он работает?

— Пока неизвестно. Так вот, принимай дела.

Курбанов во время этого разговора стоял и вытирал струящийся по лицу пот. В дверях он не выдержал и с чувством потряс руку председателю:

— Спасибо, большое спасибо, товарищ Рашидов. Я же специалист по бакалейным товарам, а меня сюда — в порядке выдвижения. Пойду в магазин, встану за прилавок. А то не за свое дело взялся — ребенка видно...

Уже на улице к Рашидову подошел Шаларов.

— А со мной как?! — горячо зашептал он ему на ухо.— Я ведь тоже — ветеринарный техникум кончил...

— Ладно, подумаем...— ответил председатель райисполкома.

Вечером у клуба толпился народ, слышалась музыка...

Д. САХАТОВ

Ошибка

Весь воскресный день Алланур писал заявление в суд. Труда положил немало, но и заявление получилось неопровержимым.

Перечитывая, он от удовольствия прищелкивал языком:

— Уцеку голубчика!

На другой день, в новой каракулевой шапке, Алланур отправился в суд.

Подойдя к двери приемной, он подкрутил жидкова-

тые усы и постучал. Услыхав: «Войдите!», переступил порог.

В чистой, залитой солнечным светом комнате над бумагами сидели два молодых человека.

Алланур поздоровался. Подошел к столу и сказал: — Дельце у меня к судье. Могу его видеть?

Работник суда, по имени Бяшим, не отрываясь от бумаг, ответил:

— У судьи посетитель. Присядьте пока.

Алланур сел на стул, внимательно оглядел комнату, помолчав для солидности, сказал:

— Почетно работать в суде, молодые люди. Нам вот в таком высоком учреждении работать не привелось. А вы — счастливые...

Молодые люди переглянулись. Посчитав, что таким вступлением произведен должный эффект, Алланур обратился к Бяшиму:

— Скажи, дружище, к судье много посетителей приходят?

— Приходят, — ответил Бяшим, по-прежнему занимаясь своим делом.

— И с жалобой на соседей бывают?

— Бывают.

— Так, так! — похлопал себя по колену Алланур. — А судья внимательно разбирает заявления?

Бяшим оторвался от бумаг, с любопытством посмотрел на посетителя.

— Как же иначе? Это его обязанность.

— Хе, хе... Я и сам это знаю. Спросил потому, что к слову пришлось. Судью мы знаем, сами выбирали в прошлом году. Человек достойный!..

Алланур испытующе посмотрел на Бяшима, раздумывая, можно ли ему довериться, потом придвинулся ближе и заговорил, понизив голос:

— Терпеть я не могу, молодой человек, ходить по судам. Не к лицу мне это, а вот пришлось прийти. Нет другого выхода.

— Наверно, важная причина?

— Ах, я тебе и не сказал... Понимаешь, житья не

стало от соседа. Измучился. С соседями мне вообще не везет. Все какие-то... Этот — особенно.

— Что же за человек ваш сосед?

— И не спрашивай! С хорошим соседом плешивую дочь выдашь замуж, а с моим и плова не сварить...

В глазах Алланура забегали злые огоньки. Он извлек из кармана заявление на нескольких листах.

— Здесь написано все. Каждое слово — правда. Возьмем, к примеру, случай: сын соседа Мурад избил моего осла. Об этом я пишу на третьей странице. И так, злодей нещадно избил беднягу!.. Не знаю, какую тут применить статью закона. Хотел посоветоваться со знающим человеком, да ведь каждому нельзя доверяться. О чем я говорил.. об осле? Да, чуть ноги не протянул мой милый осел.

— Наверно, он зашел в огород вашего соседа? — сказал Бяшим.

— Пхе! Какой там огород! Грядка клевера для кур. Подумаешь, какая беда, если пощипал травку. Ведь небо не свалилось на землю от этого? Зачем умного осла бить? Кто бьет животное, сам скотина.

Бяшим замахал рукой.

— Не говорите лишнего. Вы находитесь в учреждении.

— Правильно, извини, дружище. Но они противные свиньи. Я развалю их дом, заставлю убраться!

— Прошу вас, потише! Судье все расскажете.

Но Алланур не мог уже остановиться. Он кипел, как казан на огне.

— Или вот — насчет петуха. Об этом — на шестой странице. Какой был петух! Павлин! Как хан, ходил по двору. И что ж ты думаешь, дружище? Ногу ему перебили. Я тоже отыгрался на собаке соседа, но все равно обидно.

— Возможно, и не сосед поранил вашего петуха, — заметил молчавший до сих пор молодой человек.

— Не говори так, — недовольно возразил Алланур, вздрогнув, точно его укололи, — это все он, все он делает мне пакости и меня же называет лжецом.

Отворилась дверь, и из кабинета судьи вышел посетитель. Бяшим обрадованно сказал Аллануру:

— Можете идти к судье, он свободен.

Но Алланур словно не слышал. Склонившись к Бяшиму, он зашептал:

— Братец, ты недаром сидишь в суде, обучен всем премудростям. Помогите мне упечь, куда следует, соседа. За мной не пропадет... Соглашайся, не будешь жалеть.

— Идите, идите! — повторил Бяшим. — Ему все объясните.

— Не скрою ничего! Попляшет мой соседушка.

Алланур откашлялся, поправил шапку на голове и только после этого взялся за ручку двери.

Собравшись выразить уважение к судье, Алланур открыл было рот... и остолбенел. В его вытаращенных глазах застыли изумление и страх. На лбу выступил холодный пот, ноги задрожали.

За столом судьи сидел сосед. Как оказался здесь сосед? Не шутят ли над ним?

— Проходите, садитесь, — слышит Алланур.

— Это ты... сосед? — с трудом произносит он, изображая на лице жалкое подобие улыбки.

— Да, я. Здравствуйте!..

— Здравствуйте, уважаемый, здравствуйте! Тысячу лет вам жизни! — и Алланур, с несвойственной его почтенному возрасту проворностью подбежал к судье, позабыв про злосчастное заявление, зажатое в кулаке.

— Когда ты успел стать судьей, уважаемый сосед?

— Да дней пять всего...

— Молодец, ай, молодец! Такой высокий пост занял. Поздравляю, поздравляю! — сладким голосом повторил Алланур. Все морщинки его лица лучились.

Судье стало не по себе.

— Вы, сосед, по делу или... просто так?

— Конечно, так! Шел мимо и дай, думаю, узнаю, как у вас дела, нет ли какой обиды на меня...

— У меня обиды на вас нет.

— Хе, хе... — Алланур, спохватившись, спрятал в карман заявление. — Вот спасибо за это, другого я и

не ожидал. Теперь будем жить, как братья. Приходи-ка сегодня вечером ко мне, сосед, чайку попьем.

— Благодарю. Пожалуй, не смогу. Дела...

— Ай, ай, нехорошо, сосед. Не уважаешь ты меня. Обязательно приходи. Я приготовлю плов с курятиной. Этого драчливого петуха зарежу, житья от него никому нет. Положу в казан.

— Ну, ладно, сосед. Раз уж настаиваете, приду. Посидим, поговорим.

— Вот и договорились. Жду!

Раскланиваясь, Алланур пятился до самого порога. Он был очень доволен, что так ловко выпутался из щекотливого положения.

Увидев Бяшима, Алланур надулся.

«Ишь, негодник! Не предупредил, что судья новый»...— подумал он; однако вслух сказал:

— Почему убрали старого судью?

— Его не «убрали», он в отпуске.

— Как в отпуске? — у Алланура округлились глаза.

— Как и положено.

— А потом что?

— Вернется к исполнению обязанностей. Это ведь — народный заседатель.

К. ТАНГРЫКУЛИЕВ

ПРО РЕДЖЕПА

Друзья

Маленький Реджеп очень дружит с Шуриком. И живут они в одном доме, и играют вместе, и спать в одно время ложатся.

Но вот однажды заболел Шурик. Вышел Реджеп во двор — скучно ему стало. Нет друга!

Направился Реджеп за ворота. Шел, шел по улице и заблудился. Никак не может свой дом найти.

— Мальчик, ты куда идешь? — спросил его милиционер.

— Домой, — ответил Реджеп.

— А где твой дом? — поинтересовался милиционер.

— Там, где живет Шурик, — подумав, сказал Реджеп.

Цапля

В воскресенье Реджеп отправился с папой в зоопарк. Льва увидел. Потом у клеток с полосатыми тиграми постоял. На белых медведях посмотрел, и на лисиц, и на обезьян.

Наконец подошли они к пруду, сели на лавочку и стали птиц рассматривать.

— Что это за птица? — спросил Реджеп, показав на длинноногую цаплю.

— Цапля, — объяснил папа.

— А почему она стоит?

— Наверное, отдыхает, — объяснил папа.

— Вот и нет! — возразил Реджеп. — Просто цапля одну ногу потеряла и не может идти!

Большой и маленький

Папа сел за стол пить чай.

— Принеси мне пиалу, — попросил он Реджепа.

— Я маленький еще. Не могу! Разобью! — сказал Реджеп и побежал играть.

Отец сам достал пиалу, напился чаю и стал читать.

Реджеп тут как тут. Подошел и попросил:

— Дай мне тоже книжку!

— Не могу! — сказал папа. — Ты еще маленький.

Реджеп вскочил на диван.

— Посмотри, папа! Я — большой! Дай мне, пожалуйста, книжку с картинками!

— Оказывается, ты — большой! — удивился папа. — Тогда отнеси-ка пиалу на место. А потом и книжку получишь...

Заболело солнце

Была осень. Над городом висели плотные тучи. Утром мы с другом собрались идти по какому-то делу. Говорим между собой:

— Сегодня, наверное, пойдет дождь.

— И солнце, наверняка, не выйдет.

Реджеп заметил.

— Солнце заболело. А то оно каждый день раньше меня выходило.

Детеныш трактора

В выходные дни мы с Реджепом выходим на прогулку. Но сегодня мы решили гулять не в городе, а отправиться в село. Мы там увидели много интересного. Для Реджепа все это было незнакомо. В поле трактор пахал землю.

— Это что? — спросил я у сына.

— Трактор, — ответил Реджеп.

— А вон, что прицеплено к трактору? — спросил я опять.

— А то детеныш трактора! — ответил мой сын.

Ты — папа

Я закурил папиросу.

— Папа, ты не кури! — попросил Реджеп.

— Почему же я не должен курить? — удивился я.

— Курят только люди, — ответил он.

— А разве я не человек? — спросил я у сына.
— Нет, ты не человек, ты — папа, — ответил уверенно Реджеп.

Ничего

Однажды я забыл на работе нужную вещь и, лишь придя домой, вспомнил о ней. С досадой повернул я назад. А Реджеп решил, что я отправляюсь в магазин.

— Папа, что ты принесешь мне из магазина?

— Ничего, — ответил я и вышел на улицу.

Я взял позабытую вещь и вернулся домой.

Реджеп, оказывается, сидел и ждал меня.

— Папа, ты принес мне ничего?

Железные зубы

Реджеп взял в рот косточку урюка и попытался разгрызть ее.

— Косточку надо разбивать молотком или камушком. А так сломаешь зубы! — сказал я ему.

— Ну и пусть, — ответил Реджеп, — зато потом у меня вырастут железные, как у дяди Али!

Пусть не трогает пенку

Как-то мы с Реджепом отправились в село, к моим родителям. У них была корова с теленком. Когда мы приехали, теленок как раз сосал матку, дергая головой.

Реджеп смотрел-смотрел и побежал ко мне.

— Папа, почему он бодается?

— Да нет, он не бодается. Эта корова — его мама. Он сейчас сосет молоко, — ответил я.

Тогда Реджеп попросил:

— Пусть он пенку не трогает.

Тетя носит лису по базару

В зимний день мы с Реджепом пошли на базар. Там было много народу. Реджеп отстал от меня. Я вернулся назад, подошел к нему. Он потянул меня за руку, указывая на какую-то женщину.

— Посмотри, усадила лису на плечи и носит по базару. Как у лисички глаза блестят! А она не укусит тетю?

Посею конфетку

Я сел дыни. Рыхлил землю, делал лунки, бросал в них семена и засыпал влажной землей.

Увидев как я работаю, Реджеп принес свою лопатку и тоже стал рыть ямку.

— Что ты собираешься сажать? — спросил я.

— Конфетку, — ответил Реджеп.

Скажи и Нескажи

Однажды Реджеп подошел ко мне и сказал:

— Папа, я выучил сказку. Рассказать тебе?

— Ну-ка расскажи, — заинтересовался я.

— Жил-был один старик, — начал Реджеп. — У него было два сына. Одного звали Скажи, а другого — Нескажи. Скажи всегда слушался отца. Если просил принести молоток, приносил ему молоток. Если просил петь, пел ему песни. Скажи был очень умным мальчиком. А другой... как его звали? Вот забыл.

— Нескажи — подсказал я.

— Хорошо, папа, не скажу, — засмеялся Реджеп и убежал.

Под урюковые деревья выпал снег

Поднялись травы, зацвели деревья.

Я поднялся рано, сел пить чай. Вскоре проснулся и Реджеп. Он вышел во двор. Через минуту торопливо вернулся, подбежал ко мне и спросил:

— Папа, почему на наш огород не выпал снег?

— Какой же может быть снег в такое время? — удивился я.

— Не веришь, папа? Вон на соседнем дворе под урюковые деревья выпал снег.

— Реджеп, снег в теплое время не выпадает. Зимой бывает холодно. Тогда и снег выпадает. А сейчас не холодно. В это время урюковые и вишневые деревья роют свой цвет. Ты это и принял за снег.

Муравьи и Реджеп

Реджеп сидел на корточках, внимательно наблюдая за чем-то. Потом на своем прутике-коне примчался ко мне.

— Папа, муравьи несут зернышки пшеницы. Зачем это они делают? — спросил он.

Я в это время собирал урюк.

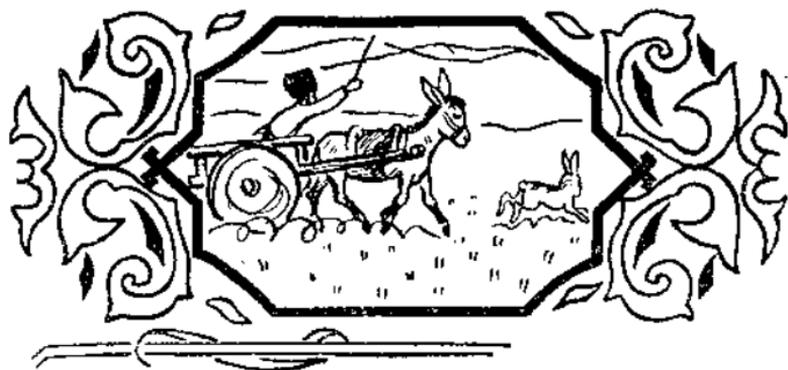
— Муравьи работают. Они несут зернышки к себе в нору. Когда холодно станет, они зазимуют, будут питаться запасами, которые собрали за лето.

— Папа, я тогда тоже буду собирать на зиму, — объявил Реджеп и начал собирать в ведро урюк, который я натряс перед этим.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Не хвали сам себя, пусть люди похвалят тебя.

Один цветок весну не делает.

Одна ворона погоды не делает.

Рыба гниет с головы.

С каждого по волоску — безбородому борода.

Смеешься над людьми — поплачешь сам.

Сорок человек — в одну сторону, один упрямец — в другую.

«Или от угля, или от железа», — оправдывается плохой кузнец.

Отдал мастеру — руки убери, заказал грамотею — не учи его.

Работающему — изобилие, тунеядцу — нищета.

Ремесла не усвоишь — тела не прикроешь.

Бездельника аллах отвергает.

Бездельник — труженику помеха.

Беспечность весной — раскаяние осенью.

До начала дела лентяй — первый работник.

Захочет чабан — и от козла молоко получит.

Иглою капусту не выкопаешь.

Когда дело сделано — советчики найдутся.

Кривой кол вбивай кривой колотушкой.

Кто ходил — принес, кто сидел — справляется

о цене.

Лежать — от смерти, ходить — от знания.

Лежать — покойнику подобает.

Лентяй ест — не наестся, спит — не выспится.

Лениво работаешь — упрекнул, лодырем лежишь — прижмут.

Ленивый не умирает, но и не живет.

Лодырь еды не добудет, а если и добудет, сытной она не будет.

Лодырь — за едой, труженик — за работой.

Лодырь распоряжается лежа.

На арбе зайца не поймаешь.

На веревке муку не высушишь.

Не молот — просеивает, не ткал — мерит.

Не познал яда пчелы — не поймешь сладости меда.

Не поработаешь — не поешь.

Не обработал землю хорошо — прощайся с семенами.

Не «посеял» тени — в прохладе не посидишь.

От бесполезных действий поясницу ломит.

Пес повелевает псу, а тот — своему хвосту.

Поменьше болтай, побольше делай.

Поручишь лентяю дело — начнет тебя же наставлять.

Посеешь «если бы» — вырастет «как бы...»

Прилежному — плов, лежебоке — колотушка.

Проспал весной — заплачешь зимой.

Работающий дело делает, нерадивый дни считает.

Рука с мозолью к работе близка; губа с мозолью — на еду падка.

Сапожнику некогда чинить свои сапоги.

Сломалась арба, лентяю дрова; погиб бык, лодырю — шашлык.

Стоячая вода плесенью покрывается.

Труд для знатока — почет и слава, для дурака — горе и отрава.

Ты «господин», я «хозяин», а зерно кто смелет?

У кого летом в голове не кипело, у того зимой котел не закипит.

Умрет не труженик, а бездельник.

У плотника свой дом не достроен.

Усадив верблюда, не начинай вить подпругу.

Хочешь узнать, кто ленив, — пошли на полив.

Чеканкой медь в серебро не превратишь.

Яблоко, зрей, да в рот скорей.

Яловая корова только мычит.

Бай-сват капризами заест, сват-бедняк просьбами надоест.

Байская милость — божья напасть.

Байский дар — божий удар.

Баям ежедневно — пир и той, беднякам — «ах» да «ой».

Бедняку дорогá родина, богачу — барыши.

Богатство — грязь на руках, помоешь — отойдет.

В кармане пусто — друзей не густо.

В кармане пусто — душе грустно.

В стаде бая умирает единственная овца бедняка.

Голодной курице и во сне просо снится.

Голодный ишак быстрее сытой лошади скачет.

Для бедняка и плов еда (иронич.)

Долги — смеясь и улыбаясь, уходят; плача и рыдая, приходят.

Есть деньги — играют уста, нет — шарят вокруг глаза.

За большим погонишься — малого не получишь.

И золотые двери постучат в двери деревянные.

Имеешь сто баранов — всегда будешь правым.

Истощенной лошади и собственный хвост — груз.

Кто с деньгами, тот и на слона бросается.

Кто умер с голоду, не ищи у него за пазухой еду.

Надел бай новый халат — «поздравляем» — говорят; надел бедняк халат — спрашивают — «где взял?»

Не видал я хоромы, но зато видал, как бая хоронили без савана.

Нет халата — нет брата; нет добра — нет друга.

От богача не жди щедрости.

О смерти бедняка через три дня узнают; умрет бай — мигом прибегут.

Погостишь у бая — от голода взвоешь; погостишь у бедняка — вдоволь покушаешь.

Пустой мешок стоять не будет.

Разжиревшая кляча бурдюка пугается; с разбогатевшим подлецом соседям не ужиться.

Сытое брюхо ко всем бедам глухо.

Сытость — чего не позволит болтать; голод — чего не заставит глотать.

Три козы — твоя кривда; сто коз — твоя правда.

У бродяги тысяча и одна дверь — есть куда стучать.

Хоть у байской дочери рот кривой, она женихов перебирает.

Чем быть глупым баем, лучше — умным нищим.

Чем идти к скаредным баям, лучше обратиться к милосердным горам.

Чем идти на рынок без денег, лучше сойти в могилу без савана.

Говорят: «мулла», «ходжа», но лучше всех — человек.

Гонимый и гонитель — оба бога призывают.

Два дервиша на одной подстилке ютятся, два шаха и на всей земле не уместятся.

Два муллы — один человек, и то не мужчина.

Думал — святой, оказался свиньей.

Кази — корова, муфтий — слепой, сам за себя постой.

Когда сеяли, ходжи не было, косили — тоже, а на току он тут как тут.

Кому кушать нечего — постится, кому делать нечего — молится.

Много травы — жиреет бык, много покойников — толстеет мулла.

Мулла не слышит, когда скажешь «дай», но спешит, когда говоришь «бери».

На бога полагайся, но ослика привязывай крепко.

Не угождай ишану — последнего ишака лишишься.

От клячи не жди резвости, от муллы — подачки.

При виде золота святой разворачивается.

Придешь к ишану — поручит тебе много делишек.

Скажешь «бери» — мулла раскроет глаза; скажешь «дай» — отвернется и от аллаха.

Слушай, что мулла говорит, но не делай того, что он творит.

Сопи лука не ест, а возьмется — и кожуры не оставит.

У ишана — пять желудков, один — всегда пустой.

Хан боится хана, а тот трусит перед своей женой.

У муллы чалма бела, но душа — черна.

Хоть ты и посетил Каабу, а глаза у тебя прежние.

Худшая лошадь — упрямая, худший человек — мулла.

Без расхода нет дохода.

Ел на меду — попал в беду.

Если глотку не зажать, она брюхатого верблюда проглотит.

Жадный ложку съест.

Жадность — мать стяжательства.

Из-за копейки плачет; заплачу тысячу — лишь бы замолчал.

Из-за одной блохи не губи одеяло.

Коза думает о жизни, мясник — о ее мясе.

Кто берет, тому и шесть мало, кто отдает, тому и пять много.

От тысячи сует делу пользы нет.

Пожалеешь лошадь — в плен попадешь.

Птица за полет платы не берет.

Сам не ест, другим все даст; испортится — псу отдаст.

Сколько камень не пили — воды ни-ни.

Скупого устыди угощением.

Слава пышная, скатерть никудышная.

Схватишься за две лодки — утонешь.

Сыплется из-за пазухи — пусть, но в мои же голе-нища.

У скупого еда не варится, если варится — котел не снимается.

Хоть брюхо и набито, глаза голодны.

Яркая краска быстрее блекнет.

В доме, где детишки, бывают воришки.

Глаза сироты на ложке, глаза вора на добыче.

Губят жену мелкие делишки.

Даже у братьев кошельки разные.

Дитя не заплачет — грудь не получит.

Для каждого свой ребенок — красавец.

Для вороны ее воронята — белые гусята.

Еда сироты варится исполу.

Еда сироты — постная каша, да и та варится до поздней ночи.

Жена хорошая — не к чему ходить на вечеринки, же-на плохая — в доме поминки.

Заденешь ребенка — пожалеешь.

Избалованному ребенку луну с неба подавай.

Красота нужна на празднике, любовь — каждый день.

Кто дома не имеет покоя, тот на улице тревожен.

Кто клеветет на родню, того накажет чужой, кто злословит о коне, того осрамит дорога.

Лучи из-за тучи, как слова из-под яшмака — жгучи.

Лучшую дыню шакал съедает.

Любишь розу — не гнушайся ее шипов.

Много у сироты сочувствующих, но мало хлебом угощающих.

Не из всякого яйца выходит дыпленок.
Не называй всякого с бородой — «Отец мой!»
От детей много хлопот, но без них — к чему этот свет?

Поверишь любовнику — потеряешь мужа.
Послал ребенка с поручением — пойдешь за ним следом.

Свадебный обед не проходит без обид.
Свой живот ближе родича живет.
Тяжело одной роженице, но охают девять женщин.
Узнала тетка — знает весь свет.
Умерла мать — ее гребенка мне досталась!
Умный сын — в пятнадцать лет солидный человек,
глухой — и в двадцать пять еще ребенок.
У невестки ист языка, у свекрови — совести.
У сироты «семь» желудков.
Хорошая жена — казна, плохая — наказание.
Чужая курица — гусыня, чужая жена — красавица.
Щенок у матери лаять учится.

Если темно в голове — весь мир кажется мрачным.
Знал бы, куда упаду, — постелил бы там.
Кто обжегся на молоке, тот дует на воду.
Легко стать ученым, труднее — человеком.
Не говори «я учился», расскажи, что познал.
Невежде безразлично, что уголь, что железо.
Нет надежды на приз, держись за седло.
Полезно слушать учителя, но иногда нужно послушать и ученика.

Приходит невежество — уходит ум.
Слепой курице все кажется пшеницей.
Услышавший видевшему весть подает.
Хорошо, если верблюд поймет, что и у него шея кривая.

Безумец любит безумца, а мулла — мертвеца.
Глупец сам себя хвалит.
Глупый бросит в колодец камень, вытаскивать его — сорока умным.

Глупый друг хуже врага.

Глупый не знает покаяния, поганец — родного селения.

Глупый поймет, когда устанет.

Гнев шагает впереди ума.

Делу умного душа радуется, проделкам дурака сердце печалится.

Драка дураку подручна.

Дурака хвали, да в руку лопатку ему клади.

Дурак дурака найдет и среди ночи.

Дураки все одинаковы, нет среди них ни меньшого, ни старшого.

Дурак сам не понимает и других не слушает.

Дураку — колотушки.

Кривоногому тесна только дорога, самодуру — даже большая деревня.

Молчание — ответ глупцу.

Наслаждаться пустяками — дело дурака, дивиться миру — дело умного.

Плохо, когда дело зависит от бестолкового.

Пока мудрый размышляет, глупый — совершит.

Пока умный обдумывает, дурак дважды сына женит.

Резвый конь камни сбивает, болтливый человек губит голову.

Собака лает, но верблюд не замечает.

Спросили у муравья: «Почему голова у тебя большая?» — «Умен». — «Почему талия тонка?» — «Красив». «Почему зад велик?» — «Придержи язык», — ответил он.

Стеклу ни к чему заплаты, дураку не нужны советы.

Беспечному — что ни день, то праздник.

У глупца — на языке, у мудреца — на деле.

У глупца не спрашивай число месяца.

У дурака кожа крепка.

Ум на рынке не купишь.

Ум не в годах, а в голове.

Ум не измеряется ростом.

Умный винит себя, глупый — врага.

Умному хватит и одного слова, дураку и тысячи не помогут.

Умный человек не начинает со слова «я».

У самохвала опора гнилая.

Чем иметь рост с верблюда, лучше иметь ум с пуговицу.

Хоть и дружат два самодура, мира у них не будет.

Верная собака лучше неискренного человека.

Видел — не скрывай, не видел — не болтай.

В мире слухов, что в Мекке арабов.

Вот складная ложь, ее нельзя променять на правду.

Где-то золото есть, говорят; придешь — и меди не найдешь.

Говорил смеясь, но высказал все.

Говорят, что где-то белорыбица плавает, посмотришь — простой рыбешки не увидишь.

Дырявые уши все услышат.

Если нет риса и масла, из пустых слов не сварить плов.

Курица солому разрыла — зад свой открыла.

Когда ревет осел, соловей молчит.

Косишь языком — поясница не болит.

Краем глаза не гляди — поле зрения уже, кончиком языка не говори — самому хуже.

Лжец приводит в свидетели покойников.

Многословие — груз осла.

На языке — любовь, на сердце — отравя.

Не гляди на него самого, послушай, что он говорит.

Не кричи на ветер — голос зря не дери.

Не сосчитав, не говори «тысяча».

Обещай не словом, а делом.

Открой ему пасть: если торчит язык — беги прочь от напасти.

От слова «мед» во рту сладко не бывает.

Покажет пшеницу — продаст ячмень.

Поторопишь зайку — словечка не вымолвит.

Речь твоя сладка, но меньше в ней силы, чем у со-
вомы.

Рот — один, ушей — пара: говори раз, слушай сорок
два раза.

Сиди криво, но говори прямо.

Слово клеветника губит человека.

Тысяча увещеваний не стоит одного свершения.

Чем пятьдесят пустых слов, лучше одно веское.

Язык растет на влажном месте.

Бьешь собаку — овцам она не охрана.

Глухая овца позже других пугается.

Для мышей и кошка — лев.

Если считаешь себя волком, считай других тиграми.

Заряженной винтовки боится один человек, незаря-
женной — сто.

Каждая лиса хвалит свой хвост.

Куда лиса — туда и ее хвост.

Лиса напакостит — волка винят.

Напуганная собака лает три дня.

На связанного льва даже зайцы нападают.

На тысячу ворон достаточно одного камня.

После ухода врага храбрых много объявится.

Пугливая лошадь от собственной тени шарахается.

Резвость кота — до чердака.

Сев на верблюда, за седло не прячься.

Собака храбра в своей конуре.

Собака боится нищего, а нищий — собаки.

Сокол с соколом дерется — добыча ворону достается.

Ужаленный змеей, боится веревки.

У лисы тысяча и одна увертка есть, но лучшая —
в глаза не лезть.

Упал человек — зубоскалов много.

У труса нет стыда.

Хитрец навредит во всех семи случаях.

Храбрый заменит в бою, трус — дома.

Беспечный и от воды тучнеет.

Бойся мужчины, говорящего с улыбкой; остерегайся женщины, говорящей со слезами.

Войдя раздетым в воду, не спрашивай: «виден ли зад?»

Все люди одного рода, но друг от друга отличаются.
Гордыня — дьяволу.

Для себя спит, для других — сны видит.

Доблестен тот, кто знает свои недостатки.

Досталась по жребию — не плачь.

Завистник вредит себе, скандалист — всем людям.

За гордость — расплата, за скромность — слава.

Знай сперва свои недостатки, потом поучай других.

Ишак низок — всякий садится.

Капризы девушкам подобают.

Колючка считает себя садом, укус — медом.

Копоть с котла сойдет, пятно позора с себя не смоешь.

Кто смотрит всегда в землю, того боится сама земля.

Ласковый теленок двух коров сосет.

На добро отвечать добром — дело каждого, а на зло добром — дело отважного.

На кривую палку не опирайся — сам согнешься.

На сухом дереве листья не растут.

На воду не опирайся, на колеблющегося не надейся.

Не оценивай сам себя, пусть люди оценят.

Не увидев воды, одежду не снимай.

Не зажигай — обожжешься, не копай яму другому — сам попадешься.

Не надейся на гнилую доску.

Не перекидывайся камнями со слепыми.

Не тесто и не хлеб: не годится ни на вечеринках, ни на поминках.

Ожиревший осел лягает хозяина.

Окажешь ишаку почести, загадит подстилку.

Осел от похвалы конем не станет.

Осел себя выше коня считает.

Отважный винит себя, трус — товарища.

От подлеца не жди почести, от деспота — верности.

От скверного откупись.
Перед стойкими не сгибайся.
Плюнешь в небо — плевок попадет тебе же в лицо.
Подлец ликует, когда творит подлость.
Подлого погубят его дела.
Подол опустится, но позор в глазах останется.
Потоп вселенной — гусю по грудь; дашь совет непослушному — пропустит мимо ушей.
Попросишь великодушного — отзовется, обратишься к малодушному — отвернется.
Престиж — стриженная коза.
Признаешь — и то польза.
При паршивых голову не чеси.
Просо с воробей, страдает перелел.
Развратнику после сорока лет лекарства нет.
Сам натворил — на себя пеняй.
Себялюбие — худший порок.
Сел на коня — не забывай себя; сошел с коня — не забывай его.
Сел на коня — не признает родного отца.
Сердиться неуместно — самому страдать.
Рассердишься на вошь — шубу свою сожжешь.
Собака мнит себя храбрее волка.
Сорванцу советы бесполезны.
Стреляй, если уверен, что попадешь в цель.
Хорошо, если игрок поймет, что он проиграл.
Хоть двери открыты, попроси разрешения войти.
Поднялся на гору, но не забывай про пятки.
Чем жить без совести, лучше умереть с честью.

Волосы длинные — от благости, ногти — от лени.
Волк съел или нет, но пасть у него «в крови».
В своем селе парню грош; в чужом — он всем хорош.
Двух коней к одному дереву не привязывай.
Делаешь добро, доводи до конца.
Дурной осел ломает кол, плохой конь — конюшню.
Змея не терпит мяты, а мята растет у ее поры.
Копю — один квут, кляче — тысяча.
Камешек мал, а голову пробивает.

Когда рубишь дерево, оно говорит: «А ведь ручка топора — деревянная!..»

Корова почестей не ищет, быку нежности ни к чему.

Корысть да страсть затягивают в сеть.

Кто много бегаёт, хоть раз поскользнётся; кто много смеётся, хоть разок заплачет.

Кто не видел черного, тот не увидит и белого.

Кто покушается, тот сокрушается.

Не способен на добро — не жди от него и зла.

На льду пыли не поднимай.

Не вешай на шею собаки алмаз.

Не все ли равно — черная свинья или белая.

Не грех, что заблудился, лишь бы обратно возвратился.

Не ищи жемчуга в навозе.

Не плюй в колодезь — придется из него напиться.

Не слушают твоих приказаний — тебе же страдание.

Нет розы без шипов, меда — без горечи.

Одних птиц кормят мясом, а у других — едят мясо.

От доброго останется сад, от скверного — ссадина.

От доброго человека останутся слава и потомство, от подлого — ни того, ни другого.

От дождя побежал — в снег угодил.

От одной и той же овцы родятся и белые и черные ягнята.

О хорошем — добрая слава, о плохом — дурная молва.

Подойдешь к казану — измажешься, с подлецом свяжешься — наживешь несчастье.

Пользы по щиколотку, беды по колено.

Пойдешь с добрым — достигнешь цели, с подлецом пойдешь — позор наживешь.

Проигравший чешет себе затылок.

Просить — позорно, не давать — позорно вдвойне.

Разваливающийся дом не удержишь одним кирпичом.

Зажег огонь для других — сам сгоришь.

Сблизился с негодяем — рано или поздно в яму провалишься.

Слово доброго — сметана, слово скверного — беда.

Соловей на развалине не останется, сова с ней не расстанется.

Слез с коня — сел на осла.

Сухие деревья горят, живые — плоды приносят.

У вора воровать — не грех.

У пропавшего ножа ручка «золотая».

У реки колодезь не роют.

Хотя идешь по кривой улице, шагай прямо.

Хотел подправить бровь, да глаз выколол.

Что подстелишь, на то и сядешь.

Волк и овца сватьями не будут, а если и будут, овца не обрадуется.

Волк на овцу напал, а пастух по нужде пропал.

Волчьи уши — на добыче.

Ворон ворону глаз не выклюнет.

В селе, где много собак, ходят с палкой.

Выслеживающий тебя «близкий друг» хуже далекого врага.

Два сокола дерутся — корм ворону достается.

Друг бранит, враг льстит.

Душить мышей — забава для кошки.

Если товарищ слепой, и ты глаза зажмурь.

Заиграла мышь с кошкой — смерть нашла.

Змея меняет чешую, а не нрав.

Змея мягка снаружи, ядовита внутри.

Ишак об ишака чешется.

Когда верблюд ловит верблюда, они кусаются и лягаются.

Когда земля жестка — бык винит быка.

Коли напарник твой ворона, будешь питаться навозом.

Кто жалеет волка, тот губит овец.

Кто смотрит на скатерть, тот не друг.

Лягаются два коня, меж ними поддыхает осел.

Не верь ложному другу — согнет тебя в дугу.

Не держишь кошек — размножаешь мышей.

Не разливай молока — нуждаться будешь, не обирай людей — сам пострадаешь.

Не пинай чужие двери — осквернят и твои.

Не ручайся, что собака не укусит, а лошадь не лягнет.

Не считай гору высокой: решишься — одолеешь; не считай врага несокрушимым: возьмешься — победишь.

Не оценив сам себя, как ты оценишь других?

Овцу с волком не сосватаешь, а если и сосватаешь — ее не обрадуешь.

Остерегайся «любви» врага.

От свиньи — хоть щетинка, и то хорошо.

Открытый враг лучше скрытного друга.

Палка попадает посреднику.

Пес псу не наступит на хвост.

Поговорил я с другом — про тайны врага узнал.

Приложи огонь к своему телу, если не жжет — тогда прикладывай к телу другого.

Пробуй нож сперва на себе, не больно — ударь другого.

Резвого пса не любит лиса, угрюмому не нравится смех.

С другом вместе ешь, пей, но в торги не вступай.

Сегодня — мне, завтра попадет и тебе.

Собака занята игрой, волк — овцами.

Собака лает — караван идет.

Спишь — врагу угодишь и улыбочку от него заслужишь.

Спящей змее на хвост не наступай, наступил — на себя пеняй.

Ссора разгорается из-за «ты... ты», «я... я».

У чужой собаки хвост поджат.

Хороший друг — утешение души, плохой друг — кол для головы.

Хочешь — дерись, хочешь — бранись, но место для мира сохрани.

Человек без друзей, что птица без крыльев.

Червь точит дерево изнутри.

Чужая одежда быстро пачкается, чужая лошадь легко потеет.

Чужими руками угли не таскай.

В вашем доме — попьем, покушаем, в нашем — поселимся, людей посмешим.

В гости без злости и сытым иди.

В неубранный дом — гости напролом.

Глупый гость хозяина угощает.

Гостем будь три дня, после трех — уходи.

Гость в первый день золото, во второй — серебро, в третий — медь, в четвертый — подлец.

Гость сидит мало, видит много.

Дал кушанье — больше не вмешивайся.

Устроишь пир — гости найдутся.

Иди, куда зовут; не ходи, где не ждут.

Имеешь доброго соседа — дни в блаженстве проводишь; живешь с плохим соседом — мучаешься.

Корова пьет воду — дает молоко, пьет воду змея — выделяет яд.

Кто не вкусил пчелиного яда, тот не оценит пчелиного меда.

Кто против соседа яму роет, тот в нее сам угодит.

На корове в гости не ездят.

Надоедливый гость — не имеет к себе уважения.

Не печалься: ходят к тебе не ради еды, а для беседы.

Не засматривайся на чужую квартиру, не стучи не вовремя в чужие двери.

Непрощенному гостю нет подстилки.

Не скажет гость «не накормили», пробормочет: «почему барана не зарезали».

Опасайся того, кто говорит, что есть не будет; остерегайся того, кто скажет, что сидеть не хочет.

Полагая, что «любит», не надоедай; думая, что «угощает», не жадничай в еде.

Раз ты пришел за айраном, не прячь миску.

Сначала — еда, потом — беседа.

Сосед не злой — не нужно забора для сада.

Соседская курица гусем кажется.

Сосед спокоен — и ты в покое.

Сосед учится у соседа, как раньше ложиться и поздно вставать.

Сосед хорош — и слепая дочь замуж выйдет.

Старшинство — подачками, удаль — ударами.

Тронешь огонь — погаснет; заденешь соседа — переселится.

Уважают хозяина — его собаке подбрасывают кость.

Угощать пса пловом, коня отрубями — не годится.

Частые посещения — меньше уважения.

Чем есть мед с укорами, лучше глотать комья земли.

Благодаря волку и птицы сыты.

Видит белого козла, думает: все в нем сало.

Вместо соли не лижи лед.

Во сне чего не увидишь.

Где мед — там и пчелы.

Даже муха садится на влажное место.

Давала бы каждая пчела мед — горы и камни стали бы сладкими.

Дело не идет — мучная похлебка зубы ломает.

Дешевый суп невкусен.

Дитя спешит, но ягода созревает в свое время.

И для одной курицы нужен корм и вода.

И прежняя каша, и прежняя чаша.

Исполнилась бы мольба пса — с небес падало бы мясо.

Когда верблюду нужны колючки, он вытягивает шею.

Ковырять в зубах — не значит быть сытым.

Кто не голодал, тот не поймет вкуса свежего хлеба.

Кушать много — копать себе могилу.

В готовую еду не льют холодную воду.

На свечу котел не ставят.

Не дотянется — говорит: «Плохо пахнет».

Не насытился, поев, не насытишься, полизав.

Объедки лисы лев пробовать не станут.

Погоди, мой ослик, вырастет клевер, покушаешь вдоволь.

Ударив меня по голове, в подол орешки не подбрасывай.

Сухая ложка рот дерет.

Рот без зубов — мельница без жерновов.

Сегодняшнее яйцо лучше завтрашней курицы.

С медом съешь и глину.

Чем ложка плова, лучше обильная каша.

Ячмень да пшеница — золото, оказывается; золото и серебро — камень, оказывается.

Взялась собака ковер ткать!

Говорят, в морозные дни собака кошке заказывает шубу.

Если в наряде такова, то какова же без наряда?

Кому нравится горбатый, кому — щербатый.

Красота равна десяти, из них девять — наряд.

Курица эта красива, но яиц она не несет.

От одной овцы десять шкур не получишь.

С лица воду не пьют.

Снаружи глянecь, изнутри — мерзавец.

Старая одежда тепла не дает.

Ворчливый скорее стареет.

В сорок лет вздумала зваться девой-княжной!

Кривое дерево растет криво.

Не бранись — состаришься.

Осел учит осленка по-ослиному.

Ошибаться — молодым, прощать — старым.

Пес стареет от хвоста, осел — от холки.

Сегодняшний воробей вчерашнего чириканию учит.

Сорвется с привязи эта телка — будет хуже того теленка.

Состарился верблюд — за верблюжонком плетется.

Старик разыгрался — жди непогоду.

Старый человек вздыхает о днях молодости.

У жирной овцы жизнь коротка.

Щенок лает, лает — становится собакой.

Болезнь — это одно, смерть — это другое.

Болит душа — проклянешь и аллаха.

Для большой головы большая болезнь бывает.

Думал лишь парша на голове, а он еще слеп на оба глаза.

Заболеть легко, труднее выздороветь.

Из-за мертвеца нельзя себя умерщвлять.

Лекарь не всякий, а тот, кто сам много болезней перенес.

Не говори, что болит голова тому, у кого она здорова.

Нездоров — обидчив.

О страхе смерти спроси у мыши, которая была в мышеловке.

Перед смертью лиса воет в норе.

Плач уместен у могилы.

Пойдешь к знахарю — болезнь найдешь.

Появилась седина, но не прибыло ума.

Скрываешь болезнь, но озноб выдает.

Сладкая жизнь без лихорадки не бывает.

Смерть мыши — кошке смех.

Умершая корова — молочная.

Утаиваешь долги — узнают; скрываешь болезнь — страдаешь.

Хочешь здоровья — меньше ешь; хочешь уважения — меньше болтай.

Башмаки украл один — подозревают тысячу.

Вору добро не доверяют.

И вор, и распутник — всех мерят по себе.

Кто ворует колхозное добро, тот вредит самому себе.

Кто курит, у того горит нутро и деньги.

Бешеная собака и хозяина кусает.

Дали бы рога быка ишаку — наверняка ничего не оставил бы живого.

Веди ишака к грузу, не идет — тащи груз к ишаку.

Верблюд не знает, что у него шея кривая, но упрекает змею, что у нее такая.

Верблюд сбрасывает с себя — ослу груз.

В один год две весны не бывает.
Ворон хоть тысячу раз крикнет, весны нет; гусю раз
крикнуть — весна тут как тут.
Где много петухов, там утро рано наступает.
Где нет птиц, там и лягушка соловей.
Дни лягушки проходят в кваканьи.
Журавль в небе, а силос на земле.
Запоздалый плевос бороды не смочит.
Зарекалась коза не подпускать к себе козла!..
Из золы холм не получится, из снега — курган.
И псу положено лаять в свое время.
Как бы ни извивалась змея, в нору должна вползти
выпрямившись.
Кит на берегу моря не играет.
Коза блеет, а вода течет; дитя плачет, а дни идут.
Куры повсюду кудахчут одинаково.
Лягушка воды захотела: раз толкнешь — дважды
прыгнет.
Не было зимы настоящей, не будет и лета желан-
ного.
Не вовремя закукарекал петух.
Не все, что сверкает — снег.
Нет ишака, который бы не орал.
Нет уток в озере — кулик господин.
Нечего каяться, когда вода выше переносицы под-
нимается.
Осел — грузом, свинья — жеванием занята.
Осел желает гибели ездоку, конь — счастья.
Подходи к собаке сзади, к коню — спереди.
Пока лиса докажет, кто она, — со шкурой расста-
нется.
Помянешь волка, а он тут как тут.
Попала блоха слепому в руки.
Собака не оставит свои собачьи повадки.
Собака обижается — хозяин не понимает; кошка
дуются — хозяйке невдомек.
Собачьи проклятья к волку не пристанут.
Собачьим глазам дым нипочем.
Собачью обиду хозяин не чует.
Солнце подолом не прикроешь.

У всех собак одинаков лай.

Хоть всему миру потоп, гусю горя нет.

Хоть свинья и сдохла, но хрюканье все слышится.

Человека не узнаешь, пока с ним много времени не проведешь.

Черепашка на дерево не залезет, лягушка не взлетит.

Арба скрипит за сорок дней до износа.

Ветка ломается там, где сгибается.

Глухой в одну сторону, слепой — в другую.

Ищешь — не найдешь, а что не нужно, валяется.

Камыш не зажмешь — руку порежешь.

Когда караван повернется, хромой окажется впереди.

Конь наступит тысячу раз туда, куда не хотел ступать.

Кто упал в солончак, тот выйдет соленым.

Не все ли равно, как взобраться на осла — справа или слева.

Не тронь лошадь — не станет лягаться.

СЛОВАРЬ

- Ага — господин, уважаемый. Употребляется при обращении к старшим.
- Азан — призыв к молитве.
- Аламанщик — участник разбойничьей шайки.
- Алдаркесе — буквально: Алдар — обманщик, кесе — безбородый, хитрец.
- Амбал — грузчик.
- Ата — отец.
- Бай — богат, кулак.
- Батман — мера веса.
- Батыр — силач, богатырь, храбрый воин.
- Бахши — певец-музыкант, сказитель-импровизатор.
- Бисмилла — мусульманское восклицание: «Во имя аллаха».
- Борык — головной убор замужней женщины.
- Вскили — доверенные, спаты.
- Визирь — ближайший советник государя.
- Гелин — невестка, молодая женщина.
- Гурни — согласно мусульманской религии, девы, обитающие в раю и предназначенные для услады праведников.

- Дестан — сказание поэта на лирико-эпическую и героическую тему.
- Джины — злые духи.
- Дутар — двухструнный музыкальный инструмент,
- Дэв (див) — демон, циклоп.
- Елбарс — тигр.
- Ишан — духовное лицо у мусульман.
- Каэн (казий) — духовный судья у мусульман.
- Калым — выкуп за невесту, ее цена, вносимая родственниками жениха. В наши дни запрещен законом.
- Кала — крепость.
- Камча — плеть.
- Каныр (кяфир) — неверный, иноверец.
- Кемине — литературный псевдоним поэта Мамедвели (род. в 70-х гг. XVIII в. — умер в 1840 г.). Документальных данных о его жизни не сохранилось.
- Кибитка — переносное жилье у туркмен-кочевников, войлочный шатер, юрта.
- Коран — книга, считающаяся у мусульман священной.
- Кран — металлическая монета.
- Кумган — металлический сосуд для воды, вроде кувшина.
- Курбанлык — мусульманский праздник с жертвоприношением животных, обычно баранов.
- Кяды — тыква. Пустотелая и высушенная, она ранее использовалась в качестве сосуда для воды.
- Мазар — гробница, могила.
- Майса — зеленые стебли зерновых культур, зелена.
- Мары (Мерв) — город в Туркменистане.
- Мектеб (мектеп) — ранее начальная мусульманская школа. В настоящее время всякая общеобразовательная школа.
- Мечеть — мусульманская церковь, где совершается богослужение.
- Мирали — Алишер Навои (1441—1501) — великий узбекский поэт, мыслитель и государственный деятель.
- Молла (мулла) — мусульманское духовное лицо; иногда обозначает учителя или просто грамотного человека.
- Намаз — молитва, совершаемая пять раз в день. Последний намаз — вечером, перед сном.
- Окара — небольшая деревянная миска, которой в быту пользовались как мерой сыпучих тел.
- Падшах (шах) — государь.
- Пальван — богатырь, силач.

- Пир — духовный наставник, священник, руководитель общины верующих мусульман.
- Салам-алейкум — здравствуйте.
- Сачак — обеденная скатерть.
- Соли — ученик духовной школы при мечети.
- Султан — государь.
- Тагсыр (таксир) — господин. Служит обращением к духовным лицам.
- Тагма — железное клеймо, тавро. Обычно служит для пометки скота.
- Таньга — металлическая монета.
- Текницы — одно из туркменских племен.
- Тельпек — большая шапка из овчины с длинной шерстью и мехом на верх.
- Той — праздник, пиршество, свадьба.
- Тюйдук — пастушья свирель из тростника.
- Тюмен (туман) — десять тысяч; чаще крупная сумма.
- Тюйнук — круглое отверстие в крыше кибитки, дымоход.
- Хан — государь. Иногда ласкательное слово при обращении к младшим.
- Хива — столица ханства. Ныне районный центр Хорезмской области Узбекистана.
- Хорасан — область, включающая в себя современные Иран и Афганистан.
- Хум — большой глиняный кувшин для жидкостей: воды, масла и т. п.
- Хурджун — переметная сума, чаще всего ковровая или вытканная из шерсти.
- Худжре — жилище учеников духовной школы при мечети. Род кельи.
- Хушьюр — обязательная дань мусульманской церкви от имущества.
- Чал — прохладительный напиток из верблюжьего молока, подобного кумысу.
- Чарыки — кожаная обувь, похожая на глубокие галоши.
- Челек — небольшой плоский бочонок для воды.
- Чилим — прибор для курения, род кальяна, изготавливаемого из обычного водяного ореха — чилима, а также вообще курение.
- Шурпа — бульон с мясом.
- Эдже — мать.

Эртеки — народные сказки.

Ясаул — стражник.

Яшули — уважаемый. Применяется при обращении к старшим.

Яшмак — платок, которым женщина закрывает рот и часть лица при разговоре со старшими мужчинами и женщинами.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие <i>Б. Каррыев</i>	5
Кемине. Перевод <i>О. Довлетовой, Н. Желниной</i>	14
Мирали. Перевод <i>О. Довлетовой, Н. Желниной</i>	38
Алдаркосе. Перевод <i>О. Довлетовой, Н. Желниной</i>	56
Эсенполат. Перевод <i>О. Довлетовой, Н. Желниной</i>	90
Эртски. Перевод <i>О. Довлетовой, Н. Желниной</i>	96
Карры-ата. Перевод <i>М. Злобиной</i>	116
Грех и смех. Перевод <i>М. Злобиной</i>	122
Эпенди. Перевод <i>О. Довлетовой, М. Злобиной</i>	138

СОВРЕМЕННЫЙ ЮМОР

Обо всем. Перевод <i>М. Злобиной</i>	175
Про Ата Копека. Перевод <i>Г. Кулиевой</i>	183
Н. Помма. Тайлак Хыззын. Сон Мурадали-ага. Перевод <i>М. Шамиса</i>	189
Н. Эсенмуратов. Кыняк. Перевод <i>М. Шамиса</i>	195
А. Анпабердыев. Хорошее настроение. Перевод <i>М. Шамиса</i>	199
Д. Сахатов. Ошибка. Перевод <i>И. Никошенко</i>	202
К. Тангрыкулиев. Про Реджепа. Перевод <i>С. Баруздина, И. Ходжаева</i>	206
Пословицы и поговорки. Перевод <i>Б. Каррыева</i>	212
Словарь	234

ТУРКМЕНСКИЙ ЮМОР

Издательство «Туркменистан»

На русском языке

Редакторы: С. Аннасахатов, Н. Золотарёв
Художественный редактор Я. Бира
Техредактор М. Пурлиева
Корректоры: А. Анищенко, Т. Панкина

Сдано в набор 20/VI-65 г. Подписано к печати 1/III-67 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Физ. л. 7,5. Прив. лист. 12,6. Учетно-изд.
лист. 10,47. Тираж 100 000 И-03923
ИТ № 6611, Заказ № 711. Ц. 63 к.

Издательство «Туркменистан», Гоголя, 17-а, Ашхабад.

Книжная фабрика № 1 Росглаволиграфпрома Комитета по
печати при Совете Министров РСФСР, г. Электросталь Мо-
сковской области, Школьная, 25.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТУРКМЕНИСТАН»
выпустило на русском языке

Романы:

- Б. Солтаниязов. **Сумбар течет.**
Б. Пурлиев. **Ветры над Челекеном.**

Повести:

- А. Гельдыев. **Наш земляк.**
Х. Исмаилов. **Упрямец.**
Б. Сейтаков. **Паутина.**
Б. Худайназаров. **«Сормово» 27».**

Рассказы:

- С. Атаев. **Рыжий из Ашхабада.**

Стихи:

- Д. Халдурды. **Был я солдатом.**
В. Зубарев. **Живая связь.**
Ю. Рябишин. **Не оставляй меня, юность.**

Сказки:

- А. Солтанмурадов. **Сад счастья.**

Эти произведения Вы можете приобрести в магазинах книготоргующей сети, магазинах потребкооперации, а также заказать почтой, по адресу:

Г. АШХАБАД, ХИВИНСКАЯ 1, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН, «КНИГА-ПОЧТОЙ».